В. И. ЛЕНИН

И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Издательство
Ленинградского
университета
1970

Ленинградский
ордена Ленина
и ордена
Трудового Красного Знамени
государственный
университет
имени А. А. Жданова

В. И. ЛЕНИН

И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В сборник включены статьи по различным проблемам истории СССР и всемирной истории. Авторы анализируют произведения В. И. Ленина, посвященные исторической науке в целом, отдельным разделам истории России и всемирной истории, революционному движению в стране, зарождению партии большевиков. В очерках подчеркивается научное и политическое значение произведений В. И. Ленина для советской исторической науки.

Книга рассчитана на научных работников и преподавателей истории и других общественных наук высших и средних учебных заведений, а также на лекторов и пропагандистов.

1-6-3
146-69

В. В. Мавродин

В. И. ЛЕНИН О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ КРЕСТЬЯН В ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Классовой борьбе в феодальной России, и прежде всего крестьянскому движению в дореформенный и пореформенный периоды, В. И. Ленин уделял очень большое внимание. Проблема классовой борьбы крестьянства заинтересовала В. И. Ленина в связи с разработкой им вопроса о союзе пролетариата и крестьянства в грядущей революции.

Роль разработки В. И. Лениным крестьянского вопроса в России для понимания исторического развития нашей страны, развития революционной борьбы трудящихся масс исключительно велика. Это тем более важно подчеркнуть, что народники, а в годы революционной деятельности В. И. Ленина либеральные народники, эпигоны революционного народничества 70-х годов и времен второй революционной ситуации, считали себя и только себя выразителями интересов «народа», т. е. в условиях России в первую очередь крестьянства.

В. И. Ленин решительно выступил против народнического понимания положения крестьянства и его социальных чаяний. Обращаясь к оценке истории русского крестьянства, которую давала народническая литература, В. И. Ленин отмечал, что она «ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам».[1]

В то же время В. И. Ленин резко критиковал меньшевиков, которые, выступая против народничества, проглядели его «прогрессивное историческое *содержание*», заключающееся

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 342.

в «теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы» за передовой революционный «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве. «Отсюда их... идиотская, ренегатская идея... что крестьянское *движение* реакционно...» Эту идею В. И. Ленин называл «чудовищным извращением марксизма».[2]

В трудах В. И. Ленина подчеркивается огромное политическое значение проблемы классовой борьбы крестьянства для выработки программы, стратегии и тактики партии революционных марксистов в России, создателем и руководителем которой он был.

Большинство работ В. И. Ленина, связанных с анализом и характеристикой классовой борьбы крестьянства в России, написано до Великой Октябрьской социалистической революции, когда вопрос о союзнике пролетариата в революции был чрезвычайно важным. После победы социалистической революции встали другие, не менее сложные задачи, решению которых В. И. Ленин посвящал свои труды. Но и в пореволюционное время В. И. Ленин возвращался к истории «мятежного крестьянства» в России. Об этом свидетельствуют речь, произнесенная В. И. Лениным с Лобного места при открытии памятника Степану Разину (1919 г.), лекция «О государстве» (1919 г.) и, наконец, принятый в 1918 г. ленинский план монументальной пропаганды. План предусматривал установку монументов выдающимся историческим деятелям в Москве и других городах Советской России. Наряду с Радищевым и Рылеевым, Герценом, Огаревым и Белинским, Кибальчичем и Халтуриным, и первым среди них, в ленинском плане монументальной пропаганды был назван Степан Разин. В декрете, подписанном В. И. Лениным 15 апреля 1918 г., указывалось, что эти памятники должны «ознаменовать великие дни Российской Социалистической революции», отражать «идеи и чувства революционной трудовой России», напоминать о замечательных людях прошлого и подчеркивать величие «переворота, преобразившего Россию».[3] Огромное значение, которое В. И. Ленин придавал крестьянскому движению в России, с одной стороны, большая роль популяризации героев народной освободительной борьбы — с другой, побудили его выступить с речью при открытии памятника Степану Разину, выполненному в дереве С. Т. Коненковым.[4]

Мысли, высказанные В. И. Лениным в связи с крестьянским движением в конце XIX — начале XX в. и в период первой русской революции, относятся ко всей истории классовой борьбы

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229.

[3] См. сб.: Борьба за реализм в искусстве 20-х годов. М., 1962, стр. 55—57.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326. Об установке памятника Степану Разину, выполненного скульптором С. Т. Коненковым, см.: С. Т. Коненков. Встреча с В. И. Лениным. «История СССР», 1957, № 1, стр. 234; А. Каменский. Коненков. М., 1962, стр. 127—136.

крестьянства в царской России. Не случайно, говоря о феодализме в России, о феодально-крепостнических формах господства и подчинения, эксплуатации и зависимости, В. И. Ленин писал, что «крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век...)».[5] Не случайно и то, что, отмечая наличие феодальных, крепостнических пережитков в пореформенной деревне с ее кабалой, отработками и пр., В. И. Ленин находит корни этих явлений в седой древности, в XI веке, во временах «Русской правды».[6] Таким сопоставлением В. И. Ленин подчеркивал то основное, что характеризует феодальные отношения в России ab ovo — от раннего феодализма, истоков древнерусской государственности до феодальных пережитков в пореформенное время, на грани двух столетий, пережитков, полностью ликвидированных лишь Великой Октябрьской социалистической революцией. В. И. Ленин считал необходимым подчеркнуть, что классовая борьба крестьян с феодально-крепостнической системой in corpore или ее пережитками продолжается сотни лет.

Характеризуя историческую роль крестьянства в русской революции, В. И. Ленин писал: «...века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости» у русских крестьян.[7] Вот поэтому-то, «когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство».[8]

Не надо забывать, что «крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу...».[9] Вот поэтому-то В. И. Ленин подчеркивает, что в те времена, когда царило крепостное право, врагом его являлось *«все крестьянство как целое»*.[10]

Какой характер носила классовая борьба крестьян в феодальной России?

---

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 237.

[6] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 199, 314; т. 15, стр. 131.

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210—211.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 306.— Громадное количество источников, введенных в научное обращение советскими исследователями и посвященных борьбе с феодально-крепостнической системой и ее конкретными представителями большого числа «лучших», «прожиточных», «капиталистых» крестьян, является убедительным подтверждением мысли В. И. Ленина (см. примечание 39 на стр. 13 данного сборника).

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

«Вся прошлая жизнь крестьянства, — писал В. И. Ленин, — научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы».[11] Крестьяне пытались найти его в восстаниях. Но что это были за восстания? В эпоху крепостничества крестьяне в России были неспособны «ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже „бунтов", не освещенных никаким политическим сознанием...»[12] Вот почему В. И. Ленин считал возможным применить по отношению к крестьянскому восстанию в крепостной России формулировку, данную пушкинским Гриневым в «Капитанской дочке». В. И. Ленин пишет: «Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между „русским бунтом, бессмысленным и беспощадным", и революционной борьбой...»[13]

Из приведенного следует определенный вывод — крестьянским восстаниям чуждо то политическое сознание, которое вырабатывается на гораздо более позднем этапе революционной борьбы трудящихся масс в России.

Как известно, В. И. Ленин говорил о трех поколениях русских революционеров, о трех этапах освободительного движения в России, подчеркивая, что только «в 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»,[14] о Радищеве как первом русском революционере.[15]

Наивысшие формы политического сознания свойственны третьему этапу революционного движения, когда на арену политической борьбы вышел рабочий класс. До такой политической сознательности крестьянство феодальной России, конечно, не поднималось.

Нельзя думать, что крестьянство совершенно не представляло себе цели своих выступлений и не пыталось в отдельных случаях преодолеть присущую крестьянскому движению локальность.[16] В. И. Ленин указывал, что «„стихийный элемент" представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности», что даже «примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности...».[17] Особенно характерно это явление для крестьянских войн, и

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228—229.

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315; см. также т. 21, стр. 256, 261; т. 23. стр. 397—399; т. 25, стр. 93—96.

[15] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

[16] См.: В. В. Мавродин. Историческое значение крестьянских войн в России. В сб.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, стр. 204.

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 29—30.

в первую очередь для крестьянской войны под предводительством Пугачева. Но в единоборстве с феодалами конечная победа остается не за крестьянами. Крестьян в их борьбе с крепостничеством должен возглавить другой класс — или буржуазия, или пролетариат. Но в России слабая и малочисленная буржуазия не могла возглавить решительную борьбу с феодализмом и повести за собой крестьянство. Рабочий класс, который мог, и только он один мог, поднять крестьянство на штурм феодализма, еще не сформировался. «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».[18]

Как и за что боролось крестьянство?

В. И. Ленин отмечает разнообразные формы классовой борьбы и подчеркивает, что «в различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план...».[19] Это могут быть и действия всевозможного рода «воровских людей», «разбойных партий», «беглых» и т. п. (официальная терминология, как известно, отнюдь не отражает истинного социального содержания этих понятий), «когда воюющий *мстит* врагу, не имея силы *уничтожить,* раздавить врага»,[20] и «бунт на коленях» с его челобитными, ходоками, «мирскими выборными», и отдельные местные крестьянские восстания, и, наконец, крестьянские войны, не просто как сумма слабо или вовсе не связанных друг с другом отдельных восстаний, а как высшая форма проявления классовой борьбы крестьянства в феодальной России.[21]

Крестьянские войны в России возникают в период формирования русской нации. В. И. Ленин подчеркивал, что национальные связи в России начинают складываться вместе с образованием всероссийского рынка. В споре с Н. К. Михайловским, утверждавшим наличие в России родовых связей, В. И. Ленин горячо и убедительно отвергал теорию одного из «столпов» либерального народничества. Он писал: «...в средние века, в эпоху московского царства» «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии...». Далее В. И. Ленин отмечал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 319.
[21] См.: В. В. Мавродин, ук. ст. В сб.: Методологические вопросы общественных наук, стр. 201—202.

обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок... Создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных».[22]

Специфической особенностью крестьянских войн в России явилось то обстоятельство, что, зарождаясь в период складывания русской нации, они ставили вопрос о феодальной системе именно в национальном масштабе.[23]

В. И. Ленин считал крестьянскую войну гражданской. Восстание Спартака он характеризовал как гражданскую войну. Гражданской В. И. Ленин называл и крестьянскую войну в Германии. «Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества... Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России».[24] Поэтому не только в крестьянских войнах, хотя именно в них в первую очередь, но и во всей классовой борьбе крестьянства на авансцену выступает основная цель восставших крестьян — «*изгнание помещиков и захват* помещичьих земель... Крестьянского восстания без расправы с помещиками и захвата земель никто не стал бы, наверное, и представлять себе».[25] Речь шла не о том, чтобы одни варианты феодальных отношений сменить другими, не о форме и норме уступок со стороны феодалов, не о каком-либо договоре между двумя непримиримыми врагами — феодалами и крестьянством, а о ликвидации всей крепостнической системы в целом.[26] Это борьба за землю и волю. Не случайно В. И. Ленин относил Степана Разина к тем, что сложил «голову в борьбе за свободу».[27]

Чем же была борьба крестьян за землю и волю? В. И. Ленин отмечает, что «лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен».[28]

Конечно, речь идет не о восстаниях смердов эпохи «Русской правды», а о времени гораздо более позднем, «новом периоде русской истории». Каков был социальный идеал «мятежного крестьянства»? — «...общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...», стремление к которому «проходит через каждый исторический шаг крестьян...».[29] Безусловно, этот

---

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

[23] См.: В. В. Мавродин, ук. ст. В сб.: Методологические вопросы общественных наук, стр. 200.

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 319.

[26] В. В. Мавродин, ук. ст. В сб.: Методологические вопросы общественных наук, стр. 201.

[27] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326.

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 102.

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

идеал неосуществим, ибо общественный строй свободных мелких производителей — крестьян существовать не может. Более того, стремясь к новой общественной жизни, крестьянство «относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе...».[30] Отсюда и вера в «хорошего царя», столь характерная для крестьян в России. Крестьянская война, как и всякая гражданская война, являлась борьбой за власть, хотя власть эта мыслилась в старой, привычной, самодержавной форме. Крестьяне боролись не против монархии, а за нее, но во главе со своим, «мужицким» царем что было проявлением не царистской идеологии дворянства, а типичным наивным монархизмом, в основе которого лежали патриархальные устои русской деревни. Они были чрезвычайно живучи, и крестьянство верило в царя, в принципы монархизма. Полуфеодальное, полупатриархальное самодержавие изжило себя лишь к XX веку.[31] Наивный монархизм выражался в вере в «хорошего царя», что обусловило распространение самозванства.

В. И. Ленин останавливал свое внимание на Разине и Пугачеве. В статье «О чем думают наши министры?», написанной для газеты «Рабочее дело» еще в 1895 г., но вышедшей из печати только в 1924 г., он сообщал о совершенно доверительном письме министра внутренних дел Дурново обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву от 18 марта 1895 г. по поводу воскресных школ. У преподавателя одной из воскресных школ при обыске было отобрано письмо. «В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева. Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы».[32] Выступая на открытии памятника Степану Разину 1 мая 1919 г., В. И. Ленин назвал его одним «из представителей мятежного крестьянства», в среде которого насилие и надругательство и «в прошедшие времена вызывали возмущения».[33]

В. И. Ленина интересовало устное народное творчество, отразившее социальные чаяния и стремления широких народных масс, в первую очередь крестьянства. В. Д. Бонч-Бруевич сообщает, что в связи с изучением литературы по фольклору и этнографии В. И. Ленин говорил ему: «Какой интересный материал. Я бегло просматривал все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь

---

[30] Там же.
[31] См. там же, стр. 346.
[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 79.
[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326.

на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».[34] Подчеркивая, что «самое важное, затаенное» крестьяне могли и не сказать собирателю фольклора, усматривая в нем «барина», т. е. представителя другого, враждебного крестьянству класса, которому опасно раскрывать свои заветные мечты о мире без барина, земле и воле, В. И. Ленин говорил: «Надо докопаться до скрытых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного».[35]

Настроения крестьян оказывали большое влияние на развитие передовой общественно-политической, революционной мысли. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»[36] В работах В. И. Ленина подчеркивается огромное значение классовой борьбы в историческом развитии России. Такой переломный момент, как крестьянская реформа 1861 г., в конечном счете являлся следствием классовой борьбы крестьянства. Революционная ситуация кануна реформы, напомнившая правящим кругам и российскому дворянству о «грозной пугачевщине», положила начало новому этапу истории России. В. И. Ленин писал: «Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить

---

[34] В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 118.

[35] Там же, стр. 120. — Советские фольклористы проделали немалую работу по собиранию, систематизации и изучению фольклора, отражающего классовую борьбу крестьян в крепостной России, в частности крестьянские войны (см.: В. П. Адрианова-Перетц и Б. Н. Путилов. Народное поэтическое творчество времен крестьянских и городских восстаний XVII в. В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М.—Л., 1953; Б. Н. Путилов. Отражение в народном творчестве крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. М.—Л., 1955; А. Н. Лозанова. Песни и предания о Степане Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935; Фольклор Урала. Собр. и сост. В. П. Бирюков. Челябинск, 1949; В. К. Соколова. Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева. В кн.: Русское народно-поэтическое творчество. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XX. М.—Л., 1953; Русское народное поэтическое творчество. М., 1954; А. Н. Лозанова. Песни и предания о Степане Разине в XVIII — первой половине XX века. В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. М.—Л., 1955; Исторические песни. Л., 1956; Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соколов. М.—Л., 1956; Исторические песни XVII века. М.—Л., 1966; К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967). Но изучение фольклора в целом «под социально-политическим углом зрения» еще только начато. К сожалению, в исторических произведениях анализ фольклора, как правило, или отсутствует вовсе, или крайне недостаточен.

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу».[37] В другой работе В. И. Ленин подчеркивал: «Мы всегда учили и учим, что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в *конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований».[38] Это положение В. И. Ленина целиком применимо к классовой борьбе крестьян в феодальной России.

За последние годы достоянием исторической науки стали многочисленные материалы, впервые введенные в научное обращение, и огромная специальная литература.[39] Советские исследователи стремятся использовать бесценное наследие В. И. Ленина, относящееся к области отечественной истории, в частности к классовой борьбе крестьян, особенно к крестьянским войнам в России.

---

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 430.

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 333—334.

[39] Историю вопроса см.: История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1959 гг., т. I. М., 1956; А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века). «Вопросы истории», 1957, № 2; В. В. Мавродин. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1961, № 5; Сб.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС (статьи Л. В. Даниловой, Б. Б. Кафенгауза, А. А. Преображенского). М., 1962; В. И. Кириллов. Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России (XI—XVIII вв.). «Вопросы истории», 1965, № 3; В. В. Мавродин. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России. В кн.: И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966; В. В. Дорошенко, З. Е. Янель. Заметки о новой литературе по истории феодальной России. — «История СССР», 1968, № 5.

В. А. Петрова

В. И. ЛЕНИН ОБ АБСОЛЮТИЗМЕ В РОССИИ

За последнее время в исторической науке возрос интерес к вопросам возникновения и особенностям развития абсолютизма в России. Об этом свидетельствует дискуссия, развернувшаяся на страницах исторических журналов. [1]

Проблема абсолютизма приобрела в настоящее время такую научную остроту потому, что дальнейшее изучение социально-экономической эволюции России затруднительно без четкого определения сущности русской абсолютной монархии. Этому вопросу посвящен сборник «Абсолютизм в России». [2] Историография вопроса подробно рассмотрена в статье М. П. Павловой-Сильванской. [3]

Для анализа путей развития самодержавия в России, для характеристики русского абсолютизма огромное значение имеют труды В. И. Ленина.

---

[1] См.: А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма. «История СССР», 1968, № 2; А. Н. Чистозвонов. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма. «Вопросы истории», 1968, № 5; А. Л. Шапиро. Об абсолютизме в России. «История СССР», 1968, № 6; М. П. Павлова-Сильванская. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. «История СССР», 1968, № 4; А. М. Давидович и С. А. Покровский. О классовой сущности русского абсолютизма. «История СССР», 1969, № 1.

[2] См. статьи: Н. М. Дружинин. Просвещенный абсолютизм в России; Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.; Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в.; М. П. Павлова-Сильванская. Социальная сущность областной реформы Екатерины II; С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVII вв. См.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 40-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964.

[3] М. П. Павлова-Сильванская. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. «История СССР», 1968, № 4.

Русское самодержавное государство в своем развитии прошло несколько этапов. В. И. Ленин подчеркивает, что «монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение».[4] Особенности развития феодальных отношений в России — господство класса помещиков-крепостников и забитость огромной массы крестьянства — придали много самобытных черт государственному строю в России.

В работах, посвященных анализу русской действительности и развитию революционного движения в конце XIX — начале XX в., В. И. Ленин неоднократно останавливался на истории русского государства.

В своих исследованиях он раскрыл классовый характер государства. Касаясь феодального государства, Ленин говорил, что оно, как и всякое другое государство, есть «машина для поддержания господства одного класса над другим».[5] Более того, возникнув в результате обострения классовых противоречий, государство становится со временем «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса».[6]

В. И. Ленин подчеркивает, что самодержавие не есть нечто неизменное, однажды установленное, а постоянно эволюционирующая форма государства;[7] при этом классовая борьба в его эволюции имела определяющее значение. В лекции «О государстве», конкретизируя это положение, В. И. Ленин писал, что и в период господства феодально-крепостнических отношений в России «для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство...»[8]

Учитывая особенности социально-экономических отношений в России, В. И. Ленин далее уточняет свою мысль: «Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей».[9] При крепостном строе

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 359.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр 171.

[7] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346; т. 20, стр. 121.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

[9] Там же.

«крестьянство... считалось прикрепленным к земле» и составляло большинство трудового люда, а «городское население было крайне слабо развито».[10]

В XVII в. в России окончательно складывается крепостническая система с ее натуральным хозяйством, общиной, поместным землевладением и прикреплением крестьян к земле.[11] В то же время именно в XVII в. развитие производительных сил, товарно-денежных отношений привело к образованию единого национального внутреннего рынка, установлению постоянных экономических связей внутри всей обширной территории страны, к развитию зачатков и предпосылок капитализма в виде крупных мануфактур в промышленности, формированию буржуазных элементов в городе и деревне. Этот период — «примерно с 17 века», — когда при господстве феодально-крепостнических отношений начинают создаваться новые национальные связи, которые были не чем иным, как связями буржуазными, В. И. Ленин назвал новым периодом русской истории.[12] В этом плане несколько странным выглядит утверждение А. М. Сахарова, что «в развитии государственного строя XVII века нет ничего, что указывало бы на какие-либо элементы, связывающие этот строй с буржуазным развитием».[13] Новые социально-экономические отношения определяли возникновение и новых форм классовой борьбы, новых антагонистических противоречий в недрах феодального общества, которые неизбежно вели к образованию новых форм государства. «...Диалектика истории такова, — говорил В. И. Ленин об эволюции монархии в России, — что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке».[14]

Наиболее яркой и высшей формой выражения классовых противоречий в новый период истории России явились крестьянские войны.[15]

Мысль В. И. Ленина об эволюции самодержавия в России заслуживает самого пристального внимания и изучения. Наиболее подробно В. И. Ленин останавливается на этой проблеме в статье «Наши упразднители», написанной в 1911 г. Датировка

---

[10] Там же, стр. 75—76.

[11] См.: В. В. Мавродин. Экономические предпосылки складывания русской нации. В сб.: Начальный этап формирования русского национального языка. Изд. ЛГУ, 1961.

[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

[13] А. М. Сахаров. Ленин об основных этапах развития русского государства. В сб.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, стр. 311.

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

[15] См.: В. В. Мавродин. Историческое значение крестьянских войн в России. В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Изд. ЛГУ, 1968.

статьи чрезвычайно важна. В ней В. И. Ленин отмечает: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении».[16]

В каком же направлении эволюционировал государственный строй в России? Развивая свою мысль, В. И. Ленин указывал: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии».[17]

В. И. Ленин говорит об эволюции государственного строя в России «за последние три века». Отсчитав три века от XX столетия, от времен столыпинской реформы, мы вернемся в XVII век, т. е. в тот самый «новый период русской истории», который характеризуется фактическим слиянием всех областей, земель и княжеств в одно целое.[18] «Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных».[19]

Историки и историки государства и права, приводя мысль Ленина об отличии монархии XVII в. от монархии XVIII в. и т. д., как правило, обрывали цитату на том месте, где речь шла именно о характере этой эволюции в сторону буржуазной монархии. Вряд ли можно сомневаться в том, что, игнорируя это существенное уточнение, оставляя лишь одну констатацию эволюции, они из опасения модернизации не искали корни этой эволюции в эпохе, которую от первого шага в направлении к буржуазной монархии, от буржуазных реформ 60—70-х годов XIX столетия, отделяли два века.[20]

Из всего сказанного можно сделать вывод, что В. И. Ленин именно в новом периоде русской истории («примерно с 17 века»)

---

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 121.

[17] Там же.

[18] В. И. Ленин имеет в виду отдельные «земли», частью даже «княжества», «сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.», на которые распадалось Московское государство в эпоху, предшествовавшую новому периоду русской истории (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153).

[19] Там же, стр. 154.

[20] См.: В. В. Мавродин. Некоторые вопросы эволюции русского самодержавия в XVII—XVIII вв. В кн.: Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1958, стр. 78.

находил такие зародыши развивающихся в недрах крепостного общества буржуазных элементов, как всероссийский рынок, буржуазные связи, первые мануфактуры.[21] Другое дело, что, эволюционируя в сторону буржуазной монархии, русский царизм вплоть до его свержения в феврале 1917 г. так и не превратился в буржуазную монархию, и присущие самодержавию пережитки феодализма в России (сословия, помещичье землевладение, связь церкви с государством и т. п.) ликвидировала только Великая Октябрьская социалистическая революция.

«Чиновничьи-дворянская монархия» (В. И. Ленин) XVIII века, особенно второй его половины, являлась формой государства, наиболее соответствующей сложной обстановке нарастания противоречий внутри крепостнической системы в целом. С одной стороны, господствующий класс дворян-помещиков старается сохранить status quo, приспособить свое хозяйство к развивающемуся национальному рынку, все больше прислушиваясь к потребностям внешнего рынка. С другой стороны, в недрах феодального общества развиваются капиталистические элементы. С одной стороны, рост крепостнической эксплуатации и крепостного права, а «когда было крепостное право, — писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков»,[22] с другой — развитие наемного труда, капиталистического способа производства. Эти противоречия нашли наиболее яркое выражение в классовой борьбе, ибо именно «борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований».[23]

В XVIII в. в России установилась самодержавная монархия. «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*».[24]

Установление крепкой, неограниченной власти монарха было в интересах как класса помещиков-дворян, нуждающихся в постоянном покровительстве со стороны правительства для сохранения в неприкосновенности поместных владений, обеспечения их рабочими руками, охраны от многочисленных выступлений

---

[21] В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» в разделе, посвященном типичным образчикам «капиталистической мануфактуры», В. И. Ленин счел необходимым указать на их предшественников в подмосковном металлургическом и металлообрабатывающем районе. Он писал, что здесь в 1637 г. голландцем Виниусом был построен первый чугунолитейный завод (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 423).

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 333—334.

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 251—252.

недовольных своим положением крестьян и работных людей, так и буржуазии, развивающейся из предпринимателей-ремесленников, «капиталистых» и «прожиточных» крестьян и купцов, нуждающихся в субсидиях, покровительственных тарифах и казенных заказах. В этих условиях русское самодержавие проявляет необыкновенное умение приспособляться к обстоятельствам.[25]

Для самодержавия XVIII в. характерны, писал В. И. Ленин, отдельные периоды «просвещенного абсолютизма», к которому относится время царствования Екатерины II, хотя элементы его были присущи и эпохе Петра I.[26] В период, известный под названием «эпохи дворцовых переворотов» — время «верховников» и «бироновщины», шла борьба за власть между различными группировками господствующего класса — «шляхетством», «верховниками», аристократией и рядовым дворянством, между различными группировками придворной знати. Но эта борьба не затрагивала дворянской природы самодержавия, поэтому и «перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».[27] Внутриклассовые противоречия среди господствующего класса дворян были связаны с консолидацией его в единое привилегированное сословие, интересы которого и должно было выражать самодержавие. Эволюция самодержавия отражала как борьбу внутри господствующего класса, так и нарастание противоречий внутри крепостнической системы в целом. Перед опасностью народных движений самодержавие должно было сплотить свои силы.

В «Письме „Северному союзу РСДРП“» В. И. Ленин, рассматривая его программу,[28] особо останавливается на определении классовой направленности самодержавия: «Самодержавие представляет интересы исключительно господствующих

---

[25] Доказывая правильность марксистского положения о том, что государство есть аппарат господства одного класса над другим, касаясь вопросов борьбы русского пролетариата и крестьянства с самодержавием, В. И. Ленин указывал, что «подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации» (т. 25, стр. 266—267). Этим В. И. Ленин подчеркивал реакционность, варварство и крепкие корни самодержавия, всю трудность борьбы с ним. Говоря о самодержавии XX века, В. И. Ленин отмечал, что «как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 10).

[26] В. В. Мавродин. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке (1725—1773). Курс лекций. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 98.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 443.

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 360—370.

классов». Казалось бы, это определение классовой сущности и социального содержания самодержавия вполне соответствует нашему пониманию. Однако В. И. Ленин подвергает критике данную формулировку и пишет: «Это неточно или неверно». Развивая дальше свою мысль, он подчеркивает, что «самодержавие удовлетворяет *известные* интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу».[29]

Отсутствие единства внутри господствующего класса, ожесточенная борьба группировок за власть, за усиление своей роли в управлении страной вынуждали самодержавие укреплять свою самостоятельность, балансируя между всеми этими группировками. Эта политика лавирования характерна прежде всего для «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

В этой обстановке Екатерина II решила использовать в своих целях прогрессивные идеи французских просветителей с их многообещающим тезисом заботы просвещенного монарха о благе «всего народа». В своем манифесте от 6 июля 1762 г. императрица лицемерно провозгласила принципы «всенародной пользы» и «всеобщего блага» и обещала широкую программу преобразований.[30] Ей нужно было убедить своих поданных в том, что в ее лице они приобрели заботливого и разумного монарха. Эта политика помогала самодержавию обманом и лживыми фразами укреплять веру в «хорошего», «справедливого» царя, вселяя надежду на лучшее будущее. Переписываясь с французскими просветителями, Екатерина II ставила целью обработать общественное мнение как внутри страны, так и за рубежом в нужном ей духе. Однако частичные, очень незначительные преобразования (реформа Сената, изменение управления губерниями, реформа в области школьного обучения и др.) сочетались с системой беспощадных репрессий. Оперируя лозунгами просветителей, правительство на деле узаконивало наиболее грубые и тяжелые формы помещичьего произвола и бесправное положение крепостных крестьян. Ф. Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» писал, что «Просвещение» в XVIII в. являлось девизом русского царизма.[31] «Просвещенный абсолютизм» 60-х годов XVIII в. по отношению к народу был лишь ширмой грубой корысти и насилия привилегированных классов.

Ловко лавируя между вельможами и сановниками, реакционными крепостниками вроде Щербатова и депутатами Уло-

---

[29] Там же, стр. 363.
[30] Осмнадцатый век, кн. 3. СПб., 1869, стр. 390.
[31] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 24.

женной комиссии, между помещиками и буржуазией, обманывая общественное мнение Франции и других стран, Екатерина II жестоко и продуманно проводила политику укрепления своего господства. «Ей, и только ей, — говорил Ф. Энгельс о дипломатии Екатерины II, — разрешается быть в одно и то же время легитимистской и революционной, консервативной и либеральной, ортодоксальной и просвещенной».[32]

Маска была сброшена Екатериной после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. А когда во Франции началась революция, императрица не только прекратила переписку с Вольтером, но строго следила за тем, чтобы «вредные книги» просветителей не распространялись в России.

Политика самодержавия второй половины XVIII в. в какой-то мере способствовала становлению буржуазных отношений (поощрение развития мануфактур и торговли, протекционистские тарифы, свобода промыслов, секуляризация церковных земель и т. д.),[33] но лишь постольку, поскольку они не подрывали политического и экономического господства класса дворян и помещиков.

Самодержавие, прикрывающееся лозунгами «просвещенного абсолютизма», поддерживаемое вельможами и сановниками — бюрократами и чиновниками всех рангов, прошедшими «длинный курс ... службы и полицейской выучки», представляло наиболее серьезного противника для угнетенных и эксплуатируемых трудящихся масс. Монархи, писал В. И. Ленин, «то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и „спускали“ на верноподданных Аракчеевых...».[34]

В работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам», опубликованной в 1909 г., вновь обращаясь к вопросу об эволюции самодержавия в России, В. И. Ленин писал: «...русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма“ и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху“ освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя».[35]

---

[32] Там же

[33] См.: А. Л. Шапиро. Об абсолютизме в России. «История СССР», 1968, № 5, стр. 78.

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

А. Л. Шапиро

ЛЕНИНСКАЯ ГРУППИРОВКА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ

В настоящее время историки все чаще обращаются к статистическим методам анализа. Это относится и к аграрной историографии эпохи феодализма. Уже от XV—XVIII вв. сохранились массовые материалы (писцовые книги, вотчинные переписи, ревизские сказки, данные генерального межевания и др.), которые поддаются статистической обработке. Историков все меньше удовлетворяет извлечение из этих массовых материалов случайных выдержек и произвольных иллюстраций. А по мере того как развертывается их сплошная статистическая обработка, все большее значение приобретают приемы группировки.

Изучая процесс развития капитализма в русской пореформенной деревне, В. И. Ленин писал: «Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*».[1] Тут недопустим шаблон. Признаки для различения типов хозяйства не только изменяются в зависимости от изучаемой эпохи. Даже в пределах одного и того же периода их необходимо варьировать сообразно с местными условиями. В. И. Ленин указывает, что «если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, — необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам „промыслов“».[2]

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 96

[2] Там же.

Основываясь на глубоком и тонком анализе различных типов крестьянского хозяйства пореформенной России и выработав замечательную методику сравнения между собою и сведения воедино полученных данных, В. И. Ленин показал, как шел процесс разложения феодального крестьянства в России и как оно раскалывалось постепенно на классы сельской буржуазии и сельского пролетариата.

В. И. Ленин разделил описанные земскими статистиками крестьянские дворы на три группы (20% дворов, относящихся к высшей группе, 30% — к средней и 50% — к низшей) и высчитал, как распределяются между этими группами земля, скот, улучшенные орудия, торгово-промышленные заведения, дворы с батраками. Такая четкая группировка помогла окончательно разрушить народническую концепцию русского общинного и артельного крестьянства, духу которого якобы противоречил капитализм.

Стараясь хоть частично отстоять свои взгляды, народники уверяли, что В. И. Ленин трактует как новое капиталистическое явление дифференциацию, которая присуща была крестьянству и в старые времена. На этом, в частности, настаивали Н. Черненков и Н. Огановский. Н. Огановский даже говорил, что «нормальным» типом исторического развития крестьянского хозяйства является не дифференциация, а нивелировка. А Н. Черненков приводил множество пестрых цифр о распределении лошадей, особо подчеркивая некоторое сокращение количества многолошадных дворов.

Опровергая своих критиков, В. И. Ленин писал: «Вольно же было г. Черненкову думать, будто я делаю выводы из статистики, забывая экономику! будто я доказываю что-либо одним лишь изменением в числе и распределении лошадей! Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд».[3]

Это критическое замечание В. И. Ленина имеет большое значение для историков, подвергающих статистической обработке данные об имущественном положении и дифференциации крестьянства в эпоху феодализма.

К каким превратным выводам можно прийти, если строить их только на основании данных о числе и распределении лошадей, явствует из следующей таблицы.

Судя по этой таблице, общий процент безлошадных и однолошадных дворов в мурашкинских деревнях почти не возрос от XVII до конца XIX в., а процент дворов с 4 и более лошадьми даже уменьшился. Если бы мы ограничились данными этой таблицы, мы должны были бы признать, что уровень

[3] Там же, стр. 140.

Таблица 1

Распределение лошадей по группам дворов в деревнях, расположенных вокруг нижегородского села Большое Мурашкино в 1670-е и 1880-е годы *

Группы дворов	1670-е годы			1880-е годы		
	Колич. дворов	%		Колич. дворов	%	
Безлошадные	154	14,0	58,2	5 785	33,0	60,7
С 1 лошадью	486	44,2		4 852	27,7	
С 2 лошадьми . . .	280	25,5		4 503	25,7	
С 3 лошадьми	110	10,0		1 809	10,3	
С 4 и более лошадьми	69	6,3		573	3,3	
Всего . . .	1099	100,0		17 522	100,0	

* Данные о наделении лошадьми в 1670-е годы подсчитаны по отписным книгам сел Большое Мурашкино и Гридино, опубликованным Н. С. Чаевым в книге «Разгром Разинщины» (М.—Л., 1934). Начало переписной книги 1671 г. по Б. Мурашкину обнаружено и опубликовано Д. И. Петрикеевым в 1967 г. (Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., «Наука», 1967, стр. 212—217). Данные о наделенности лошадьми в 1880-е годы взяты из ленинских подготовительных материалов к «Развитию капитализма в России» (Ленинский сборник, XXXIII, стр. 134). В. И. Ленин использовал статистический сборник «Материалы к оценке земель Княгининского уезда Нижегородской губернии», в котором находилось село Б. Мурашкино. Впрочем, самое село Б. Мурашкино исключено в приведенных В. И. Лениным расчетах, так как оно являлось исключительно промысловым селом. Чтобы получились сопоставимые данные, я его тоже исключил из расчетов, относящихся к 1670-м годам. В дошедшую до нас от 1670-х годов опись, к счастью, вошло не только село Б. Мурашкино, но и прилегающий к нему район. Опись была составлена сразу после подавления восстания под руководством Степана Разина. Так как Б. Мурашкино и прилегающие к нему деревни являлись одним из районов интенсивного крестьянского движения, население подверглось здесь свирепому разорению. Однако в переписной книге 1671 г. сохранились сведения не только о количестве лошадей, которое числилось за каждым двором в момент переписи, но и о количестве лошадей, конфискованных у крестьян ратными людьми. Суммируя эти сведения, мы и получаем более или менее правильное представление о распределении конского поголовья до разорения. При группировке дворов в использованном В. И. Лениным статистическом сборнике особо выделены безнадельные крестьяне и крестьяне, живущие на стороне. Я также не включил поэтому в расчет данные о не имевших вытного тягла крестьянах и бобылях 1670-х годов. Полной сопоставимости данных 1670-х и 1880-х годов все же добиться не удалось, так как географические границы Княгининского уезда и описанных в XVII в. вотчин не совпадают.

разложения нижегородского крестьянства был в XVII в. не ниже, чем в пореформенный период.

Однако в действительности о разложении крестьянства в XVII в. говорить не приходится. Сгруппировав крестьянские хозяйства Княгининского и двух других уездов Нижегородской губернии по количеству лошадей, В. И. Ленин показывает, что в 1880-е годы в многолошадных дворах был не только наиболее высокий процент посевов (так было и в XVII в.), но и наибольший процент дворов с батраками и с торгово-промышленными заведениями.[4]

В конце XIX в. 3,3% дворов, владевших в Княгининском уезде 4 и более лошадьми, сосредоточивали в своих руках 12% площади посева. В то же время они нанимали 22% всех летних и 29% всех годовых наемных рабочих, занятых в крестьянских хозяйствах уезда.[5] Они скупали и арендовали землю, приобретали сельскохозяйственные машины, перестраивали свое хозяйство на капиталистический лад. Ленинская группировка хозяйств и ленинский анализ сгруппированного статистического материла показывают, что расслоение в пореформенной нижегородской деревне носило капиталистический характер.

Между тем в XVII в. картина расслоения была иной, чем в XIX в., хотя распределение лошадей и оказывается схожим. По документам XVII в. мы никак не можем заключить о том, что в этом районе Нижегородского края крестьяне, владевшие 4 и более лошадьми (за небольшим исключением), заводили крупное, основанное на наемном труде земледельческое хозяйство. По размерам душевого тягла и душевого тяглого надела дворы с 4 лошадьми мало отличались от дворов с меньшим количеством лошадей. О сосредоточении в руках многолошадных крестьян значительных участков ненадельной земли нет оснований говорить. Сельскохозяйственных машин еще вовсе не было. Концентрации наемного труда в хозяйствах крестьян, владевших сравнительно большим количеством лошадей, в XVII в. нельзя заметить.

Книги 1670-х годов позволяют определить распределение лошадей не только по дворам, но и по работникам.[6] Это чрезвычайно важно, так как при подворной системе обложения государственными повинностями крестьянские дворы второй половины XVII — первой четверти XVIII в. часто были многонаселенными и неразделенными.

---

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 111—119.

[5] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть, вып. IV. Княгининский уезд. Н.-Новгород, 1888, стр. XXXIV—XXXV.

[6] Определить распределение лошадей по работникам удалось в 1072 из 1099 дворов.

Таблица 2

Число лошадей на 1 взрослого мужчину в крестьянских дворах Мурашкинских деревень в 1671 г.

Безлошадные	в 141	дворе	(13,2%)
Менее 1 лошади	„ 181	„	(16,9%)
1—1,9 „	„ 515	дворах	(48,0%)
2—2,9 „	„ 171	дворе	(15,9%)
3—3,9 „	„ 46	дворах	(4,3%)
4 „	„ 13	„	(1,2%)
5 лошадей	„ 4	„	(0,4%)
6 „	„ 1	дворе	(0,1%)
Всего	1072	двора	100,0%

К сожалению, мы не знаем, какое количество лошадей на взрослого мужчину-работника считалось нормальным в районе Мурашкино в XVII в. Нам придется поэтому воспользоваться нормами наделения рабочим скотом, которые принимали в первой половине XVIII в. А. П. Волынский и В. Н. Татищев. А. П. Волынский считал обязательным, чтобы у каждого тягла, состоявшего из одного взрослого мужчины и одной взрослой женщины, была лошадь. Эта норма была широко распространена. Однако в некоторых районах такое обеспечение рабочим скотом признавалось в XVII—XVIII вв. недостаточным. В. Н. Татищев считал нормальным хозяйство, в котором на взрослого мужчину плюс взрослая женщина приходилось по паре лошадей и еще по паре кладеных быков.

В мурашкинских деревнях около 30% дворов имели меньше лошадей, чем было необходимо для поддержания хозяйства, немногим менее 50% было наделено в рамках минимальной нормы Волынского и еще около 16% в рамках нормы Татищева (приравнивая пару кладеных быков к одной лошади). Среди 6% дворов, у которых было по три и больше лошадей на тягло, могли быть хозяйства с наемной рабочей силой.

Применительно к разным районам и в соответствии с характерной для каждого района системой хозяйства В. И. Ленин по-разному группировал крестьянские дворы. Так, обрабатывая данные земской статистики по Орловской губернии, он делил дворы на: а) безлошадные и однолошадные, б) с 2—3 лошадьми, в) с 4 и более лошадьми.[7] А применительно к Самарской губернии, в которой общая наделенность рабочим скотом была выше, В. И. Ленин отнес к высшей группе дворы, имевшие 5 и более лошадей. К разряду же самарских «общинных» капиталистов отнесены дворы с 10 и более головами рабочего скота. Владимир Ильич исходил из того обстоятельства, что эти дворы сосредоточивали 36,5% всего посева и 98,3% купчей земли. Он исходил и из того, что 62% дворов с 10—20 лошадьми и 90,1% дворов с 20 и более лошадьми держали наем-

[7] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 104.

ных работников.[8] Такие дворы «общинных» капиталистов составляли в Новоузенском уезде Самарской губернии $^1/_{14}$ всех дворов.

В XVII—XVIII вв. тоже были районы с высокой наделенностью лошадьми и другим скотом. Среди них можно назвать курскую вотчину А. Д. Меншикова Ивановское, в которой свыше 5 лошадей имело 17%, а свыше 10 лошадей 2% дворов.[9] Заметим, что в дворах с 10 лошадьми здесь было по 3,5 мужчины-работника и потребность в наемном труде существовала вовсе не во всяком десятилошадном дворе. Необходимо учитывать, что в XVII—XVIII вв. удельный вес коневодства был в ряде черноземных районов России значительно выше, чем в XIX в. Полезно также учитывать, как широко в изучаемом районе применялся гужевой транспорт.

Ленинское требование экономического анализа статистических данных, строгого учета исторических и географических особенностей обследуемых хозяйств нельзя ни на минуту забывать при изучении разделения крестьян феодальной поры.

В то же время ленинское требование такой группировки, при которой средние цифры не смазывали бы существенные различия между группами хозяйств, непременно должно лечь в основу статистического анализа аграрных отношений эпохи феодализма.

Группируя описания однодворных деревень (=двор), дошедшие до нас в Новгородских писцовых книгах конца XV — начала XVI в., мы обнаруживаем, что хозяйства и тогда существенно различались по размерам запашки. Так, в Деревской пятине на двор приходилось от 3 до 15 десятин учтенной писцами пахотной земли, в Заонежских погостах Обонежской пятины — от 1,5 до 18 десятин, а в Порховском уезде Шелонской пятины — от 3 до 30 десятин.

Сгруппируем хозяйства Порховского уезда, пользуясь общими принципами, разработанными В. И. Лениным.[10]

Табл. 3 показывает, что в имущественном отношении даже в XV в. крестьяне были далеко не однородны. Но, анализируя данные таблицы и сопоставляя их с данными по другим районам и селениям, мы обнаруживаем целый ряд особенностей, отличающих имущественное расслоение этого времени от расслоения XVII—XVIII вв., и коренные особенности, отличающие его от расслоения капиталистической поры.

Отметим здесь только, что в XV в. имущественное расслоение в большей степени, чем позднее, зависело от географической среды; вот почему средняя запашка двора в Деревской пятине составляла 6,8 десятины, а в Порховском уезде была более, чем в два раза выше.

---

[8] См. там же, стр. 76—80.

[9] Л. И. Петрова. Крестьяне крупной курской вотчины в первой четверти XVIII в. Вестник ЛГУ, 1964, № 20, стр. 132.

[10] Таблица составлена Н. Н. Масленниковой.

Таблица 3

Распределение однодворных деревень Порховского у. в конце XV — начале XVI в. по размерам запашки

Размер запашки (в коробьях)	Дворов		Людей		У них посевов ржи		Сена		Обеж		Повинностей	
	колич.	%	число	%	коробей	%	копен	%	колич.	%	сумма (в деньгах)	%
1—2,5	26	7,9	35	6,1	52	2,9	441	3,2	13	3,5	972,1	3,5
3—3,5	38	11,5	49	8,6	117,5	6,7	757	5,5	25	6,2	1 578,7	5,6
4—4,5	96	29	144	25,2	386	21,9	2 740	19,9	95	23,6	6 478,5	22,9
5—6,5	85	25,7	156	27,3	476,5	27	3 846	27,9	104	26	7 137,8	25,2
7—8	59	17,8	119	20,9	443	25,1	3 638	26,4	101	25,2	7 458,7	26,4
9—10	16	4,8	40	7	154	8,7	1 340	9,7	33,5	8,3	2 633	9,3
11—15	11	3,3	28	4,9	136	7,7	1 010	7,4	29	7,2	2 010,2	7,1
Всего	331	100	571	100	1765	100	13 772	100	400,5	100	28 269	100

Сгруппировав в каждом данном районе Новгородской земли XV в. крестьянские хозяйства по размерам запашки, мы заметим, что доля малопосевных была тогда относительно невелика. Разоренность не выступала столь разительно, как в XVII—XVIII вв.

Расслоение XV—XVI вв. схоже с расслоением XVII—XVIII вв. и резко отличается от расслоения капиталистической поры спородичностью применения наемного труда в сельском хозяйстве и большей зависимостью материального обеспечения от числа внутрисемейных работников. В то же время легко обнаруживается высокая зависимость уровня расслоения от форм и интенсивности феодальной эксплуатации, от особенностей сословного положения сельского населения.

Уже в 1893 г. в работе «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» В. И. Ленин видел задачу статистического анализа в установлении не только количественных, но и качественных различий.[11] Именно качественные различия интересовали его прежде всего. Понятно, что историки, анализирующие хозяйственную жизнь русской феодальной деревни, тоже должны выявлять качественные особенности расслоения в XV, XVII, XIX вв. Кем становится обедневший крестьянин — пролетарием, паупером, половником или вновь обычным крестьянином? Кем становится разбогатевший крестьянин — мелким вотчинником феодального типа, ростовщиком, купцом или капиталистом, эксплуатирующим труд наемных рабочих в промышленности и в сельском хозяйстве? Постановка и решение этих вопросов применительно к разным периодам и разным районам непосредственно вытекает из ленинских принципов количественного и качественного анализа крестьянского хозяйства.

Нам представляется, что задача историков аграрных отношений феодальной России заключается не в автоматическом использовании выводов, полученных В. И. Лениным в результате исследования расслоения крестьянских хозяйств пореформенного периода, а в обращении к ленинским методам, в твердом следовании ленинским принципам исследования аграрных отношений, и в частности сельскохозяйственной статистики.

---

[11] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 36.

И. В. Степанов

ПРИЕМЫ НАУЧНОЙ РАБОТЫ НАД МАТЕРИАЛАМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В ТРУДАХ В. И. ЛЕНИНА

В. И. Ленин был одним из зачинателей применения марксистской методологии в изучении отечественной истории. Он определил ее становление как науки марксистской. Им выработана марксистская концепция понимания русского исторического процесса. Велико значение неоценимого ленинского наследства — его многочисленных трудов, замечательных исследований по истории, экономике, философии и другим отраслям науки об обществе.

Все ленинские работы были подчинены практическим задачам развития пролетарской революции, социалистического строительства, характеризуются глубокой партийностью и политической направленностью. Обращаясь к истории, как и к другим отраслям науки об обществе, в ходе своей революционной практики В. И. Ленин рассматривал их как орудие классовой борьбы против всех врагов пролетарской революции и социалистического строительства. Поэтому многие ленинские работы трудно отнести только к истории, политэкономии или к другим отраслям науки об обществе, чаще в них решаются проблемы, находящиеся на стыке этих отраслей, но все они написаны с большим профессиональным мастерством, на основе использования широкого круга самых разнообразных источников. Вот почему ленинские приемы анализа источников вызывают большой научный интерес и имеют особое значение.

В. И. Ленин был убежденным противником применения так называемого «иллюстративного» метода в научной работе. В брошюре «Статистика и социология» он решительно критикует и высмеивает этот метод, утверждая, что «в области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры». По мнению В. И. Ленина, «подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет

никакого»,[1] так как существо этих фактов становится понятным лишь при условии изучения и раскрытия конкретной исторической обстановки. В. И. Ленин требовал при исследовании общественных явлений устанавливать «фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться», а для этого, по его мнению, «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение... в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная" стряпня...»[2]

Естественно, что совокупность фактов, всесторонне и полно характеризующих то или иное историческое явление, можно получить лишь при условии широкого использования исторических источников. К этому и стремился Ленин при написании своих произведений. В работе «Развитие капитализма в России», например, упоминается и цитируется свыше 500 книг, сборников, исследований, обзоров, статей. Объем же использованных источников, не упомянутых в тексте работы, намного превосходит это количество.[3] Более 200 книг — на русском, английском, немецком, французском языках — изучил В. И. Ленин, чтобы написать «Материализм и эмпириокритицизм».[4] Еще более значительную специальную литературу на многих языках привлек он при работе над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма».[5]

В случаях, когда совокупности необходимых фактов для полного и всестороннего раскрытия изучаемого исторического явления В. И. Ленину не хватало, он немедленно принимал самые энергичные меры для разыскания дополнительных источников. По свидетельству А. И. Ульяновой-Елизаровой, находясь в тюрьме по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин приступил к работе над «Развитием капитализма в России», и ей «приходилось таскать ему целые кипы книг», которые доставались из различных библиотек Петербурга.[6] Позже, уже в ссылке в селе

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

[2] Там же, стр. 350, 351.

[3] Т. Козлов. Как В. И. Ленин работал над статистическими материалами. Вестник статистики, 1960, № 5, стр. 12; М. Е. Найденов. В. И. Ленин и отечественная история. «История СССР», 1965, № 2, стр. 25.

[4] А. П. Примаковский. К истории работы В. И. Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» и первым изданием ее в России. «Вопросы философии», 1959, № 9, стр. 181; А. Копцева. Из истории создания книги «Материализм и эмпириокритизм». «Новый мир», 1959, № 5, стр. 211.

[5] М. Е. Найденов, ук. ст. «История СССР», 1965, № 2, стр. 25.

[6] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, кн. 1. М., 1956, стр. 43.

Шушенском, Ленин, испытывая большую нужду в источниках для завершения указанной работы, в письмах к родным и близким знакомым постоянно обращался с просьбой о высылке необходимых ему книг, журналов и других материалов. Много выписок из различных книг было сделано для В. И. Ленина в это время в Румянцевской библиотеке Москвы его сестрой Марией Ильиничной.[7]

Известен и такой факт. Летом 1908 г. Ленин в Женеве работал в библиотеке Общества чтения над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». В ходе работы ему понадобилось ознакомиться с произведениями английских физиков и философов начала XX века, но их не оказалось в библиотеках Швейцарии. Тогда Ленин немедленно выезжает в Лондон, в библиотеку Британского музея.[8]

Разнообразие привлекаемых В. И. Лениным источников при написании отдельных произведений уже не раз отмечалось исследователями.[9] Оно убедительно раскрывается на примере тех его трудов, в тексте которых, в научном аппарате, в дополнительных материалах к ним, опубликованных в «Ленинских сборниках», содержатся прямые или косвенные указания на источники или дается их научная критика.[10]

Трудно назвать какой-либо вид исторического источника, на который не обратил бы внимания В. И. Ленин и который не был бы им использован в научном плане. Труды Маркса и Энгельса В. И. Ленин неоднократно и с неослабным вниманием перечитывал, творчески применял их в научной критике происхождения и содержания всех видов исторических источников. В работах по социально-экономической истории России он широко использует статистические материалы. Не менее широко привлекаются В. И. Лениным и различные произведения буржуазной русской и заграничной исторической и экономической литературы. Во многих случаях он пользуется царским и советским законодательством, делопроизводственными материалами царских и советских учреждений. Мемуары, деловая и частная переписка также использовались в ленинских

---

[7] И. Гладков. О произведении В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». М., 1952, стр. 29—30.

[8] А. П. Примаковский, ук. ст. «Вопросы философии», 1959, № 9, стр. 181; Р. М. Савицкая. Из истории написания и изучения книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Уч. зап. Московск. гос. библ. ин-та, вып. 6, 1960, стр. 8.

[9] В. К. Яцунский. Вопросы источниковедения в трудах В. И. Ленина по социально-экономической истории. В кн.: Проблемы источниковедения, кн. IV. М., 1955, стр. 6—7; Его же. Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории. «История СССР», 1960, № 2; Т. Козлов, ук. ст. Вестник статистики, 1960, № 5, стр. 11—12, и др.

[10] Примером таких ленинских работ являются: «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Гонители земства и Аннибалы либерализма» и др.

трудах. Постоянно обращался Ленин к периодической печати, которая стала одним из основных источников написания многих его статей.[11] К трудам русских революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского не однажды обращался В. И. Ленин как к источникам, помогающим понять историческую действительность. Вся совокупность разнообразных документов и материалов, характеризующих жизнь нашей партии и других массовых общественных организаций, являлась богатейшей источниковедческой житницей ленинской научной работы. Ярким примером разнообразия использования различных видов источников является работа «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Ленин привлек при ее написании записку царского министра Витте, дворянские адреса царскому правительству, публицистическую литературу о земстве, периодическую печать, воспоминания, революционные прокламации и др.[12]

Для полноты характеристики источниковедческой базы ленинских трудов необходимо обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Знание иностранных языков позволяло В. И. Ленину широко привлекать иностранные источники. По данным Р. М. Савицкой, 152 названия из 183 книг и статей, процитированных и упомянутых в работе «Материализм и эмпириокритицизм», были иностранными.[13] В Институте марксизма-ленинизма хранятся книги с пометками В. И. Ленина, которыми он пользовался, работая над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Среди них номер журнала «Die Neue Zeit» за 1892 г. со статьей Ф. Энгельса «Об историческом материализме», второй том Собрания сочинений Л. Фейербаха, вышедшего в Лейпциге в 1841 г., и сборник статей И. Дицгена «Мелкие философские работы», выпущенный в 1905 г. в Штуттгарте.[14] В целях документального и точного

---

[11] «Памяти Герцена», «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и др.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 21—72.

[13] Р. М. Савицкая, ук. ст. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, № 6, 1960, стр. 8.— За время обучения в Симбирской гимназии он изучил: славянский, латинский, греческий, французский, немецкий языки. Помимо этого он знал английский язык, читал по-польски и по-итальянски, понимал чешский и шведский, интересовался болгарским и любил украинский. Он неоднократно выступал в роли переводчика и редактора научных переводов литературы по социально-экономическим вопросам; в частности, им были сделаны переводы «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Теории и практики английского тред-юнионизма» Веббов (см.: М. Г. Поляков. Из опыта работы В. И. Ленина над иностранными языками. Уч. зап. Шадринск. гос. пед. ин-та, вып. 3. Шадринск, 1959, стр. 4; Его же. О работе В. И. Ленина над переводом с английского книги «Теория и практика английского тред-юнионизма». Уч. зап. Шадринск. гос. пед. ин-та, вып. 6. Шадринск, 1963.

[14] Р. М. Савицкая, ук. ст. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, № 6, 1960, стр. 9.

цитирования Владимир Ильич делал много выписок из иностранных источников, переводя их на русский язык.[15]

Обилие и разнообразие исторических источников, использованных В. И. Лениным, определили и богатство приемов их научного анализа. С этими приемами можно ознакомиться при изучении определенного круга ленинских работ, как посвященных социально-экономической истории («По поводу так называемого вопроса о рынках», «Новый фабричный закон», «Развитие капитализма в России», «Новые данные о развитии капитализма в земледелии», «Империализм, как высшая стадия капитализма»), так и касающихся сферы надстроечных явлений («От какого наследства мы отказываемся», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Роль сословий и классов в освободительном движении» и др.). В этих работах В. И. Ленин делает не только ссылки на источники, но и подвергает их всестороннему и тщательному критическому разбору.[16] Кроме того, к ряду ленинских работ сохранились дополнительные материалы,[17] характеризующие объем и методы исследовательской работы Ленина и способствующие их изучению. В отдельных случаях мы располагаем его прямыми высказываниями по поводу научного значения различных видов исторических источников и приемов работы над ними — статистических материалов,[18] протоколов партийных съездов[19] и др.

Таким образом, научный аппарат трудов В. И. Ленина, разбор привлекаемых им источников, дополнительные материалы, публикуемые в «Ленинских сборниках», высказывания В. И. Ленина по поводу значения различных видов источников дают возможность раскрыть ленинские приемы использования исторических источников.

Среди различных видов исторических источников большое внимание В. И. Ленина привлекали статистические материалы. Он высоко ценил социально-экономическую статистику, считал ее одним из «самых могущественных орудий социального познания ...».[20] Без массовых статистических данных, собранных относительно всей территории той или иной страны, определен-

---

[15] А. П. Примаковский, ук. ст. «Вопросы философии», 1959, № 8, стр. 181.

[16] В значительной части ленинских работ полностью не раскрывается или почти не раскрывается творческая лаборатория автора: не содержится указаний на использованные источники, не делается их критического разбора. Все это увеличило бы листаж ленинских работ и сделало бы их менее доходчивыми и понятными для массового читателя, для которого они и были прежде всего предназначены.

[17] В «Ленинском сборнике» XIX опубликованы многие выписки, конспекты, рефераты по аграрному вопросу, написанные Лениным до 1917 г. В Ленинском сборнике XXXIII опубликована часть подготовительных материалов к работе «Развитие капитализма в России» и др.

[18] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 323.

[19] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 189.

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 334.

ного исторического периода, по единой программе, он не допускал возможности разработки коренных вопросов экономического строя любого современного ему государства.[21] Для написания своих работ он настолько широко привлекал эти данные, что трудно назвать сколько-нибудь значительную статистическую работу, изданную при жизни В. И. Ленина, «которая не была бы ему известна и так или иначе использована».[22] Особенно высоко ценил Ленин массовые данные земской статистики — «превосходные по своей детальности, по тщательности их собирания и проверки», которые он ставил выше правительственных и западноевропейских статистических материалов.[23] Впрочем, указанные достоинства земской статистики В. И. Ленин относил лишь к первой стадии получения статистических данных, к так называемому «статистическому наблюдению», т. е. к собиранию и оформлению первичных статистических документов (бланки первичных записей, анкеты корреспондентского и экспедиционного обследования и т. п.). Вторую стадию — обработку первичных статистических документов, результатом чего являются различные таблицы и сводки, — Ленин считал «самым больным пунктом» земской статистики и решительно критиковал ее за антинаучные методы обобщения.[24]

Статистические материалы как земского, так и правительственного происхождения были особенно широко использованы В. И. Лениным при написании его ранних работ по социально-экономической истории страны. Охотно привлекал он их и позже, в работах иного характера, если они представляли определенный научный и политический интерес. В этом отношении весьма примечательна его небольшая статья «Роль сословий и классов в освободительном движении»,[25] написанная на основании статистических сведений о государственных преступлениях в России. Используя данные об участии в этих преступлениях представителей разных сословий и классов, В. И. Ленин определил их роль в освободительном движении и дал его периодизацию.

Охотно пользуясь статистическими данными (цифрами, числами, подсчетами и т. п.) как количественным выражением закономерностей экономического и общественного развития в определенных условиях места и времени, как показателями отдельных сторон и явлений общественной жизни, В. И. Ленин в то же время не любил ими злоупотреблять. Он был убежденным противником ненужных и совершенно излишних статистических сведений. В работе «Развитие капитализма в России»

---

[21] См. там же, стр. 323.
[22] Т. Козлов, ук. ст. Вестник статистики, 1960, № 5, стр. 11.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 276.
[24] См. там же.
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23.

В. И. Ленин высмеивает сочинения земских статистиков, отрицавших классовое расслоение крестьянства в России, за то, что указанные авторы «так увлеклись пестротой цифр о распределении лошадей в крестьянстве, что превратили экономический анализ в статистическое упражнение. Вместо изучения типов крестьянского хозяйства (поденщик, средний крестьянин, предприниматель) они изучают, как любители, бесконечные столбцы цифр, точно задавшись целью удивить мир своим арифметическим усердием».[26] В статье «К вопросу о задачах земской статистики» он возмущается необычайной детализацией статистических сведений о размере крестьянского землевладения, опубликованных Пензенским губернским земством в 1913 г. «Наверное, $^{9}/_{10}$ этих сведений, — пишет он, — никогда не понадобятся ни для каких справок даже самым любознательным местным жителям».[27] Такое стремление к детализации В. И. Ленин называет «статистической манией». При изучении исторических явлений, которые по природе своей требовали качественных способов исследования, В. И. Ленин не пользовался статистическим методом.

О приемах научной работы В. И. Ленина над статистическими материалами имеется значительная литература,[28] в которой содержится немало наблюдений и обобщений, сделанных авторами на основе изучения ленинских произведений. Результаты этих исследований интересны и поучительны. Известно, что Ленин проанализировал материалы сотен сборников по хозяйственной и санитарной статистике, народному образованию, промыслам и т. п., изданных в разное время правительственными органами и земскими учреждениями. Статистические данные, опубликованные в них, были необычайно многоплановы и плохо сопоставимы, так как собирались не по единой программе, с разными целями, в отдельные исторические периоды, относительно отдельных частей территории страны, а обобщались различными приемами, которые были весьма далеки от научных.[29] При стремлении к максимальному выведению различных «средних» величин (пообщинных, волостных, поуездных и т. д.) масса ценнейших сведений, собранных во время статистических обследований, терялась для науки, и картина того или иного исторического явления представала в искаженном виде. Либеральные народники часто пользовались этими средними данными для обоснования своих взглядов.

В. И. Ленин дал решительный бой подобным приемам использования статистических источников. Он показал научную

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 140.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 278.

[28] Списки ее опубликованы: Источниковедение истории советского общества. Прил. I; Источниковедческое изучение трудов В. И. Ленина. М., 1964 стр. 352—354; Материалы к указателю советской исторической литературы о В. И. Ленине как историке. М., 1968.

[29] Исключением была всероссийская перепись населения 1897 г., проведенная по единой программе, одновременно и по всей стране.

несостоятельность либерального народника В. Воронцова, который на основании «средних» величин земской статистики отрицал расслоение крестьянства.[30] Он показал порочность приемов работы над статистическими данными и другого либерального народника Н. А. Карышева, доказывавшего о будто бы происшедшем уменьшении количества фабрик в России во второй половине XIX в., а следовательно, и о сужении в ней поля действия капитализма. Характерно, что В. И. Ленин разгромил эти неверные утверждения, проанализировав цифровой материал тех же сборников, которыми пользовался и Н. А. Карышев.[31]

Не раз критиковал В. И. Ленин за ненаучные приемы «статистического наблюдения» и обработку первичных документов различные издания буржуазной статистики зарубежных стран. В работе «Капиталистический строй современного земледелия»[32] он рассмотрел материалы сельскохозяйственной переписи, проведенной в Германии в 1907 г., и вскрыл в них серьезные недостатки. Изучив статистические материалы тринадцатой переписи («ценза») населения 1910 г. в США, Ленин изложил результаты своих наблюдений в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии».[33] Он указал, что классификация хозяйств только по количеству земли, принятая во время переписи, неправильна, поскольку она преуменьшает процесс вытеснения мелкого производства крупным в земледелии США.[34] Ленин обратил внимание и на ряд других недостатков.

Анализируя различные статистические материалы — первичные документы, таблицы и сводки, описательные тексты и очерки, — В. И. Ленин прежде всего стремился выяснить источники получения содержащихся в них данных, приемы их собирания, обработки и анализа, а также степень их достоверности, не останавливаясь перед самой детальной их проверкой. На страницах ряда статистических сборников, использованных В. И. Лениным и лично принадлежащих ему, имеются не только пометки, подчеркивания текста и т. п., но и расчеты, проверяющие содержащиеся в них данные, вскрывающие допущенные ошибки. Читая, например, «Ежегодники министерства финансов» (выпуск 1 за 1869 г.) и заметив ошибку в итоговой цифре на 149 странице, В. И. Ленин отметил: «Ошибка в итоге сделана здесь, очевидно, потому, что цифры, относящиеся к Закавказскому Краю и к Сибири, сосчитаны дважды».[35] В письме к П. И. Попову по поводу статистики населения, составленной

---

[30] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 72—73.
[31] Там же, стр. 460—461; т. 4, стр. 1—34.
[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19.
[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27.
[34] См. там же, стр. 226—227.
[35] Т. Козлов, ук. ст. Вестник статистики, 1960, № 5, стр. 13.

ЦСУ применительно к административному делению РСФСР, В. И. Ленин, обращая внимание на очень большую разницу в численности населения, проживающего на территории Башкирской республики в 1914 и 1920 гг., пишет: «Проверить еще раз, взяты ли за 1914 и 1897 *те же* территории, напр., Башкирская республика

1920	1 268 132
1914	357 700 (?? явная ошибка)».[36]

Неоднократно В. И. Ленин уточнял статистические данные, исправлял ошибки. В работе «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы „кустарной“ промышленности» он дает свои сводные данные о заработках отдельных категорий рабочих по этой переписи, так как сводку пермских статистиков по этому вопросу, опубликованную в их обзоре,[37] считает сомнительной и содержащей «либо ошибки, либо опечатки».[38] Особенно резкой критике подверг В. И. Ленин русскую правительственную статистику обрабатывающей промышленности. В статье «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике»,[39] а также в разделе «Наша фабрично-заводская статистика» главы VII книги «Развитие капитализма в России» он пришел к выводу, что «данными ее в громадном большинстве случаев нельзя пользоваться без особой обработки их и что главной целью этой обработки должно быть отделение сравнительно годного от абсолютно негодного».[40]

Вскрывая сомнительность, недостаточность или полную непригодность содержащихся в статистических материалах данных и подвергая критике методы их получения, В. И. Ленин одновременно производил научный отбор тех статистических материалов, которые могли быть полезными в плане решаемых им научных задач. Так, работая над «Развитием капитализма в России», он около $^{9}/_{10}$ всех просмотренных статистических сборников признал непригодными, так как они не содержали необходимых хозяйственных данных об отдельных крестьянских дворах, отобрав для исследования только «несколько десятков сборников, включавших таблицы с правильными группировками крестьянских хозяйств».[41] Лучшие статистические издания своего времени В. И. Ленин высоко ценил, цитировал их текст и

---

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 276.

[37] Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896.

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 342.

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 468.

[41] В. И. Буганов. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В кн.: Проблемы источниковедения, кн. X. М., 1962, стр. 31, 48.

прямо заимствовал находящиеся в них цифровые данные. Особенно характерным в этом отношении является использование В. И. Лениным книги В. Е. Постникова, которую он «в литературе о крестьянском разложении» ставил на первое место [42] и обстоятельно разобрал в работе «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».[43]

Иногда Ленин комбинировал сведения из статистических источников.[44] Именно этот прием применил он в работе «Развитие капитализма в России», в главах, посвященных рассмотрению различных форм промышленности.[45] Однако чаще всего В. И. Ленин вынужден был коренным образом перерабатывать показатели буржуазных статистических источников, так как программа сбора вошедших в них данных и приемы их обработки совершенно не соответствовали целям его исследований.

При обработке первичных статистических данных, которыми приходилось иногда пользоваться В. И. Ленину,[46] он обычно применял метод группировки, беря за основу существенные и характерные признаки, дававшие возможность сделать убедительные выводы об исследуемых явлениях. С помощью метода группировки он решал задачи как типологического, так и аналитического характера. Так, типологическая группировка статистических данных была широко использована В. И. Лениным при изучении русского крестьянского хозяйства, для выявления его определенных социально-экономических типов в целом по стране в условиях капиталистического развития. Примером подобной группировки являются таблицы, составленные В. И. Лениным на основе первичных данных подворной переписи кустарей по Московской губернии.[47] Аналитическая группировка статистических данных применялась им при установлении связей и взаимозависимости между отдельными явлениями. Так, В. И. Ленин установил зависимость величины заработной платы рабочих от размеров предприятий и сделал вывод, что «чем крупнее фабрика, тем выше рабочий заработок», так как «более энергичная

---

[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 61.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1.

[44] В. И. Буганов. Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками. «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 48.

[45] В. И. Буганов. О некоторых приемах научного исследования статистических источников о мелкой промышленности в работах В. И. Ленина 1890-х годов. Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, стр. 124—127.

[46] В. И. Ленин предпочитал первичные статистические материалы остальным, но пользоваться ему пришлось в основном сводными статистическими материалами, полученными в результате обработки первичных данных. Это объясняется малодоступностью первых для него как революционера-профессионала, находящегося на нелегальном положении, так как работа над ними требовала официального пребывания в местах их хранения, особого разрешения от властей и была весьма трудоемка и непосильна для исследователя-одиночки.

[47] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 344.

и дружная стачечная борьба рабочих на крупных фабриках привела... к более высокому увеличению заработной платы».[48]

Группировке статистических данных В. И. Ленин придавал исключительное значение и ставил в прямую зависимость от ее правильности результаты исследования, отмечая, что «один и тот же материал дает диаметрально противоположные выводы при различных приемах группировки».[49] В труде «Капиталистический строй современного земледелия»[50] и в ряде других он подробно осветил различные приемы группировки статистических данных. Определяющим моментом научного успеха этих приемов В. И. Ленин считал выбор группировочных признаков. Так, для характеристики размера и типа (хозяйственного уровня) крестьянского хозяйства в условиях капитализма и соответственной их типологической группировки наиболее существенными признаками он считал: количество рабочего скота, размеры посева и стоимость продукции. Группировочные же признаки, примененные земскими статистиками, — по количеству наделенной земли, числу членов семьи и размеру земельной площади — В. И. Ленин отнес к чисто формальным, не дающим возможности выявить различия в хозяйственной состоятельности отдельных социально-экономических типов крестьянских хозяйств и вскрыть его соответственное расслоение на кулаков, бедняков и середняков.

Выбирая группировочные признаки, В. И. Ленин разграничивает их на прямые и косвенные. «...О размерах хозяйства, — пишет он, — количество земли свидетельствует лишь косвенно, и это „свидетельство" тем менее достоверно, чем шире и быстрее идет интенсификация земледелия. Стоимость же продуктов хозяйства свидетельствует о его размерах не косвенно, а прямо и притом во всех случаях».[51] Ленин предпочитает прямые группировочные признаки, но в случаях их неполноты и неточности нередко группирует статистические данные по косвенным признакам. Например, он не принял группировку крестьянских хозяйств по найму и отпуску батраков, сделанную воронежскими статистиками, поскольку считал их сведения неполными, хотя признак «наемного труда», положенный ими в основу, по его мнению, «есть главный отличительный признак всякого капиталистического земледелия».[52] В данном случае он предпочел произвести группировку крестьянских хозяйств «по рабочему скоту, как наиболее приближающуюся к группировке по размерам земледельческого хозяйства»[53] и открывающую возмож-

---

[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 428—429.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 190.
[50] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19.
[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 192.
[52] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 325.
[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 107.

ность для более правильного суждения о разложении крестьянства.

Определяя группировочные признаки размеров и типов крестьянских хозяйств, В. И. Ленин учитывал конкретные местные условия и формы земледелия. «...При экстенсивном зерновом хозяйстве, — пишет он, — можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту) ... при других условиях (т. е. интенсивном хозяйстве. — *И. С.*) необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д.».[54] При рассмотрении размера и типов крестьянских хозяйств разных губерний в работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин применяет различные признаки их группировки в зависимости от местных условий. Нередко он производит группировку крестьянских хозяйств не по одному, а по нескольким признакам, а также «комбинирование различных группировок, т. е. разделение каждой группы, напр., по величине площади, на подгруппы по количеству скота и т. д.».[55]

Должное значение в использовании статистических материалов В. И. Ленин придавал и средним величинам, хотя, как мы уже отмечали, был решительным противником так называемых общих средних величин, которыми увлекались земские статистики, называл их «огульными» и «фиктивными», поскольку они скрывали качественные различия между типовыми явлениями. Так, среднюю величину размера арендной платы в 4 р. 23 к., выведенную земскими статистиками для Днепровского уезда Таврической губернии, В. И. Ленин считал неверной, «искажающей действительность», так как «беднота вынуждена арендовать (землю. — *И. С.*) за разорительную цену более чем втрое выше средней. Богачи выгодно покупают землю „оптом" и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышом в 275%. Есть аренда и аренда».[56] По мнению В. И. Ленина, при исключительном пользовании подобными данными о крестьянском хозяйстве «все „превратные идеи" о разложении крестьянства окажутся раз навсегда изгнанными».[57] Изучая бюджеты крестьянских хозяйств, он вывел отдельные средние бюджетные данные для каждой группы крестьянства.[58] Так же он поступал во всех случаях, когда имел дело с разнокачественными явлениями. Средние статистические величины в трудах В. И. Ленина применяются в неразрывной связи с соответственной группировкой данных. Пользуясь в большинстве случаев готовыми сводными материалами земской и правительственной

---

[54] Там же, стр. 96.
[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 213.
[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 90.
[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 163.
[58] См. там же, стр. 142—145.

статистики, В. И. Ленин, стремясь получить объективную статистическую характеристику социально-экономического развития страны в целом, вынужден был эти материалы перерабатывать («перегруппировывать»), применяя при этом самые разнообразные приемы: переход от абсолютных данных к относительным числам (процентным отношениям), изменение интервалов группировок, объединение мелких групп и расчленение крупных групп, выделение крайних групп, сопоставление групповых средних с общей средней и другие, более сложные статистико-экономические расчеты.

К относительным величинам (установлению процентных отношений) В. И. Ленин обращался в тех случаях, когда имел дело с неполными (территориально ограниченными) и неоднородными (сгруппированными на различной основе), а потому несопоставимыми статистическими данными. Например, при изучении вопроса о степени разложения крестьянства в различных районах дореволюционной России он взял 20% крестьянских дворов из высших групп и 50% из низших групп и вычислил соответственные для каждой группы процентные отношения к общему для каждого района итогу по ряду показателей (количество крестьянского населения, размер землевладения и посева, количество рабочего скота и т. п.). Полученные относительные величины позволили ему не только произвести сравнение «различных местностей по степени крестьянского разложения» и установить особую остроту этого процесса для Таврической, Самарской, Саратовской и Пермской губерний, но и сделать ряд глубоких обобщающих выводов по этому вопросу для всей России.[59]

К изменению интервалов группировки статистических данных, их укрупнению или расчленению В. И. Ленин прибегал тогда, когда они не соответствовали задачам научного исследования: затрудняли ограничение социально-экономических типов изучаемого явления, не способствовали выявлению общей тенденции развития общественного явления, а также особенностей этого развития для отдельных периодов. Так, он считал слишком дробным деление кустарей по доходности их заведений на 15 групп (интервалы же группировки были, по его мнению, слишком малыми), начиная с 10 рублей на заведение и кончая 3000 рублями, данное пермскими статистиками в «Обзоре Пермского края»,[60] поскольку оно не позволяло отграничить наиболее

[59] См. там же, стр. 119—137.— Подобные же случаи применения относительных величин в работах В. И. Ленина «Детский труд в крестьянском хозяйстве» и «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» рассмотрены и комментированы Т. Козловым и К. Фавстовым (см.: Т. Козлов, ук. ст. Вестник статистики, 1960, № 5, стр. 14; К. А. Фавстов. Вопросы статистических группировок в трудах В. И. Ленина. Уч. зап. Куйбышевск. планового ин-та, вып. VI, 1960, стр. 25—26).

[60] Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии.

характерные типы кустарных заведений. В. И. Ленин объединил мелкие группы (т. е. укрупнил интервалы) и наметил «пять категорий кустарей по доходности: а) бедных с доходом до 50 р. на семью; б) малосостоятельных — с доходом 50—100 р. на семью; в) средних — с доходом 100—300 р. на семью; г) зажиточных — с доходом 300—500 р. на семью и д) богатых — с доходом более 500 р. на семью»,[61] а также сделал исключительно важный вывод о том, что *«семь десятых всего числа кустарей стоят, по своим заработкам, на уровне наемных рабочих у кустарей, отчасти даже ниже их»*.[62] Так же он поступил со сводными материалами всеобщей переписи населения 1897 г. в России, для того чтобы охарактеризовать общественное разделение труда и классовый состав ее населения. Дело в том, что при обработке первичных документов переписи все население страны было разбито по роду занятий на 65 групп, причем под занятием имелась в виду не только общественно полезная деятельность, а любая деятельность, являющаяся источником дохода, в том числе проституция, знахарство и т. п. Естественно, что такое деление населения страны и порочность принципа, положенного в его основу, не давали возможности количественно определить типичные группировки населения. В. И. Ленин объединяет многие дробные группы в более крупные и устанавливает число непроизводительного, полупроизводительного и производительного населения страны. Затем для характеристики общественного разделения труда он распределяет все население страны на три подразделения и получает таблицу:

«Сельскохозяйственное население России	97,0 млн.
Торгово-промышленное .	21,7 „
Непроизводительное . . .	6,9 „
Всего	125,6 млн.» [63]

Прием укрупнения интервалов группировки нередко использовался В. И. Лениным в целях выявления общей тенденции развития изучаемого общественного явления, когда он составлял динамические ряды статистических чисел, характеризующие изменения, происшедшие в развитии данного явления за длительный период времени. Интересуясь ростом производства хлебов в России и считая, что данные за короткий промежуток времени не могут быть пригодны для решения этого вопроса по причине сильного колебания урожаев, В. И. Ленин взял сведения за «различные периоды и ... за целый ряд лет». В результате он получил общую картину роста (вскрыв тенденцию повышения)

---

[61] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 379.
[62] Там же, стр. 381.
[63] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 502.

производства хлебов в России как в абсолютном выражении, так и в относительном — на душу населения, за длительный период (1864—1905 гг.).[64] Подобные динамические ряды: о производстве, привозе и потреблении сельскохозяйственных машин и орудий в Россию за 1876—1894 гг., о выплавке чугуна в 1867—1902 гг., о количестве и мощности паровых двигателей за 1875—1899 гг. и др. — приведены Лениным в работе «Развитие капитализма в России».[65] Прием составления динамических рядов был использован В. И. Лениным и в других трудах, особенно в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».[66]

Расчленение крупных групп статистической сводки, т. е. переход от длительных интервалов между ними к более коротким, В. И. Ленин практиковал как в целях предотвращения возможностей смешения разнокачественных явлений (отнесения различных типов хозяйств к одной группе), так и для более детального рассмотрения определенных общественных явлений (выявления их особенностей) в отдельные, более короткие временные периоды. Так, при изучении роста стачечного движения в 1905—1907 гг., когда, по мнению В. И. Ленина, каждый месяц шел за год, годичный период группировки количественных данных о стачках был слишком велик, и он сгруппировал их с интервалом в четверть года. Это дало ему возможность связать стачечное движение с конкретными политическими событиями указанного времени и определить особенности стачечного движения — рост политических стачек и др.[67]

В отдельных случаях при переработке сводных статистических данных В. И. Ленин выделял крайние группы, определяя их относительные размеры от общей численности по их значимости в ней. Пример подобного приема уже приводился из работы «Развитие капитализма в России», когда В. И. Ленин, доказывая разложение крестьянства в пореформенной России, взял 50% хозяйств из низших групп и 20% из высших и убедительно вскрыл их имущественную дифференциацию.[68]

Иногда В. И. Ленин сопоставлял средние величины, выведенные для отдельных групп хозяйств по ряду признаков, с общими средними величинами по тем же признакам, т. е. пользовался приемом сопоставления критических точек.[69] В таком случае преобладание средних групповых показателей по ряду признаков над общими средними показателями по тем же при-

---

[64] Там же, стр. 247—248.

[65] См. там же, стр. 215, 489, 507.

[66] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 310—312, 329—331, 357, 360 и др.

[67] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 394—397.

[68] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 120—121.

[69] К. А. Фавстов, ук. ст. Уч. зап. Куйбышевск. планового ин-та, вып. VI, 1960, стр. 37—38.

знакам дает основание относить такие хозяйства к одному социально-экономическому типу. Изучая материалы тринадцатой американской переписи населения и стремясь определить социально-экономические типы хозяйств (ферм) в земледелии, В. И. Ленин использовал принцип группировки их, примененный американскими статистиками во время переписи 1900 г. — по главному источнику дохода (от скотоводства, овощеводства и т. п.), но произвел объединение некоторых нехарактерных мелких групп и получил семь типовых групп сельскохозяйственных ферм. Затем он вывел средние величины для каждой из этих групп по признакам, показывающим степень интенсификации хозяйств (расход на удобрение, стоимость орудий и машин в расчете на 1 акр земли), их капиталистический характер (расход на наемный труд в расчете на 1 акр земли), и сопоставил все эти групповые средние с общими средними по тем же признакам. В результате Ленин получил три группы ферм по степени их капиталистического развития и по интенсивности ведения хозяйства: наименее капиталистические (групповые средние ниже общих средних), средние (групповые средние очень близки к общим средним) и наиболее капиталистические (групповые средние значительно выше общих средних).[70]

В. И. Ленин применял и более сложные приемы статистико-экономического расчета, сообразуя их в каждом конкретном случае с особенностями исследуемого общественного явления. Нами уже приводилась ленинская таблица из работы «Развитие капитализма в России», иллюстрирующая разделение общественного труда в России. Эту таблицу Ленин использовал также для определения основных категорий населения России по их классовому положению, т. е. по своему положению в общественном строе производства. Для этого он произвел дополнительные расчеты, воспользовавшись данными не только переписи 1897 г. о занятиях населения, но также результатами своих исследований о разложении крестьянства России в пореформенный период и сведениями «о промышленном населении Петербурга, распределенном по положению в производстве». В результате была составлена таблица приблизительного распределения населения России по классовому положению.

	«Все население об. пола	
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	ок.	3,0 млн.
Зажиточные мелкие хозяева . . .	„	23,1 „
Беднейшие мелкие хозяева	„	35,8 „
Пролетарии и полупролетарии . .	„	63,7 „
	Всего ок.	125,6 млн.»[71]

[70] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 196—198.
[71] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 504—505.

Сложные статистико-экономические расчеты В. И. Ленин производил не только для характеристики фактического состояния в развитии того или иного общественного явления, но и в тех случаях, когда эти расчеты открывали возможности определения результатов этого развития в будущем, — так называемые «расчеты, ориентированные на наилучший или наихудший мыслимый случай».[72] Перед выборами во II Государственную думу кадеты и меньшевики утверждали, что если социал-демократы выдвинут свой список кандидатов в Думу, а не совместный с кадетами, то в силу дробления голосов победа обязательно достанется черносотенцам. В связи с этим В. И. Ленин опубликовал статью «Как голосовать на выборах в Петербурге?», в которой поставил вопрос: «Есть ли опасность победы черносотенцев на выборах в Петербурге?». На основании сложного статистического расчета, где он использовал результаты голосования в Петербурге в I Думу, В. И. Ленин доказал, что «даже при *самом худшем* случае раздробления голосов, т. е. даже в том случае, если во *всех* участках по Петербургу (в то время их было 12. — *И. С.)* голоса поделятся *поровну* между кадетами и социал-демократами, — даже в этом случае победа черносотенцев на выборах в Петербурге *невозможна*»,[73] так как половина наименьшего числа голосов, поданных за кадетов при выборах в I Государственную думу, по 9 участкам является выше наибольшего числа голосов, поданных за черносотенца. Это предвидение В. И. Ленина блестяще подтвердили сами выборы, результаты которых подведены в его статье «Итоги выборов в Петербурге».[74] Кадеты и меньшевики, как показал В. И. Ленин, сознательно лгали и обманывали избирателей, чтобы воспользоваться голосами левого блока (социал-демократов и трудовиков).[75] Подобные расчеты произведены В. И. Лениным и в ряде других случаев.[76]

Наконец, надо подчеркнуть исключительное внимание В. И. Ленина к оформлению статистических материалов и статистико-экономических расчетов. Стремясь подать их наиболее доходчиво и убедительно, он широко применяет в своих трудах разносторонние групповые и комбинационные таблицы, а также различные графики. Все это весьма облегчает понимание существа приводимых им статистических величин, их динамических рядов и различных статистико-экономических расчетов.

Ленинская работа над материалами социально-экономической статистики носила глубоко творческий характер. Он прибегал к самым разнообразным приемам обработки статистиче-

---

[72] Т. Козлов, ук. ст. Вестник статистики, 1960, № 5, стр. 17.

[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 324.

[74] См. там же, стр. 398.

[75] См. там же, стр. 358.

[76] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 377—379; т. 16, стр. 203—204; т. 24, стр. 33—34.

ских данных, привлекал различные статистические показатели, ставя их выбор в зависимость от природы изучаемых явлений, от конкретных особенностей общественного развития определенного времени и задач научного исследования.

В ленинских приемах работы над указанными материалами особенно рельефно проявились основные черты новой методики научного анализа исторических источников, сложившейся благодаря применению и утверждению марксистской методологии в исторической науке нашей страны. Эта работа В. И. Ленина была исключительно результативна.

Тщательный научный анализ статистических материалов определил раскрытие В. И. Лениным основных закономерностей пореформенного развития России, особенностей ее социально-экономического и политического строя на грани XIX—XX вв. как страны военно-феодального империализма, а это в свою очередь открыло возможности к разработке научной программы революционного перехода от капитализма к социализму.

З. М. Андросенкова

В. И. ЛЕНИН О ЗНАЧЕНИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

В советской исторической литературе все еще нет специальной сводной работы о В. И. Ленине как историке рабочего движения в России, хотя эта тема давно уже требует тщательного исследования.[1] Отдельные оценки, которые давал В. И. Ленин различным периодам и событиям истории рабочего движения, получили довольно широкое освещение в монографиях, статьях, диссертациях по истории рабочего движения в России.

В. И. Ленин был величайшим историком своего времени. Все его литературное наследие проникнуто глубоким историческим содержанием.[2] Труды В. И. Ленина имеют огромное значение для исторической науки не только в качестве методологической основы, но и как исторический источник. Историческая концепция В. И. Ленина формировалась в неразрывной связи с развитием его теоретических взглядов и революционной деятельностью. Исходя из интересов теории и практики революционной борьбы, В. И. Ленин прежде всего занимался изучением истории пролетарского периода освободительного движения в России, и особенно современной истории рабочего движения. Значе-

---

[1] Библиографию работ о В. И. Ленине как историке рабочего класса см. в кн.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, стр. 27—34. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, стр. 72—80; Н. Н. Маслов. Ленин как историк партии. Лениздат, 1969; М. Е. Найденов. В. И. Ленин и отечественная история (Формирование ленинской концепции русского исторического процесса). «История СССР», 1965, № 2, стр. 23—54; В. Г. Сарбей. Всесоюзная научная сессия по проблеме «В. И. Ленин и историческая наука». «История СССР», 1965, № 6, стр. 210—214; Н. А. Иванова. Некоторые вопросы развития стачечной борьбы в России в 1895—1914 гг. (по работам В. И. Ленина). В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917. М., 1966, стр. 211—239; В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968.

[2] См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. III, стр. 9—152; т. IV. М., 1966, стр. 23—137. См. также: История и социология. М., 1964, стр. 124.

ние трудов В. И. Ленина для изучения истории рабочего и революционного движения неоспоримо. В предисловии к одному из справочных изданий к ленинским трудам справедливо указывалось, что «по работам Ленина будут изучать развитие революционной мысли и рабочего движения в России». [3]

Обращение В. И. Ленина к истории помогало ему находить ответы на животрепещущие вопросы современности, предвидеть будущее. «Для того, чтобы победить, — говорил В. И. Ленин на IX съезде РКП (б), — надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира...» [4] Величие В. И. Ленина и заключалось именно в том, что он сумел в ходе революционной борьбы пролетариата стать не только его вождем, теоретиком, но и историком. Так, в 1894 г., формулируя задачи революционной социал-демократии по выработке теории, В. И. Ленин писал, что «эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата...». [5]

Через несколько лет, вновь возвращаясь к этой же теме, В. И. Ленин подчеркнул, что история рабочего движения имеет самое непосредственное практическое значение для разработки программы и тактики большевистской партии: «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии». [6]

Гениально предвидя поступательное развитие русского рабочего движения, опираясь на изучение всего хода истории России, В. И. Ленин писал: «Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии... Все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти, несмотря на все препятствия, и в конце концов — преодолеет их».[7]

Обращение к истории рабочего класса в России у В. И. Ленина проистекало из его понимания всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма, как гегемона в революционной борьбе против самодержавия за победу буржуазно-демократической и социалистической революции, за победу социализма.

В. И. Ленин придавал большое значение ознакомлению пролетариата России с историей рабочего движения, указывал

---

[3] Материалы для библиографии Ленина. 1917—1923. Сост. Л. В. Булгакова. Л., 1924, стр. 3.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 253.

[5] В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 1, стр. 307.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 189.

[7] Там же, стр. 354—355.

на необходимость глубокого и всестороннего анализа «пройденного рабочим движением пути», обобщения накопленного опыта. В. И. Ленин считал, что «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России служит стачечное движение русских рабочих».[8]

По степени важности вопросы истории рабочего и стачечного движения В. И. Ленин ставил непосредственно за партийными задачами. Это видно уже из письма В. И. Ленина к редакторской группе «Рабочей газеты» в 1899 г.[9]

В связи с созывом II съезда партии Организационный комитет обратился к В. И. Ленину с просьбой разработать перечень вопросов, которыми должны были руководствоваться представители местных партийных организаций, подготавливая доклады съезду. Тщательно составленный список вопросов В. И. Ленин сопроводил объяснительной запиской, в которой подчеркнул большое политическое и практическое значение докладов местных комитетов РСДРП. В этой работе «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду», представляющей собой программу изучения истории местных партийных организаций, первый раздел посвящен рабочему движению, его истории и современному состоянию. Докладчики должны были осветить численность, состав, распределение местного пролетариата, дать перечень стачек, подробное описание каждой сколько-нибудь крупной стачки и ответить на ряд других вопросов, связанных с борьбой рабочих.[10] Указанная работа В. И. Ленина представляет большую практическую ценность для историков.

Наибольшее внимание В. И. Ленина привлекла первая русская революция. Анализу основных событий революции, ее характера, движущих сил, особенностей, значения, роли партии и другим вопросам посвящено большинство работ В. И. Ленина, помещенных в 9—15-м томах Полного собрания сочинений. К революции 1905—1907 гг., к анализу стачечного движения, роли пролетариата В. И. Ленин в дальнейшем возвращался неоднократно.

Придавая особое значение изучению истории первой русской революции, обобщению ее опыта, ознакомлению с героической борьбой российского пролетариата всех рабочих России, В. И. Ленин много сделал для осуществления этих важных задач. Уже в первые дни революции 1905 г. В. И. Ленин писал: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте дей-

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 300.
[9] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 180—181.
[10] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 72—75 и сл.

ствий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты».[11]

В письме А. В. Луначарскому в августе 1905 г. В. И. Ленин предложил ему написать популярную брошюру о массовой политической стачке, а также организовать подготовку ряда других брошюр специально для рабочих «на злободневную тему», в которых «разжевать, разъяснить идею, важность и способы *революционной* организации пролетариата (особенно для восстания)...».[12] В это же время В. И. Ленин сам намеревался написать популярную брошюру «Рабочий класс и революция». Им был составлен подробный план брошюры, в котором В. И. Ленин затронул коренные вопросы революции 1905 г.: характер и движущие силы революции, роль и цели рабочего класса и крестьянства, вооруженное восстание и многие другие. Однако эта брошюра написана не была.[13]

В январе 1908 г. В. И. Ленин во время встречи с В. В. Адоратским, который, проживая за границей, неоднократно выполнял его поручения, предложил ему написать воспоминания о революции 1905 г., об октябрьских боях, боевых дружинах, об организации восстания.[14]

Стремясь создать правдивую марксистскую историю первой русской революции, В. И. Ленин, находясь на о. Капри, в апреле 1908 г. обратился к А. В. Луначарскому, В. А. Базарову и А. А. Богданову с предложением заняться «общебольшевистским делом», а именно «употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции...».[15] Это предложение было вызвано подготовкой и изданием меньшевистского пятитомника,[16] который В. И. Ленин назвал оппортунистической историей русской революции и ликвидаторской книгой.[17] Подвергнув резкой критике взгляды меньшевиков-ликвидаторов по коренным вопросам истории революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин тем самым показал, как нужно писать марксистскую историю революции.[18] К сожалению, этот замысел остался неосуществленным.

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 208.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 58—59.

[13] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 410—411. См. также: т. 47, стр. 58 и 333.

[14] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 687.

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 198.

[16] См. сб.: Общественное движение в России в начале XX века, тт. I—V. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909—1914.

[17] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 136—137, 360.

[18] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 45, 63—64, 275, 308; т. 20, стр. 130; т. 24, стр. 344 и др. См. также: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 557—559; Очерки истории исторической науки в СССР, т. III, стр. 143—144 и сл.

М. Н. Покровский в одном из своих выступлений вспоминал,[19] что в 1908 г. он получил письмо В. И. Ленина[20] с предложением составить план двухтомной истории первой русской революции. В письме В. И. Ленин, по словам Покровского, определял хронологические рамки работы и «указывал задачи, возлагаемые на нее». Однако проект плана предполагаемой истории, составленный в 1909 г. Покровским, был отвергнут В. И. Лениным ввиду серьезных принципиальных ошибок в оценке ряда вопросов истории революции. «Больше мы с Владимиром Ильичем, — сообщал Покровский, — на эту тему о революции 1905 г. не переписывались».[21]

О необходимости изучения опыта героической борьбы русского пролетариата в период первой русской революции говорилось в «Проекте резолюции о современном моменте и задачах партии» V Общероссийской конференции РСДРП (декабрь 1908), составленном В. И. Лениным. В проекте, в частности, подчеркивалось, что одной из основных задач партии является «всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905—1907 годах, давшего незаменимые уроки революционно-социал-демократической тактики».[22]

Изучение, как говорил В. И. Ленин, интереснейшей статистики стачек 1905—1908 гг. натолкнуло его на мысль написать книгу объемом около 300 страниц о пролетариате в русской революции. Об этом мы узнаем, в частности, из письма В. И. Ленина к Ю. Ю. Мархлевскому в октябре 1910 г.[23] В. И. Ленину удалось только частично осуществить свой план — написать статью «О статистике стачек в России», которую он называл первым приступом к делу.[24] Эта статья представляет большой интерес для изучения истории рабочего движения в России, так как дает обстоятельное исследование стачечного движения более чем за десятилетний период.[25]

---

[19] М. Н. Покровский. Значение революции 1905 года. Из доклада на совещании при Отделе печати ЦК РКП(б) 7 октября 1925 г. Л., 1925.

[20] См. там же, стр. 3—4.— В Полном собрании сочинений В. И. Ленина ни в разделе «Список работ В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных», ни в разделе «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина» об этом письме Покровскому ничего не говорится. По словам самого Покровского, оно затерялось вместе со всеми его бумагами за границей.

[21] М. Н. Покровский. Значение революции 1905 года, стр. 3—4.

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 327.

[23] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 269—270. См. также: т. 19, стр. 502, 619—620.

[24] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 379.

[25] См. там же, стр. 379 и 502. — Придавая большое значение статистике стачек периода первой русской революции и считая, что она будет «не безынтересной и для немецких товарищей», В. И. Ленин в письме к К. Каутскому в январе 1911 г. писал, что хотел бы предложить свою статью «О статистике стачек в России в 1905—1907 гг.» редакции журнала «Neue Zeit» — или целиком перевод, или подробную выдержку (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 355).

В двенадцатую годовщину революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин прочитал на немецком языке большой доклад в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи. Всесторонне проанализировав основные проблемы революции, дав еще раз предельно четкие оценки ее характера, движущих сил, особенностей и значения, В. И. Ленин поднял принципиально важный вопрос о превращении дремлющей России «в Россию революционного пролетариата и революционного народа». В. И. Ленин считал, что «необходимо изучить этот переход, понять его возможность, его... методы и пути».[26] Он подчеркивал, что «самым главным средством этого перехода была *массовая стачка*», являвшаяся специфически пролетарской формой борьбы, способом раскачивания масс и наиболее характерным явлением «в волнообразном нарастании решающих событий». Поэтому, говорил В. И. Ленин, «нельзя понять событий русской революции и смены ее политических форм, если не изучить по *статистике забастовок основы* этих событий и этой смены форм».[27]

Задачу обобщения опыта первой русской революции, ознакомления с ее героическими страницами, популяризации в широких народных массах боевого революционного пути рабочего класса В. И. Ленин возлагал на русскую социал-демократию. «На русскую социал-демократию, — писал В. И. Ленин, — несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений... Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...»[28]

В капитальном труде «Государство и революция», написанном в подполье в августе—сентябре 1917 г., В. И. Ленин вновь предполагал вернуться к истории первой русской революции и посвятить этой теме специальную VII главу книги. Однако подготовка вооруженного восстания и начавшаяся Великая Октябрьская социалистическая революция отвлекли В. И. Ленина и не дали ему возможности осуществить свое намерение. Сохранились лишь план и самое начало этой главы — «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов», где В. И. Ленин снова подчеркнул, что «тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы».[29]

---

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 311.
[27] Там же.
[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 26.
[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 119, 345.

Одной из важнейших сторон деятельности В. И. Ленина как историка рабочего движения являлась постоянная забота о собирании различных материалов и периодической печати по истории первой русской революции. В этом плане представляет интерес письмо В. И. Ленина М. Ф. Андреевой (конец апреля 1908 г.), в котором он просил А. М. Горького помочь организовать регулярную присылку из России «газет эпохи революции и материалов к ее истории» для известной «Библиотеки русского пролетария» Г. А. Куклина в Женеве. А. М. Горький откликнулся на эту просьбу В. И. Ленина: письмо Горького с призывом собирать материалы по истории революции 1905—1907 гг. было напечатано в ряде журналов и газет в сентябре 1908 г.[30]

Вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. В. И. Ленин в письме к Инессе Арманд высказал пожелание собрать отклики в иностранной периодической печати на события этой революции. «Хорошо бы было,— писал В. И. Ленин, — если бы какой-либо свободный человек (еще бы лучше группа, но если нет ее, то хоть один) взялся *собрать все* телеграммы (и статьи по возможности) *всех* заграничных газет о русской революции».[31]

Известно также, какую большую роль сыграл В. И. Ленин в организации сбора материалов по истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Будучи историком стачечной борьбы пролетариата, изучая официальную статистику стачек, В. И. Ленин подметил, что с 1905 г. в статистике введено постоянное подразделение стачек на экономические и политические и что сделать это заставила сама жизнь, «породившая *своеобразные* формы стачечного движения». Указывая на научное и практическое значение этой особенности рабочего движения, главная черта которого заключалась в сочетании экономической и политической стачки, В. И. Ленин в 1912 г. писал: «...в настоящее время, при оживлении стачечного движения, интересы научные, интересы сознательного отношения к событиям требуют, чтобы рабочие внимательно присмотрелись к этой своеобразной черте русского стачечного движения». [32]

На Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками (1913 г.) В. И. Ленин также поставил вопрос о необходимости «полного и всестороннего освещения» революционной

---

[30] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 157, 348. См. также: Г. П. Фонотов. Читая В. И. Ленина (Заметки библиографа). «Советская библиография», 1966, № 6, стр. 15; Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968, стр. 265.

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 414. См. также: С. Повальников. Иностранная печать о революции в России. По материалам Архива внешней политики России. «Международная жизнь», 1967, № 7, стр. 103.

[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 317.

борьбы масс, «усиленного развития нелегального партийного издательства», об увеличении выпуска нелегальных листков, брошюр, о более частом и регулярном выходе центрального органа РСДРП — нелегальной газеты «Социал-демократ».[33] Известно, какую большую роль в развитии рабочего движения сыграла газета «Социал-демократ», ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал «Просвещение», легальное большевистское книгоиздательство «Прибой».[34] Оценивая значение газеты «Социал-демократ», В. И. Ленин в марте 1918 г. указывал, что без изучения статей, помещенных в ней, «не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 года».[35]

Придавая большое значение ознакомлению рабочих с материалами и решениями Поронинского совещания, В. И. Ленин составил специальный конспект доклада для депутатов-большевиков IV Государственной думы, в котором предлагал осветить также события стачечного движения в 1913 г. и вопрос об усиленной подготовке всеобщей стачки 9 января 1914 г.[36]

При изучении истории классовой борьбы пролетариата В. И. Ленин обращал исключительное внимание на использование статистических данных. В. И. Ленин высоко ценил известные статистические издания под ред. В. Е. Варзара. «Материал, собранный в этих изданиях, — писал он, — так богат и так ценен, что полное изучение и всесторонняя разработка его потребует еще очень много времени».[37] Тем не менее, указывая на неполноту сведений фабричной инспекции, В. И. Ленин призывал рабочих создавать свою собственную рабочую статистику. «Для рабочих статистика стачек, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — полная, аккуратная, разумно обработанная, быстро выходящая в свет, имеет огромное значение — и теоретическое и практическое. Она дает ценный материал и к освещению всего великого пути рабочего движения к его мировым целям и к освещению ближайших, злободневных задач борьбы».[38] В. И. Ленин не только указывал на значение создания рабочей статистики стачек, но и давал полезные советы, как составлять ее, какие вопросы учитывать при описании стачек, куда направлять собранные материалы. Отмечая недостатки правительственной статистики стачек, которая содержала пробелы, а подчас и искажения, В. И. Ленин заканчивал выводом о значении рабочей статистики: «Только сами рабочие, взявшись за дело, помогут — со временем, после упорного труда и настойчивых усилий — лучше

[33] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 54.
[34] См. там же, стр. 424—427.
[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 124.
[36] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 380 и 467—468.
[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 379.
[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 392.

познать свое собственное движение и тем обеспечить более крупные успехи его».[39]

Изучение истории рабочего движения, истории первой русской революции В. И. Ленин связывал с распространением и укреплением героических революционных традиций среди рабочего класса, особенно среди молодежи. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что героическая борьба русского пролетариата должна «служить... маяком в деле воспитания новых поколений борцов», что «молодым рабочим нужен опыт старых *борцов* против угнетения и эксплуатации, борцов, проведших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором».[40]

В. И. Ленин придавал большое значение пропаганде деятельности выдающихся пролетарских революционеров, считая необходимым на их примере учить молодое поколение рабочих стойкости, организованности, преданности общему делу. В статье, посвященной памяти Бабушкина, В. И. Ленин призывал собирать воспоминания о героической борьбе рабочих с самодержавием, чтобы затем «издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих... Такая брошюра, — заканчивал В. И. Ленин, — будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему».[41]

В июле 1914 г. в партийном издательстве «Прибой» вышел сборник статей об основных вопросах современного рабочего движения «Марксизм и ликвидаторство» (часть II); в подготовке его и в тщательном отборе статей самое активное участие принимал В. И. Ленин. Понимая, что сборник может иметь практическое значение для рабочих, поможет им ориентироваться в сложной обстановке борьбы, В. И. Ленин сам подготовил предисловие к нему, в котором раскрыл назначение сборника, подчеркнув, что он «составлен из статей, написанных в 1909—1914 годах», когда рабочее движение в России «переживало особенно большие трудности». В. И. Ленин надеялся, как он сам отмечал, что «сборник облегчит рабочим нахождение и изучение данных по спорным вопросам».[42]

Внимательно следя за ходом рабочего движения в России, постоянно отражая насущные его вопросы на страницах своих работ, В. И. Ленин и другим советовал обобщать опыт героической борьбы. В декабре 1913 г. в одном из писем к В. С. Войтинскому В. И. Ленин писал: «...изучайте *факты* теперешнего рабочего движения, вдумывайтесь в их значение...»[43]

---

[39] Там же, стр. 393.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 50; т. 14, стр. 226.

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 83.

[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 343, 345. См. также стр. 465—466.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 241.

Интерес В. И. Ленина к истории рабочего движения вызывался и тем, что пролетариат выступал во главе революционных сил России, а рабочее движение определяло все освободительное движение в стране и самым тесным образом было с ним связано. Эта сторона рабочего движения особенно выявилась в годы нового революционного подъема. Не случайно именно в это время, в январе 1913 г., В. И. Ленин писал: «Кто искренне интересуется судьбами освободительного движения в нашей стране, тот не может не интересоваться прежде всего нашим *рабочим* движением».[44]

В. И. Ленин неоднократно обращался к самим рабочим с призывом изучать историю рабочего движения: «Для сознательных рабочих нет важнее задачи, как задача *познать* движение своего класса, его сущность, его цели и задачи, его условия и практические формы».[45] В другой статье В. И. Ленин писал: «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения».[46]

Изучая рабочее движение, В. И. Ленин постоянно призывал не затушевывать идейную борьбу, происходившую в нем, а, наоборот, вскрывать классовые корни враждебных рабочему классу течений, разоблачать их. «Величайший вред, — писал В. И. Ленин, — приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении».[47]

Находясь вдалеке от родины, стремясь по возможности быть в курсе важных революционных событий, В. И. Ленин постоянно просил информировать его о ходе забастовочного движения в России, присылать газеты или вырезки из газет. Так, например, когда летом 1914 г. по всей России прокатилась волна стачечного движения, во многих крупных промышленных центрах страны проходили бурные политические демонстрации рабочих, В. И. Ленин в ряде писем к В. М. Каспарову, который в 1913—1914 гг. жил в Берлине и через которого велась конспиративная переписка ЦК РСДРП с партийными организациями России, убедительно просил сообщать ему о ходе революционного движения в России.[48]

В. И. Ленин указывал на важность обобщения опыта революционной борьбы рабочего класса России и использования его в борьбе международного пролетариата. Обращаясь в 1919 г. к итальянским, французским и немецким коммунистам, В. И. Ленин призывал их «вдуматься в эту сложную, трудную, долгую, богатую чрезвычайным разнообразием форм, необыкновенным обилием резких изменений, переломов, переходов от одной

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 299.
[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 244; см. там же, стр. 227.
[46] Там же, стр. 133.
[47] Там же.
[48] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 322, 332, 483.

формы борьбы к другой, историю борьбы пролетариата за власть. . .».[49]

О внимании и интересе В. И. Ленина к истории революционной борьбы свидетельствует тематика книг, содержащихся в Ленинской библиотеке в Кремле, где мы находим тщательную подборку работ по истории партии, революционного и рабочего движения.[50]

Творческое изучение трудов В. И. Ленина по истории рабочего движения в России имеет принципиальное значение для борьбы с буржуазной идеологией, для развития коммунистического и рабочего движения на современном этапе.

---

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 221.

[50] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, стр. 203—225, 352—359 и др. См. также: Ш. Манучарьянц. В библиотеке Владимира Ильича. М., 1965, стр. 4.

С. В. Мурзинцева

В. И. ЛЕНИН О ФОРМАХ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910—1914 гг.)

Марксистско-ленинское учение о социалистической революции органически включает в себя вопрос о формах борьбы рабочего класса на различных этапах революционного движения. Проблема форм борьбы пролетариата имеет не только теоретическое, но и практическое значение, которое она не утратила и в настоящее время.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что тактика пролетарской партии, ее практическая деятельность по руководству рабочим движением во многом определяются характером, формами и методами борьбы пролетариата в определенных конкретно-исторических условиях. «...Никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, — говорил В. И. Ленин, — если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни».[1] Поэтому, тщательно учитывая реальную обстановку в стране, действия масс, их революционное творчество, партия разрабатывает свою тактическую линию, базируясь прежде всего на опыте пролетариата, ибо только при этом условии партия в своей практической деятельности не отстает от рабочего движения и не забегает вперед, а может идти в ногу с ним, направлять и руководить борьбой пролетарских масс. Вот почему ленинский подход к вопросу о формах борьбы рабочего класса имеет большое историческое значение не только для русского, но и для международного рабочего движения.

В работе «Партизанская война», написанной в разгар первой русской революции,[2] В. И. Ленин указывал, что «марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формою борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 178.
[2] 30 сентября 1906 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—12.

не „выдумывает“ их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения».[3] В связи с этим В. И. Ленин требовал «внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы».[4]

Другим, не менее важным требованием марксизма, по мнению В. И. Ленина, является исторический подход к этой проблеме. Формы борьбы пролетариата не являются предметом свободного выбора или желания партии. Они зависят от определенных экономических, политических, национально-культурных, бытовых и других условий. Соотношение форм борьбы не является неподвижным: различные ее формы могут приобретать разное значение.[5]

Изучение ленинских работ дает возможность проследить, как внимательно относился В. И. Ленин к рабочему движению, тщательно анализируя не только борьбу рабочих, но и условия, в которых она проходила, отмечая и регистрируя при этом малейшие повороты, сдвиги, все новое в революционной борьбе российского пролетариата.

Но это была не просто констатация фактов. В. И. Ленин нацеливал партию и рабочий класс на те формы борьбы, которые больше всего способствовали нарастанию нового революционного взрыва. При этом он пропагандировал те формы движения, которые наилучшим образом готовили рабочий класс и его союзников к революции.

И хотя с этой точки зрения важен анализ методов борьбы пролетарских масс любого периода, для нас особый интерес представляют ленинские высказывания о формах рабочего движения в годы нового революционного подъема 1910—1914 гг. Именно этот исторический период кануна победоносной пролетарской революции 1917 г. позволил В. И. Ленину сделать самый существенный для судеб русского и мирового исторического процесса вывод о том, что в России снова начинается революционный подъем и что при этом рабочие выступления проходят на несравненно более зрелом, высоком уровне. «Если в 1905 году оно (революционное движение пролетариата. — *С. М.*) начиналось с массовых стачек и гапонады, то в 1912 году, несмотря на полицейский разгром организаций нашей партии, движение начинается с массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!*».[6]

---

[3] Там же, стр. 1.
[4] Там же.
[5] См. там же, стр. 2.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 350.

Величие и сила В. И. Ленина как вождя пролетарской революции и была в том, что он сумел прежде всего на основе анализа и сопоставления способов, приемов, форм борьбы русского рабочего класса в 1910—1914 гг. с предшествующими периодами дать оценку состояния и политических перспектив исторического развития России. И это особенно важно потому, что после поражения первой русской революции, после разгона II Государственной думы и установления режима третьеиюньской монархии наступила новая тяжелая полоса в истории рабочего движения — эпоха реакции. Репрессии, обрушившиеся на пролетариат, усугублялись определенным ухудшением экономического положения рабочих, так как именно в это время промышленность переживала состояние депрессии. Следствием этого явились массовые увольнения рабочих, безработица, наступления на все права, завоеванные рабочими в тяжелых боях первой русской революции. Массовые аресты, разгром партийных организаций, закрытие профсоюзов — все это не могло не сказаться на состоянии партийной работы и рабочем движении. Положение осложнялось раскольнической деятельностью меньшевиков-ликвидаторов и отзовистов. В эти годы достигает апогея деятельность правых, вырабатываются более гибкие формы сотрудничества буржуазии и правительства в борьбе с рабочим движением.

И, несмотря на это, в самый разгар реакции В. И. Ленин говорит о наличии революционного кризиса в стране. 20 октября 1907 г. в статье «Революция и контрреволюция» он пишет: «Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились».[7] 29 октября 1907 г., на основе анализа выборов в III Государственную думу, В. И. Ленин указывает: «*...Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем*».[8] В феврале 1908 г. В. И. Ленин вновь отмечает, «что правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания».[9] Эти же выводы В. И. Ленин подтверждает и в январе 1909 г. в статье «На дорогу»: «Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова».[10]

В связи с этим В. И. Ленин придавал огромное значение усвоению российским пролетариатом опыта революционной борьбы предшествующих лет, особенно периода первой русской революции, которая дала рабочему классу такие могучие

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 124.
[8] Там же, стр. 144.
[9] Там же, стр. 449.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360—361.

средства борьбы с самодержавием, как всеобщую политическую стачку и вооруженное восстание. Вот почему В. И. Ленин говорил, что опыт пятого года имеет непосредственное практически-злободневное значение, ибо «для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более успешно*, чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной».[11] В соответствии с этим В. И. Ленин ставил перед партийными организациями задачу — направить всю агитационную, пропагандистскую, организационную работу на усвоение пролетарскими массами этого опыта, наполнить эту работу социалистическим содержанием, учесть все разнообразие форм движения, потому что «только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции», потому что «эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов».[12]

Ленинское предвидение неизбежности нового революционного подъема сбылось уже во второй половине 1910 г. «...Новое глубокое, глухое брожение»,[13] проявившееся в летних стачках, в демонстрациях и митингах в связи со смертью председателя I Государственной думы Муромцева и смертью Л. Толстого, В. И. Ленин расценивает как признак начинающегося нового подъема. Показателем этого является уровень революционного движения масс, определяемый высокими формами борьбы — политическими забастовками, уличными демонстрациями и митингами, представляющими собой открытый политический протест против власти, в защиту парламента, за отмену смертной казни в России. И это дает основание В. И. Ленину утверждать, что «русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции».[14]

Неизбежность нового революционного подъема определялась всем ходом социально-экономического развития России. Начавшееся в 1910 г. экономическое оживление, связанное с осуществлением «большой морской программы», тяжелое экономическое положение пролетариата, изменения, происшедшие за эти годы в рабочем классе,[15] результат героической работы большевиков

[11] Там же, стр. 40—41.

[12] Там же, стр. 50.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 73.

[14] Там же, стр. 75.

[15] Департамент полиции был вынужден признать, что за эти годы сложился тип среднего рабочего, из которого состоит основная пролетарская масса. Отличительной чертой этих рабочих является регулярное чтение газет, интерес к политическим вопросам, участие в рабочих организациях. Причем им особенно присуще сознание классового антагонизма с буржуазией. Наряду с этим появились и рабочие «высшего типа», главным образом среди металлистов и печатников, представляющие собой интеллигентных людей с сильными научными и эстетическими потребностями (ЦГАОР СССР, ф. ДО, д. 5, ч. 57, оп. 11, 1910, л. 112).

в годы реакции, — все это способствовало оживлению рабочего движения. Объективные задачи буржуазно-демократической революции не были решены, а потому имелась «объективная почва для непосредственных массовых движений...».[16]

За эти годы выросли политическая зрелость, сознательность, организованность, чувство классовой солидарности пролетарских масс. «...Миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции».[17]

И несмотря на то, что формы борьбы оставались пока еще прежними, свойственными периоду реакции, политическая активность рабочего класса настолько выросла, что достаточно было толчка, чтобы в стране начался новый революционный взрыв. Таким толчком и явился расстрел рабочих на Ленских приисках в апреле 1912 г. «...1911 год — год перелома. Кривая начинает — хотя еще робко — подыматься. 1912 год — год нового крупнейшего подъема. Кривая уверенно и решительно подымается до уровня 1906 года и явно держит курс на тот год, когда трехмиллионная цифра побила *всемирный* рекорд».[18]

Давая оценку рабочему движению периода нового революционного подъема, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что революционное выступление пролетариата вновь ставит задачи, которые не были решены в ходе первой русской революции. Борьба рабочих проходит под лозунгами революционной социал-демократии — 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли, свержение царского правительства, демократическая республика,[19] что придает этому движению целенаправленный, общедемократический характер.

Апрельско-майские стачки 1912 года дали вновь после первой русской революции невиданные цифры забастовщиков, свидетельствующие о пробудившейся революционной энергии российского пролетариата. По данным «Звезды», в стачках протеста в связи с ленским расстрелом участвовали 400 фабрик и заводов Петербурга с общим количеством забастовщиков 140 000 чел.,[20] число бастующих 1 мая достигло 200 000 чел.[21] Рабочие выдвинули «неурезанные» лозунги революционной социал-демократии. Во время ноябрьских стачек и демонстраций они шли под лозунгами «долой смертную казнь! долой войну!», «да здравствует революционный рабочий класс и революционная армия!».[22] Эти выступления рабочих свидетельствовали о более высоком уровне развития рабочего движения, отличающегося большими сдвигами как в количественном, так и в качественном отношении.

---

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 407.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 73.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 300.
[19] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 346, 349; т. 22, стр. 283.
[20] См.: «Звезда», 1912, 17 апреля, стр. 9.
[21] См.: «Правда», 1912, 3, 4 мая.
[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 283.

Через все работы В. И. Ленина этого периода проходит мысль о важности использования тех форм борьбы, которые породил 1905-й год, о необходимости сочетания экономической и политической борьбы, о традиции политической стачки, о широком применении уличных демонстраций и митингов.

В. И. Ленин постоянно обращается к опыту первой русской революции и периода реакции, сравнивает и сопоставляет эти этапы революционного движения по количественным и качественным показателям, по характеру выступлений рабочих, продолжительности и упорству стачек, по результатам борьбы, при этом особо выделяя 1912 год.[23]

Сопоставляя данные о количестве стачечников в 1912 г. с периодом первой русской революции, В. И. Ленин приходит к заключению, что по размаху стачечной борьбы 1912 год не намного отстал от 1905 г., превзойдя 1906 и 1907 гг. Только за первые 11 месяцев 1912 г. в политических стачках участвовало около 900 тыс. чел., тогда как соответственно в 1905 г. — 1052 тыс., в 1906 — 642 тыс., в 1907 — 540 тыс.[24] В то же время Ленин подчеркивает революционную политическую направленность рабочего движения 1912 г., ибо преобладающей формой борьбы является политическая стачка. Рабочие откликаются на все проявления произвола и насилия царского правительства, на все политические события: мощное выступление рабочих по поводу ленского расстрела, грандиозная первомайская стачка рабочих, с 5 по 15 октября 1912 г. — забастовка 100 тыс. рабочих по поводу «разъяснения» выборов уполномоченных[25] по рабочей курии Петербургской губернии,[26] с конца октября по начало ноября 1912 г. — стачка протеста 250 тыс. рабочих Петербурга, Москвы, Риги, Николаева, Харькова и других городов против казни севастопольских матросов,[27] стачка 15 ноября — в день открытия IV Государственной думы — с участием 188 тыс. чел.,[28] стачка 60 тыс. петербургских рабочих в день внесения рабочими депутатами двух запросов.[29]

Политическая борьба рабочих в 1912 г. отмечена более высоким уровнем по сравнению с 1905 г. Если в пятом году рабочее движение развивалось по восходящей линии — от петиций к царю и массовых стачек до всеобщей стачки и вооруженного восстания, то 1912 год сразу же начинается с высоких форм борьбы — с массовой политической стачки протеста, которая со-

---

[23] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 212—213, 214—216; т. 24, стр. 49—61.

[24] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 281.

[25] Выборы уполномоченных были признаны недействительными.

[26] Э. Э. Крузе. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.—Л., 1961, стр. 262.

[27] Там же, стр. 262.

[28] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 281.

[29] Э. Э. Крузе, ук. соч., стр. 263.

провождается уличными демонстрациями, революционными митингами. Причем борьба идет под республиканскими лозунгами. Таким образом, политическая стачка 1912 г. приобрела новые черты.

В условиях ожесточенной классовой и внутриполитической борьбы рабочий класс воспринял и поддержал неурезанные лозунги большевистской партии, выдвинув их в качестве основных программных пунктов своей борьбы.

В. И. Ленин неоднократно отмечал революционный массовый характер политической стачки 1912 г., ибо уже с самого начала рабочие вели борьбу «не во имя одного из прав, хотя бы самого существенного, самого важного для рабочего класса, а во имя *свободы всего народа*...»,[30] стачечная борьба рабочих была направлена «*не* к завоеванию одной из конституционных реформ, а к *свержению* правительства, т. е. к революции».[31]

Существенным моментом, отличающим политические стачки периода нового революционного подъема, как указывает В. И. Ленин, является также их общенародный, общенациональный характер. Он определяется, с одной стороны, своеобразием исторического развития России, не решившей еще задачи демократического преобразования страны, а с другой — тем, что свою борьбу рабочие начинают именно с постановки требований, выражающих объективные нужды всего народа, направляя главный удар против общего врага — самодержавия. Эта борьба российского пролетариата пользуется сочувствием и поддержкой всего народа.

Подчеркивая преемственность политической стачки 1905 г., В. И. Ленин указывает, что и в новых условиях революционного подъема она продолжает оставаться пролетарским методом «агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс»,[32] ибо откликается на все акты насилия и произвола властей, учит массы пониманию того, что только рабочий класс борется за интересы всего народа. Поэтому, подчеркивает В. И. Ленин, такую стачку надо поддерживать, усиливать, укреплять и тем самым готовить массы к новой революции. Именно о таком воздействии политической стачки рабочих говорят восстания в армии и флоте, крестьянские выступления.

Своеобразие политического движения этого времени состоит и в том, что революционная массовая, общенародная политическая борьба рабочего класса привела к четкой, определенной размежевке между либерализмом и демократизмом, и в этом «громадный плюс нового движения».[33] При этом направляющей силой революционного движения, ее гегемоном, поднимающим

---

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 351—352.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 170.
[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 342.
[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 283.

«знамя революции *за* весь народ, *от* имени всего народа, *для* пробуждения и привлечения к борьбе *всех* классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее»,[34] выступает российский пролетариат.

Наряду с политическими стачками рабочие ведут упорную экономическую борьбу, основной формой которой является экономическая стачка. Давая анализ экономической борьбы рабочих в 1912 г. по статистическим данным московского общества фабрикантов и заводчиков, В. И. Ленин указывает, что вновь авангард рабочего класса — металлисты идут впереди: количество стачечников среди металлистов в 1912 г. в 4 раза больше, чем в 1911 г., тогда как у текстильщиков соответственно — в 1,5 раза, а у прочих — в 2,5 раза.[35] При этом ведущая роль принадлежит металлистам Петербурга, за ними идут рабочие-металлисты Юга, Польши, Прибалтики, а затем уже Москвы.

Основываясь на тех же статистических данных, В. И. Ленин доказывает, что в 1912 г. металлисты ведут самую упорную и настойчивую борьбу по сравнению с рабочими других отраслей промышленности, а также по сравнению с предшествующими годами (исключая первую русскую революцию). Об этом свидетельствует средняя длительность стачек на одного рабочего, которая в 1895—1904 гг. составляла 4,8 дня, в 1909 г. — 6,5 дня, в 1911 г. — 7,5 (8,2 дня за исключением политических стачек), а в 1912 г. — 13,4 дня.[36] У металлистов же в 1912 г. на одного бастующего рабочего приходится 18 дней стачки, тогда как на одного текстильщика — 14, а на рабочих прочих отраслей промышленности — по 16 дней.[37]

И хотя практические результаты экономической борьбы 1912 г. были ниже, чем в 1905 г., — что объяснялось изменившимися экономическими и политическими условиями в стране, возросшим опытом борьбы не только пролетарских масс, но и правительственного лагеря, — объективная значимость этих стачек была исключительно велика. Они прежде всего носили наступательный характер, оказывали огромное социально-воспитательное воздействие на массы. «Рабочие борются *за улучшение* условий труда, а не *против ухудшения*»,[38] — писал В. И. Ленин.

Экономические стачки 1912 г. не отменяли того факта, что рабочее движение в целом являлось политическим. Формы борьбы рабочих в 1912 г. обнаруживали тенденцию к повышению, к развитию, экономическая борьба рабочих тесно переплеталась с политической.

Опираясь на опыт 1905 г., давший рабочему классу мощное орудие борьбы — сочетание экономической и политической

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 350.
[35] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 213.
[36] См. там же, стр. 199.
[37] См. там же, стр. 200.
[38] Там же.

стачки, В. И. Ленин постоянно указывал не только на необходимость, но уже и на практическое использование рабочим классом в 1912 г. этого метода обороны и нападения. Выступая против ликвидаторов, и в частности В. Ежова, отрицавшего необходимость осложнения политического протеста экономическими требованиями «четвертака», В. И. Ленин утверждал, что пролетариат должен «как можно основательнее, дружнее, сплоченнее, обдуманнее, тверже» «подготовлять... именно *сочетание* обоих видов стачек».[39] И Ленин подчеркивал, что стачечная борьба 1912 г. заслуживает особого внимания именно потому, что рабочие одновременно выставляют политические и экономические требования, что «полоса экономических стачек сменяется полосою политических и обратно. Борьба с капиталистами за отнятые контрреволюцией завоевания 1905 года и растущая дороговизна жизни поднимают новые и новые слои рабочих, ставя перед ними политические вопросы в самой острой форме. Все эти виды соединения и переплетения экономической и политической борьбы являются условием и залогом мощи движения, создавая революционную массовую стачку».[40] Сочетание экономической и политической стачки, широта выдвигаемых требований, которые затрагивали интересы почти каждой рабочей семьи, делали эту борьбу массовой. А в условиях революционной эпохи такая массовая стачка имела свою объективную логику, так как бросала миллионы революционных искр в народные массы, обездоленные, задавленные нуждой и бедствиями, бесправием и насилием, вовлекая тем самым в борьбу все новые и новые силы.

Анализ методов борьбы рабочего класса в 1912—1914 гг. дает возможность В. И. Ленину говорить о политической зрелости русского пролетария, который понял великое значение своего движения, всю необходимость, важность и принципиальность такого «переплетения» и широко использует его в своей революционной борьбе, выдвигая тысячи революционных агитаторов, несущих живое слово революции в массы. Достаточно вспомнить, как после апрельско-майских политических стачек в Петербурге, давших 353 679 стачечников, началась волна летних экономических стачек, в которой участвовали 47 011 чел.[41] Осенью 1912 г. волна политических стачек вновь активизирует экономическую борьбу петербургских рабочих. Политические стачки 1913 г. также тесно переплетаются с экономическими. По данным, приводимым Э. Э. Крузе, в 1913 г. в Петербурге произошло 9 массовых политических стачек с числом участников 772 600, 159 политических стачек на отдельных предприятиях, в которых

---

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 323.
[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 258.
[41] Э. Э. Крузе, ук. соч., стр. 320.

участвовали 72 823 чел., и 495 экономических стачек, в которых число бастующих составило 77 827 чел.[42]

Интересные факты, подтверждающие ленинскую оценку форм борьбы рабочего класса, дает не только история рабочего движения по отдельным районам и отраслям промышленности, но и по предприятиям (см. таблицу).[43]

Развитие забастовочного движения на Обуховском заводе (1913 г.)

Дата	Характер или причины выступлений	Продолжительность стачки (в днях)	Количество участников стачек
9 января	Годовщина расстрела рабочих	1	5575
10—11 января	Штраф за 9 января	2	5575
16 января	Защита уволенных товарищей	Неизвестно	200
4 апреля	Против произвола мастеров	10	60
1 мая	День международной солидарности трудящихся	1	6000
15 мая	Собрание рабочих, посвященное страховым законам 23 июня 1912 г.	1	Неизвестно
22 июня	Экономическая стачка	Неизвестно	Неизвестно
26 июля — 26 сентября	Смешанная стачка	63	5680
10—11 октября	Экономическая стачка	2	985
11—16 октября	За возвращение уволенных товарищей	5	377
11 ноября — 20 января 1914 г.	Смешанная стачка	71	4146

Революционное движение на Обуховском заводе в 1913 г. позволяет говорить о росте политического сознания рабочих, об организованном и целенаправленном характере выступлений. Нарастание экономической и политической борьбы продолжается и в 1914 г., вплоть до всеобщей июльской стачки и баррикадных боев. Учитывая, что в условиях приближения новой революции напряженная, трудная, упорная борьба, которую вновь ведет российский пролетариат, может породить усталость и истощить силы

[42] Там же, стр. 316.

[43] ЦГАОР СССР, ф. 102, 4-е делопроизводство, д. 101, 1913, лл. 14, 33; ф. 111, ПОО, д. 454, 1913, л. 169; ЛГИА, ф. 1267, Обуховский завод, оп. 15, д. 78, 1913, лл. 107, 121, 123, 135, 136, 137; «Правда», 1913, 3 и 18 мая, 30 июня; «За правду», 1913, 13 октября; Рабочее движение в Петербурге в 1912—1917 годах. Документы и материалы. Лениздат, 1958, стр. 124; М. Розанов. Обуховцы. Лениздат, 1938, стр. 288—289.

рабочих, В. И. Ленин ставит вопрос о гибкости тактических действий партии. Он предлагает организовывать более короткие стачки рабочих, вести их вперемежку, по районам, по отраслям промышленности, по предприятиям, «давая отдых одним и поднимая на борьбу отдохнувшие или „свежие" силы».[44]

В ответ на локауты, взятые буржуазией на вооружение в качестве постоянного и наиболее действенного оружия борьбы с пролетариатом, особенно после ленских событий 1912 г., В. И. Ленин дает практические рекомендации партии — при организации стачки обязательно учитывать экономические условия в каждом районе, в каждой отрасли промышленности, чтобы выбирать наиболее приемлемые способы борьбы, уметь противопоставить локауту итальянскую забастовку, заменять политические стачки революционными митингами и революционными уличными демонстрациями, «выбирать время и формы выступлений *не* по воле фабрикантов...»[45]

В. И. Ленин неоднократно указывал, что рабочий класс должен овладеть всеми средствами борьбы и «научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями».[46]

Но независимо от методов борьба должна идти непрерывно, чтобы и крестьянство и армия знали, как упорно рабочий класс борется за интересы народа.

В ленинских работах, связанных с оценкой периода нового революционного подъема, главное внимание уделяется активным, боевым формам борьбы рабочего класса — революционной массовой политической стачке, экономическим выступлениям рабочих, революционным уличным демонстрациям и митингам протеста. Все эти выступления пролетарских масс в годы нового подъема В. И. Ленин рассматривает как этапы нарастания новой революции. Именно с этой точки зрения он подмечает в каждом выступлении рабочих этих лет новые черты, которые свидетельствуют об углублении революционного движения в стране.

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 287.
[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 58.
[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 89.

Н. Я. Иванов

В. И. ЛЕНИН О КРАХЕ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ (март—октябрь 1917 г.)

В. И. Ленин неоднократно писал, что защитники капитализма, в том числе нередко называющие себя «социалистами», никогда не жалели сил в стремлении извратить, запутать, затемнить в сознании масс понятия «демократия» и «диктатура». Их излюбленный прием состоит в выхолащивании классового содержания, которым наполняются эти древние слова в каждую новую историческую эпоху. Рассуждениями о «демократии вообще», «диктатуре вообще» они, с одной стороны, пытаются обелить буржуазную демократию, выдать ее видимость за сущность, с другой — очернить диктатуру пролетариата, увести от понимания ее особой исторической роли.

Борьба между пролетарским и буржуазным пониманием «демократии» и «диктатуры» была и остается тем главным рубежом, который отделяет марксистскую историографию Октябрьской революции от антимарксистской.

При всем обилии частных, непринципиальных различий между зарубежными буржуазными фальсификаторами истории Великого Октября (речь идет об откровенных сторонниках антикоммунизма) большинство из них сближает общность концепции. Она сложилась под сильным влиянием книг П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, ряда других белоэмигрантов и в той или иной мере дополнена ренегатскими идейками меньшевиков, эсеров, К. Каутского, Л. Блюма и им подобных «социалистов».

Эти авторы (Л. Шапиро, С. Поссони, Р. Пейн, Б. Вольф, Л. Фишер, Г. Вебер, О. Баумхауэр, Г. фон Раух, П. Бруэ, Э. Крэнкшоу, А. Мурхед и др.) признают, что Февральская революция — в общем приемлемый, но отнюдь не неизбежный исторический поворот. Антикоммунисты, как известно, вообще отрицают закономерность социальных революций. По их мнению, царь и его окружение при умной и гибкой политике

могли бы удержаться у власти. Но царизм обнаружил свою слабость, не сумел предотвратить или подавить стихийный «бунт» измученных войной, голодом солдат и рабочих Петрограда. Единственным рациональным компонентом революции, утверждают эти авторы, была русская либеральная буржуазия, которая возглавила ход событий, чтобы сдержать силы «самобытного» русского «анархизма» масс и обеспечить «демократическое» развитие России по европейскому образцу. Ряд из них признает важное значение поддержки, оказанной либералам «государственно мыслящими» элементами русского социализма, т. е. эсеро-меньшевиками и их вождями. Как видно, эта схема Февральской революции не отличается ни новизной, ни научным подходом. Она в основном списана у кадетских историков.

Правление Временного правительства эти авторы в общем сходно характеризуют как начало расцвета «подлинной демократии», якобы открывавшей перед Россией самые радужные перспективы. Попыткам доказательства этой фальшивой версии посвящены, в частности, издания тенденциозно подобранных документов.[1] Главным источником этого хваленого «демократизма» историки-антикоммунисты считают правящую партию российского буржуазного либерализма — партию кадетов. Иногда некоторую долю «заслуг» они отдают союзу меньшевиков и эсеров с кадетами. Отдельные различия между ними более заметны в объяснении причин крушения буржуазной власти в России. Но в конечном счете они сходятся на концепции «роковых ошибок», цепи «случайностей», якобы предопределивших переход революции от Февраля к Октябрю.

Отрицание исторической закономерности победы Октябрьской революции, как известно, является стержнем всех фальсификаторских потуг антикоммунистов. Большинство из них уже десятки лет повторяет затасканную побасенку о путчистском захвате власти смелым и решительным меньшинством во главе с В. И. Лениным, якобы не опиравшимся на поддержку народных масс (А. Мурхед, А. Мазур, Г. Кон, Р. Макнил, М. Флоринский и др.). Английский историк М. Дьюхерст, автор «Историографии новейших работ об Октябрьской революции», утверждает, что «закономерность — ужасный термин», когда его

---

[1] Одним из типичных примеров этого является трехтомная публикация документов «Русское Временное правительство», предпринятая гуверовским институтом мира, революции и войн при Стенфордском университете в США ("The Russian Provisional Government, 1917". Documents, selected and edited by R. P. Browder and A. F. Kerensky, vol. I—III. Stenford, California, 1961). Составители широко пользовались мемуарами белоэмигрантов, материалами печати буржуазных и мелкобуржуазных партий и почти полностью обошли богатейшие публикации документов в СССР, раскрывающие подлинное лицо кратковременной буржуазной «демократии» в России 1917 г. Советские историки неоднократно обличали это фальсифицированное издание (см., например, «Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 147—159).

пытаются применить к революции в России.[2] В заявлении советских историков, оглашенном 11 сентября 1967 г. на пресс-конференции с отечественными и зарубежными журналистами, справедливо отмечалось, что многие антикоммунисты в попытках «доказать» случайное происхождение Октябрьской революции недалеко ушли от последней русской царицы Александры Федоровны. Она, как известно, объясняла Февральскую революцию «хулиганскими» выступлениями рабочих и «недостаточно холодной погодой».[3] В тех случаях, когда антикоммунисты склоняются к признанию исторической почвенности Октябрьской революции, они изображают ее как «исключительно чисто русское» явление, как продукт неповторимой «евразийской культуры» русского народа, как реакцию специфически русского «азиатского», «византийского» на «европеизм» Февральской революции.[4]

Как известно, в трудах В. И. Ленина, а также в десятках капитальных исследований советских историков опровергнуты эти злостные измышления наших врагов, глубоко раскрыта закономерность Октябрьской революции в планах отечественной и всемирной истории.[5] Многое сделано советской исторической наукой в раскрытии созидательной роли диктатуры пролетариата. Но, как представляется автору, советские историки еще не использовали всех возможностей для опровержения одного из главных исходных тезисов фальсификаторов истории Октябрьской революции о якобы «подлинном демократизме» кратковременной буржуазной власти в России и ее особой перспективности для социально-экономического прогресса. Труды В. И. Ленина, а также известные и малоизвестные документальные материалы позволяют снова вернуться к этому вопросу принципиальной важности и попытаться подкрепить и дополнить некоторые выводы.

Прежде всего необходимо напомнить классовое содержание самого понятия «демократия», учитывая при этом конкретно-исторические особенности российского революционного процесса.

---

[2] Цит. по статье В. И. Салова «Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции» («Вопросы истории», 1967, № 11, стр. 193).

[3] «Вопросы истории», 1967, № 11, стр. 173.

[4] Там же, стр. 174.

[5] Напомним лишь некоторые из этих работ последних лет: И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. М., 1967; т. 2. М., 1968; П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Его же. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964; И. Ф. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции М., 1964; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М. 1965; Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966; А. В. Березкин. Октябрьская революция и США. 1917—1922 гг. М., 1967; В. В. Лебедев. Международное положение России накануне Октябрьской революции. М., 1967, и др.

На этот счет мы находим у В. И. Ленина ясные указания, подтвержденные всем ходом борьбы классов.

В. И. Ленин никогда не связывал историческую возможность установления в России демократического строя с политической деятельностью какой-либо из буржуазных партий (кадетов, прогрессистов, октябристов). Он исходил как из всего опыта буржуазного демократизма на Западе, так и из специфических особенностей русской буржуазии. Опыт доказал, отмечал Ленин, что буржуазия всех стран враждебна демократии и в лучшем случае может допустить чисто внешние ее атрибуты — парламент, «свободу собраний», «свободу печати» и др.

И если буржуазия Запада оказалась способной породить лишь насквозь лживую, формальную демократию, ни в малейшей мере не ущемляющую ее власть и богатство, то гораздо меньше могла дать народу российская буржуазия. Особенности национального развития усиливали ее антидемократизм, склонность к насильственным способам подавления эксплуатируемых. Она, как известно, экономически и политически была тысячами нитей связана с реакционнейшим царизмом, его бюрократией, старым поместным землевладением, широко использовала полукрепостническую подавленность громадного большинства трудящихся для получения прибылей, в 2—3 раза превосходивших среднеевропейские. В письме А. М. Горькому 3 января 1911 г. В. И. Ленин характеризовал российский капитализм как «черносотенно-октябристский», отмечая его особую «жадность и жестокость».[6]

Примечательно, что политическую сущность самой левой буржуазной партии — партии кадетов В. И. Ленин с поразительной точностью раскрыл уже в начале ее деятельности. Более того, он точно предсказал ее судьбу. В брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии», написанной в марте 1906 г., Ленин уподобил кадета щедринскому Иудушке Головлеву, который, «вознося очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ, и на контрреволюционное правительство», взывает: «Братия! Возлюбим друг друга! Пусть будут и волки сыты и овцы целы...» Лицемерие, писал Ленин, кадеты возвели в принцип всей своей политики. Они с «неподражаемой ловкостью» усвоили «дух и смысл буржуазного политиканства». Это — «партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений». И потому, указывал Ленин, «партия кадетов — эфемерная, безжизненная партия», ее историческая роль переходная. Кадеты, предсказывал он, — неизбежно падут, «удобрив почву» либо для продолжительного торжества контрреволюции, либо для победы революции рабочих и крестьян.[7]

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 12—13.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 287—293.

Российская либеральная буржуазия, писал В. И. Ленин несколько позднее, «во сто раз больше боится революции, чем реакции». Она при каждом обострении борьбы классов «шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией...».[8] На протяжении многих лет еще до свержения царизма он последовательно разоблачал лживость попыток кадетов выдать себя за демократов. Буржуазную демократию в России, писал Ленин в статье «Политические партии в России» (1912 г.), представляли не кадеты и не какая-либо другая буржуазная партия, а «народники всех оттенков, от самых левых эсеров вплоть до энесов и трудовиков».[9] При этом социалистическая окраска их программ ничего не меняла. Ставя во главу угла требование крестьянства о проведении демократической аграрной реформы, они тем самым боролись всего лишь за расчистку путей капитализма от остатков средневековья. Отмечая, что представленные в народнических партиях интеллигенты «из рук вон плохие социалисты и размагниченные демократы»,[10] Ленин особенно высоко ценил демократизм многомиллионных крестьянских масс, находивший выражение в позиции думских депутатов («трудовиков») из среды самих крестьян. Они, писал он, «вовсе не играют в социализм», они «нутряные», «искренние, горячие и сильные демократы».[11] Поэтому буржуазную демократию в такой стране, как Россия, Ленин часто называл «крестьянской демократией».

Вместе с тем В. И. Ленин многократно отмечал наличие в России пролетарской демократии, как политического течения, вполне отмежевавшейся от либерализма и «крестьянской демократии». Ее главную задачу он видел в самой активной поддержке каждой из партий, борющейся против самодержавно-помещичьего строя, за подлинную демократизацию страны, а также в том, чтобы всемерно помогать «крестьянской демократии» преодолевать колебания в сторону либерализма, убеждать ее в невозможности реформистского решения назревших коренных вопросов национальной жизни.[12]

Таким образом, в трудах В. И. Ленина, написанных еще до установления буржуазной власти, все основные политические движения в России — буржуазное, мелкобуржуазное (в основном крестьянское), пролетарское — получили четкую и единственно верную в научном и политическом значении характеристику с точки зрения их места и роли в борьбе за демократию. Ленин с новой силой доказал ту марксистскую истину, что понятие «демократия» обретает смысл только в его классовом, конкретно-историческом содержании.

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 332.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 284.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 364.
[11] Там же.
[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 285, 472 и др.

Февральская революция знаменовала очень крутой исторический поворот. Создались условия, когда все классы и партии были обязаны не на словах, а на деле доказать свою верность демократии в решении неотложных народных и государственных нужд. Как и в какой мере была доказана эта верность? Только правильный ответ на этот коренной вопрос позволяет с должной полнотой уяснить историческую закономерность перехода русской революции от Февраля к Октябрю. Такой ответ дал в своих трудах В. И. Ленин, его дали факты истории, не оставляющие места для измышлений антикоммунистов.

В. И. Ленин уделил много внимания анализу новой расстановки и соотношения классовых и партийных сил после Февральской революции. Обратимся к одной из его статей — «Классовый сдвиг», опубликованной в «Правде» 27 июня 1917 г. В ней он отмечал, что революция спутала карты кадетов и их англо-французских империалистических вдохновителей. Она пошла неизмеримо дальше спланированного ими «маленького дворцового переворота» и установления цензовой конституционной монархии. Царизм был сметен, а повсеместное создание Советов свидетельствовало о решимости победивших народных масс утвердить свою, единственно возможную буржуазную демократию — революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян. Перед этой угрозой либерализм кадетов рассеялся, как дым, осталась лишь одна их контрреволюционность. «...Либеральная буржуазия стала сплошь контрреволюционной»,[13] — констатировал Ленин.

Революция породила глубокие сдвиги и в лагере мелкобуржуазной демократии. Напомним в этой связи многократное указание Ленина, что мелкая буржуазия в большей мере, чем любой другой класс капиталистического общества, отличается своей неоднородностью. Ее верхний, имущий слой близко примыкает к буржуазии, средний, малоимущий — постоянно колеблется между буржуазией и пролетариатом, ее большинство — «низы» (деревенскую бедноту) Ленин выделял, именуя «полупролетариатом». Мелкобуржуазная интеллигенция, заполнявшая руководящие органы партий эсеров и меньшевиков, своими шатаниями от контрреволюционности к «левизне» идейно выражала неоднородность мелкой буржуазии. Ленин постоянно учитывал многослойность мелкобуржуазной демократии. Полемизируя с «новожизненцами», он отмечал: «...бывает демократическая буржуазия и недемократические (способные на Вандею) слои мелкой буржуазии».[14]

В указанной выше статье В. И. Ленин писал, что после свержения царизма мелкобуржуазная демократия, возглавленная эсерами и меньшевиками, пошла на соглашение с контрреволю-

---

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 385.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 326.

ционной буржуазией, добровольно передала ей власть, взяв на себя роль оппозиции. В этом акте, отмечает он, сказалось классовое родство мелкой и крупной буржуазии. Это было предательством демократизма широких масс трудящихся, поверивших в творческие возможности Советов и потому горячо их поддерживавших. «...Мелкобуржуазная демократия хочет *раздела власти* с буржуазией, а не свержения ее, совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии»,[15] — писал Ленин.

Следовательно, Февральская революция обнажила антидемократизм буржуазного либерализма, а также выявила слабость, противоречивость, переходный характер участия мелкобуржуазной демократии в управлении страной. Жизненным оставался только демократизм ее «низов», т. е. в основном многомиллионного трудящегося крестьянства, жаждавшего революционной ломки аграрных отношений, окончания ненавистной войны, обеспечения своих гражданских прав и т. п. Верхи мелкобуржуазной демократии, встав на путь соглашательства с контрреволюционной буржуазией, тем самым порывали с революцией, обрекали себя на мелкий реформизм. Но объективное политическое положение, подчеркивал Ленин, было революционным и «из него реформами *не выйдешь»*.[16] Политика, по выразительной характеристике Ленина, «обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного»[17] в обстановке нарастания могучей революции могла дать лишь временную отсрочку гибели буржуазного строя в России, но не его спасение.

Только пролетарская демократия имела будущее. Оно заключалось в способности пролетариата и его партии к революционному решению всех назревших социально-экономических и политических проблем народной жизни. Суммируя свои мысли о новой расстановке классовых сил, В. И. Ленин писал: «Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место *действительно* революционной демократии».[18]

Попытаемся весьма сжато коснуться лишь некоторых существенных черт, проследить основные этапы развития кризиса как лжедемократии буржуазии, так и связавшей себя с ней мелкобуржуазной демократии. Заметим, что периодизация этого процесса не может отличаться от общей ленинской периодизации перехода революции от первого этапа ко второму, ибо лежащие в ее основе изменения в расстановке и соотношении классовых сил полнее всего выражали резкие обострения кризиса власти.

---

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 385.
[16] Там же, стр. 386.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 158.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 386.

Период двоевластия, как известно, имел три отмеченных В. И. Лениным промежуточных рубежа, соответствовавших трем политическим кризисам, — в апреле, июне, июле.

В. И. Ленин, еще находясь в Швейцарии, в «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года», а затем в «Письмах из далека» раскрыл двуличие правительства буржуазии и помещиков, его неспособность и нежелание приступить к решению коренных вопросов, а также бессилие мелкобуржуазной демократии. Каждый шаг в развитии событий подтверждал правильность ленинского прогноза.

Заполучив официальную власть в стране, буржуазия ликовала. Она еще надеялась оттеснить и свести на нет Советы, с которыми ей приходилось делить власть. «Наша позиция прочна... перед нами открываются необозримые возможности»,[19] — заявил 8 марта военный министр А. И. Гучков перед собранием финансистов и заправил торгово-промышленных кругов. «Правительство получило выражения полного доверия со стороны торгово-промышленного класса»,[20] — сообщала в этой связи газета деловой буржуазии. Кадеты, возглавив половину министерств, смотрели на Временное правительство как на собственный дом. Они продолжали разыгрывать привычную роль Иудушки, фарисейски выдавая себя за демократов, за партию «народной свободы». «Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей»,[21] — взывал их центральный комитет в обращении к народу. Лидер кадетов П. Н. Милюков настойчиво распространял заведомую ложь о якобы внеклассовом характере его партии. «Только такая партия, как наша, партия внеклассовая, — говорил он, — может явиться арбитром между классовыми стремлениями».[22]

Несколько позднее, на собрании кадетских пропагандистов, Милюков, увлеченный собственной демагогией, уверял, что партия кадетов может считать себя даже ... «партией социалистической».[23] Тем же безудержным стремлением затемнить классовое сознание трудящихся, скрыть классовый характер революции и установившейся власти были полны высокопарные обращения к народу Временного правительства. Буржуазная печать назойливо именовала его министров «народными» и т. п.

Но шила в мешке не утаишь... За шелухой слов скрывалась строжайшая классовая партийная апробация каждого шага правительственной политики. Состоявшееся в начале марта

---

[19] «Речь», 1917, 9 марта, № 58.

[20] «Торгово-промышленная газета», 1917, 10 марта, № 50.

[21] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Докум. и матер. М., 1957, стр. 420.

[22] «Речь», 1917, 28 марта, № 73.

[23] Центральный государственный архив Октябрьской революции и высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР, ф. 579, оп. 1, д. 855 а, л. 6.

совещание руководящего состава партии кадетов приняло директивную для Временного правительства «резолюцию № 1». В ней говорилось: «Закрепление завоеваний революции в условиях хозяйственной разрухи страны и продолжения мировой войны не допускает немедленного проведения всех коренных социальных реформ... Война продолжается. Сепаратный мир недопустим... Классовые организации (т. е. Советы. — *Н. И.*) не должны быть носителями государственной власти».[24] Суть этих директив полнее раскрылась в решениях очередного съезда партии кадетов 25—28 марта в Петрограде. Съезд выразил «полное доверие Временному правительству» и отметил, что его внутренняя и внешняя политика «в полной мере соответствует программе кадетов». Особые похвалы правительству воздавались за отказ от решения «коренных вопросов» до созыва Учредительного собрания. Последнее может быть созвано, говорилось в решениях съезда, только «с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю». Под такими «гарантиями» кадеты подразумевали обеспечение в Учредительном собрании буржуазного большинства. Какое-либо решение аграрного вопроса вообще немыслимо до окончания войны, говорилось в докладе кадетского центрального комитета. Яростной травле подверглось двоевластие. Советы, говорилось в одной из резолюций, всего лишь общественные организации и никакой властью не могут располагать. Съезд признал необходимыми межпартийные соглашения кадетов с эсерами и меньшевиками для совместной борьбы против большевиков.[25]

Характерно, что в одной из лож Михайловского театра, где проходил съезд, восседали министры Временного правительства. Единение кадетов и буржуазной власти было, таким образом, полным.

Кадетские директивы проводились правительством неукоснительно. В краткой статье проблемно-теоретического характера нет необходимости обращения ко всей совокупности фактов, раскрывающих саботаж буржуазией решения вопросов о мире, земле, 8-часовом рабочем дне, созыве Учредительного собрания и т. п. Нет также нужды в доказательстве той истины, что относительные демократические свободы тех дней (свобода слова, печати, союзов, собраний, стачек и др.) являлись со стороны правящей буржуазии лишь вынужденным признанием фактических завоеваний победивших рабочих и крестьян, отнять которые немедленно было уже невозможно. Эти вопросы достаточно глубоко исследованы советскими историками. Заметим лишь, что даже краткий экскурс в область фактов позволяет увидеть фальш утверждений кадетских и эсеро-меньшевистских историков, подхваченную современными антикоммунистами, о якобы

---

[24] Там же, д. 741, л. 1.
[25] См.: «Речь», 1917, 26—29 марта, № 72—74.

начавшейся после Февральской революции кратковременной «эре» «народного единения» и «подлинной демократии». Как видно, российская буржуазия с первых дней прихода к власти пыталась утвердить свою диктатуру, прикрытую в европейском духе лживыми фразами, посулами, частными уступками.

Без поддержки мелкобуржуазной демократии в лице эсеров и меньшевиков буржуазия не могла бы удержать власть. Перевес сил и влияния Советов в установившемся режиме двоевластия — факт бесспорный. Это, в частности, вынуждены были признать министр-председатель князь Г. Е. Львов, управляющий делами правительства В. Д. Набоков, Милюков, Гучков и ряд других лидеров буржуазии. Но идейный эклектизм (особенно у эсеров), оппортунизм и соглашательство уже вконец обессилили мелкобуржуазные партии. Эсеры и меньшевики исключали возможность отстранения буржуазии от власти. Обособление «революционной демократии» от буржуазии «было бы роковой ошибкой, граничащей с самоубийством»,[26] — вещал в первые дни революции орган Петроградского Совета «Известия». «Мы переживаем *буржуазную* революцию. Она даст России не социалистический строй, а лишь демократические формы и свободные условия развития буржуазного государства... Для социалистического переворота у нас еще не наступило время».[27] Так сформулировал главный пункт политической платформы соглашательских партий меньшевистский центральный орган «Рабочая газета». За поддержку Временного правительства высказались конференции эсеров и меньшевиков в Петрограде и Москве. Исподволь охаивая Советы, соглашатели помогали буржуазии в ее борьбе за единовластие. Временное правительство — «орудие реформ... Для социалистов не может и существовать вопрос о двоевластии»,[28] — утверждали эсеры. «Советы не выдерживают ни малейшей критики как постоянные учреждения», будущее «за городскими думами, земствами, за демократией парламентарной»,[29] — вторили им меньшевики.

Оппортунистическая платформа делала неизбежным переход эсеров и меньшевиков от соглашательства с буржуазией к прямому соучастию в ее контрреволюционном насилии над трудящимися. На эту опасную перспективу политической эволюции мелкобуржуазных партий В. И. Ленин указывал уже в первых своих статьях и выступлениях после Февральской революции.[30]

Сложность положения состояла в том, что массы крестьян и рабочих, опьяненные победой над царизмом и установившимися демократическими свободами, легко поддавались лести

---

[26] «Известия», 1917, 2 марта, № 3.
[27] «Рабочая газета», 1917, 22 апреля, № 37.
[28] «Дело народа», 1917, 31 марта, № 14.
[29] «Рабочая газета», 1917, 11 апреля, № 28.
[30] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 130, 229—230, 257 и др.

и обману со стороны буржуазии и ее эсеро-меньшевистских союзников. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно. . .»,[31] — писал Ленин.

В этой обстановке только партия большевиков разоблачала контрреволюционный характер Временного правительства. Приезд В. И. Ленина в Россию помог партии найти правильное решение всех вопросов тактики. Новые, смелые идеи «Апрельских тезисов» окрылили большевиков, вооружили их ясным планом борьбы и твердой верой в победу.

Весьма важным звеном в развитии кризиса буржуазной «демократии» стали события 20—21 апреля. Их причины, ход, содержание получили освещение в трудах В. И. Ленина, исследованиях советских историков.[32] Стихийный взрыв массового негодования против «ноты Милюкова», отмечал Ленин, воочию показал глубокое различие между искренним демократизмом массы населения и обманным демократизмом партий эсеров, меньшевиков, их вождей. Суть кризиса в том, подчеркивал он, что мелкобуржуазная масса впервые остро почувствовала этот обман. Она сильнее, чем обычно, заколебалась между привычным доверием к капиталистам и «стремлением довериться революционному пролетариату». Такие колебания неизбежны, они будут нарастать, порождая новые кризисы. Задача пролетариата и его партии, указывал Ленин, состояла в том, чтобы вырвать из-под влияния соглашателей массовых, искренних представителей демократии, теснее слить в единый поток сознательную борьбу пролетарского авангарда за социализм с общедемократическим движением широких слоев трудящихся.[33]

Что касается буржуазии, то апрельские события, как убедительно доказал И. И. Минц, означали первую попытку реализации заговора российского и международного империализма против революции.[34] «Нота Милюкова», направленная союзникам в день первомайской, преимущественно антивоенной демонстрации, была актом провокации.[35] Одна из главных ее целей состояла в том, чтобы вызвать стихийное, неорганизованное выступление масс и учинить расправу. Потенциальные кавеньяки — генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, адмирал А. В. Колчак — готовились к «решительным действиям». Следовательно, верховодившие кадеты уже перешли от иудушкиного лицемерия к лобызанию с кандидатами в палачи революцион-

---

[31] Там же, стр. 156.

[32] И. И. Минц, ук. соч., т. 2, стр. 303—365; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. первая. Л., 1967, стр. 178—250 и др.

[33] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 314—316, 319, 324—327.

[34] И. И. Минц, ук. соч., т. 2, стр. 303—318.

[35] Там же, стр. 307.

ного народа. Это подтверждается рядом других малоизвестных фактов: тайным совещанием представителей реакционных кругов 5 апреля в Петрограде об установлении военной диктатуры, принятием Корниловым 9 апреля предложения возглавить военно-диктаторский режим, подготовкой Керенским судебно-полицейской расправы с большевиками и др.[36]

Апрельский контрреволюционный заговор не удался. Буржуазия переоценила собственные возможности и недооценила силу Советов. Чтобы уйти от нависавшего краха своей лжедемократии, ей пришлось прибегнуть к излюбленному приему западноевропейских собратьев по классу — к созданию коалиционного правительства. «Дурачки эсеровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице „вождей Советов“»,[37] — писал В. И. Ленин. Мелкобуржуазная демократия демонстрировала свою историческую обреченность, неспособность на самостоятельную классовую роль. Она по своему существу, как и указывал В. И. Ленин, была той же буржуазной демократией. Но последняя уже не могла противостоять подымавшейся, наливавшейся силами новой пролетарской демократии. Единственно жизненный демократизм широких масс трудящихся, т. е. в условиях России — «крестьянская демократия», имел свое будущее только в рамках победы демократии пролетарской.

Фактическое начало следующему июньскому кризису положила кампания особенно неистовой травли большевиков, предпринятой в связи с запрещением съездом Советов намечавшейся на 10 июня демонстрации в Петрограде. Эсеры и меньшевики, облыжно обвиняя партию большевиков в «заговоре», открыто призывали силы мобилизующейся контрреволюции к репрессиям. Меньшевистская печать лицемерно заявляла, что это будут «не репрессии» и «не контрреволюция», а «акт общественного, общегосударственного самосохранения».[38] Лидер меньшевиков И. Г. Церетели требовал немедленного разоружения петроградских рабочих.[39] В статье «На переломе» В. И. Ленин так характеризовал суть этих событий: «В России эта борьба дошла до той ступени, когда империалисты пытаются — рукой вождей мелкобуржуазной демократии, Церетели, Черновых и т. д. — одним резким и решительным ударом покончить с растущей силой пролетарской партии. И, как повод

---

[36] Подробно об этом см. в статье автора «Из истории борьбы с контрреволюцией в период двоевластия (март—июнь 1917 г.)» в сб.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, стр. 79—86.

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 63.

[38] «Рабочая газета», 1917, 9 июня, № 76.

[39] «Правда», 1917, 13 июня, № 80.

для этого решительного удара, министр Церетели нашел неоднократно уже использовавшийся контрреволюциями способ: *обвинение в заговоре»*.[40] Следовательно, верхи мелкобуржуазной демократии на деле показывали, что они фактически уже сомкнулись с буржуазной диктатурой, с кадетами, с кавеньяками.

В этой связи весьма характерно, что В. И. Ленин в те же дни опубликовал в «Правде» свою замечательную статью «Из какого классового источника приходят и „придут" Кавеньяки?». Эта статья — один из выдающихся примеров марксистского предвидения событий на основе научного анализа классовых отношений. В ней Ленин пришел к выводу о наличии в России той «объективной исторической почвы», на которой в 1848 г. появился «французский кадет генерал Кавеньяк», потопивший в крови парижских рабочих тогда еще слабую пролетарскую демократию и поставивший на колени перед буржуазией демократию мелкобуржуазную. Эту почву, указывал Ленин, создает контрреволюционность буржуазии и «луиблановщина» эсеров и меньшевиков — их полная неспособность к самостоятельной политике, боязнь довериться революционному пролетариату, подчинение кадетам. Ленин выражал уверенность, что революционные рабочие России сумеют преградить путь грядущему русскому Кавеньяку.[41]

Развитие июньского кризиса подтвердило непоколебимый революционный оптимизм В. И. Ленина. Грандиозная демонстрация рабочих и солдат Петрограда, состоявшаяся 18 июня, «развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках», [42] — писал В. И. Ленин. Она раскрыла рост народного доверия к пролетарской демократии, а также обнажила резкие расхождения между «верхами» и «низами» внутри демократии мелкобуржуазной. Не менее 90% участников 500-тысячной демонстрации шли под большевистскими лозунгами. Перевес большевиков обнаружился также на демонстрациях 25 июня, проходивших в ряде других пролетарских центров. Дело шло к новому правительственному кризису, но его удалось отсрочить с помощью начавшегося наступления на фронте.

Перелом 3—4 июля, указывал В. И. Ленин, завершил цикл классовых и партийных отношений. Мелкобуржуазная демократия в лице эсеров и меньшевиков окончательно сомкнулась с буржуазной лжедемократией. Она стала контрреволюционной, предала Советы, добровольно уступила буржуазии всю полноту власти.

Анализу послеиюльского политического развития В. И. Ленин, как известно, уделил особенно много внимания. Попытаемся проследить основные направления его мысли.

---

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 333.
[41] См. там же, стр. 343—346.
[42] Там же, стр. 360.

Усилилось размежевание лагеря мелкобуржуазной демократии на «верхи» и «низы». Демократические «низы» острее почувствовали предательство «верхов» и активнее потянулись к пролетариату. «...Именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков»,[43] — писал Ленин.

Утрата эсеро-меньшевистской мелкобуржуазной демократией собственной классовой роли в управлении страной ярко проявилась в керенщине. Она стала главным направлением правительственной контрреволюционной политики после июльских событий. Соглашательские партии оказали эсеру А. Ф. Керенскому, возглавившему 7 июля Временное правительство, полную и безоговорочную поддержку. Кадеты заявили о своей «горячей поддержке» нового министра-председателя.[44] В. И. Ленин дал исключительно глубокую характеристику этому кумиру российского мещанства. Он писал, что Керенский «подставная фигура» капиталистов и «типичный полукадет».[45] И далее: он «считался эсером — и как будто бы социалистом, и как будто бы революционером, а на самом деле представлял из себя империалиста...». Керенский — «представитель господствующего класса буржуазии»,[46] — подчеркивал Ленин. История керенщины, разъяснял В. И. Ленин, служит одним из доказательств того, что «социалисты» типа Керенского — «лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа», и отмечал, что керенщина явление не только русское: «Почти везде рядом с буржуазией встречаются элементы керенщины».[47] Суть всей политики Керенского и тесно связавших себя с ним эсеров и меньшевиков состояла, указывал Ленин, в том, чтобы создать контрреволюционный союз буржуазии и мелкой буржуазии против пролетариата.[48]

Керенщина являлась одной из разновидностей буржуазной лжедемократии. Прямое насилие (восстановление смертной казни на фронте, репрессии против большевиков, карательные экспедиции против крестьян и т. п.) она сочетала с безудержной социальной демагогией. В. И. Ленин много раз отмечал, что бонапартизм как метод политики (лавирование между борющимися классами, заигрывание с ними при опоре на худшие элементы войска) весьма характерен для керенщины.

Небезынтересна оценка роли Керенского таким видным выразителем настроений российской реакции, как монархист В. В. Шульгин. В 1922 г. в письме Милюкову, а позднее на страницах милюковского органа печати он писал: «Мы все проталкивали Керенского к власти. Я отдаю ему должное. Керенский

---

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 399.
[44] «Речь», 1917, 9 июля, № 159.
[45] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 185, 199.
[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 294, 362.
[47] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 232, 402.
[48] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 199.

был единственно возможным. И как бы то ни было, своей пляской на гребне волны он дал нам передышку на несколько месяцев... Он изображал всероссийского диктатора. Надо быть поистине талантливым актером, чтобы играть эту роль...» Но, замечает Шульгин, «нельзя же было ожидать, что Хлестаков окажется Наполеоном», — и далее выражает крайнее сожаление, что силы контрреволюции не сумели воспользоваться передышкой, предоставленной им керенщиной, и «за это время не сумели создать своего фашизма».[49] В этом признании и заключено зерно истины. Керенщина рассматривалась силами реакции как необходимое звено такой политики, которая расчищала путь к удушению русской революции фашистскими или иными не менее чудовищными методами насилия. И современные антикоммунисты находят слова осуждения керенщины лишь в том, что она, по их мнению, затянула свою политику лавирования, не проявив «должной жесткости» и «решительности» в расправе с революцией. Иного понимания «подлинной демократии» и нельзя ожидать от них.

Отдельные представители антикоммунизма (Л. Шапиро, П. Аврич и др.) нередко пытаются использовать в целях клеветы на большевиков восхваление позиции меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров, якобы боровшихся за «подлинную демократию». Но тщетны их потуги. Усилия левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов сводились главным образом к попыткам остановить необратимый процесс признания «низами» мелкобуржуазной демократии руководящей роли пролетариата и его партии. Так, например, Л. Мартов на Объединительном съезде РСДРП (меньшевиков) в августе 1917 г., резко критикуя политику правительства Керенского и горой стоявшего за него правоцентристского большинства партии, говорил: «Движущей силой революции является теперь только городская и сельская мелкая буржуазия — то, что у нас принято называть революционной демократией в ее не пролетарской части».[50] Левые эсеры видели будущее только за «крестьянской демократией». Все это было не более, как отчаянной попыткой опереться на обветшалые прудонистские, народнические и подобные им теории, претендовавшие на обоснование способности мелкой буржуазии к самостоятельной роли в революции. Демократизм мелкобуржуазных слоев населения мог найти свое действительное, а не ложное претворение только на путях союза с пролетариатом, под его руководством.

Полевение среди части эсеров и меньшевиков, разъяснял В. И. Ленин, следует принимать во внимание как косвенный показатель полевения масс. Другой вопрос — принципиальность

[49] ЦГАОР СССР, ф. 5974, оп. 1, д. 9, лл. 5, 33; «Новое время» (Париж), 1924, 9 марта.

[50] Центральный партийный архив (ЦПА) ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 11 об.

позиции левых. Их вожди — Мартовы, Камковы, Сухановы и К⁰, отмечал В. И. Ленин, «при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощение у Либерданов и Авксентьевых с К⁰. . .».[51]

Проследим мысль В. И. Ленина о дальнейшей эволюции кадетов, «либерализм» которых до сих пор умиляет разных фальсификаторов истории Октябрьской революции.

«Контрреволюция сплачивается. Кадеты — вот ее основа»,[52] — писал Ленин после июльских событий. И несколько позднее: «Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов».[53] За спиной кадетов действовали силы международной империалистической реакции. Кадеты были вдохновителями расстрела мирной демонстрации 3—4 июля в Петрограде и всей послеиюльской карательной политики на фронте и в тылу.

Выступая на собраниях кадетов, Милюков не стеснялся в изложении политической платформы своей партии. Кадетский лидер взывал: «оттеснить на задний план Советы», «ограничить права армейских комитетов», «рассматривать аресты большевиков как только первый шаг», «бросить социальные мечты; никакого социального законодательства до созыва Учредительного собрания», «признать невозможным созыв Учредительного собрания до восстановления порядка в стране» (т. е. до подавления революции), «полный отказ от формулы — без аннексий и контрибуций», «подчинение всей политики по национальному вопросу формуле: Россия единая и неделимая».[54]

Но ничто так полно не выражало политическую позицию кадетской партии, как ее активное участие в подготовке установления в стране военной диктатуры во главе с генералом Корниловым. Указание В. И. Ленина, что «партия кадетов — главная корниловская партия» и что ее так и следовало бы именовать «корниловской партией»,[55] находит подтверждение в многочисленных фактах. Советские историки детально раскрыли теснейшую связь кадетов с корниловскими заговорщиками.[56] Обратимся лишь к малоизвестному и еще не опубликованному

---

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 408.

[52] Там же, стр. 32.

[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 135.

[54] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 854, лл. 12—16; д. 854а, лл. 16—22 (стенограф. записи речей П. Н. Милюкова).

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.

[56] См.: Н. Ф. Славин. Из истории политической подготовки корниловщины. Тр. Петрозаводск. ун-та, т. VII, 1957; В. Я. Лаверычев. Русские монополисты и заговор Корнилова. «Вопросы истории», 1964, № 4; Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Н. Г. Думова. Малоизвестные материалы по истории корниловщины. «Вопросы истории», 1968, № 11.

протоколу заседания кадетского центрального комитета 11 августа 1917 г.[57]

Как видно, заседание это состоялось в один из моментов острой борьбы буржуазии за свою диктатуру — в канун открытия Государственного совещания. Крайне правые круги не исключали возможности провозглашения военной диктатуры в ходе совещания, выдав это за «волеизъявление» народа. Партия большевиков горячо разоблачала цели контрреволюционного сборища в Москве. Эсеры и меньшевики готовились вступить в новые сделки с реакцией. «Керенский, — писал Милюков, — приехал в Москву в страхе и ожидании возможной попытки военного переворота. Корнилов со своей стороны ожидал отставки и в этом случае был готов вступить в открытую борьбу с Керенским».[58]

Какова же была позиция руководства кадетской партии в этой ожидавшейся схватке за власть? Ответ на этот вопрос облегчают воспоминания участника заседания, члена центрального комитета партии кадетов В. А. Оболенского. Он писал: «От речи Милюкова у меня создалось впечатление, что он уже вел тайные переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку».[59] Заметим, что это «впечатление» ныне подтверждено десятками фактов. О настроении кадетского центрального комитета в целом Оболенский сообщает: «Для большинства моих единомышленников уже не существовало принципиального вопроса о режиме... перспектива военной диктатуры, которой сочувствовал Милюков, не пугала большинство членов ЦК... большинство моих товарищей по ЦК разделяло мнение Милюкова».[60] Насколько корниловские заговорщики готовы к военному перевороту, «удастся ли переворот», — только это, отмечает Оболенский, вызывало споры.

Указанный выше уникальный протокол заседания кадетского центрального комитета полностью подтверждает характеристику настроения руководящего состава партии кадетов, данную Оболенским. Вместе с тем он показывает полную несостоятельность любых попыток выдать кадетов за партию либерализма и прогресса. Из 12 членов кадетского ЦК, выступления которых отражены в протоколе, только трое (в том числе Оболенский) высказались против военной диктатуры, не веря в возможность ее установления. Двое (А. В. Тыркова и П. В. Герасимов) высказались против попытки использования Государственного совещания для переворота, считая, что общая политическая обста-

---

[57] Этот уникальный протокол является личной записью П. Н. Милюковым выступлений ораторов на этом заседании кадетского центрального комитета (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 699, лл. 1—1 об.).

[58] Рукопись. ЦГАОР СССР, ф. 5856, д. 145, л. 16 (П. Н. Милюков. Мартовская революция).

[59] Там же, ф. 6748, оп. 1, д. 3, л. 757.

[60] Там же, л. 758.

новка в стране для такого шага еще не созрела. «...Нужен голод и удар немецкого сапога. Нужно подождать. Придем к этому (т. е. к диктатуре. — *Н. И.*) в более жесткой форме», — говорила Тыркова. «Некому даже залить улицы кровью», — сетовал Герасимов. Им решительно возражал П. И. Новгородцев. «Надо уничтожить Советы, покончить с большевистской революцией... Страна ждет власти и порядка», — взывал он. Его поддержал бывший министр Временного правительства А. А. Мануйлов. «Уговорами управлять нельзя... Возражающие не предлагают никаких других средств. Остается утвердить власть на физической силе», — заявил он. А. И. Шингарев говорил: «Есть крепкие воинские части (кавалерия, ударники казаки)», на которые может опереться военно-диктаторский режим. «Меньшинство при сильном окрике сильной власти может сделать дело», — заключил он свою речь. А. И. Дживилегов, выдавая тайный монархизм кадетов, призывал открыто провозгласить восстановление свергнутой монархии главной целью военной диктатуры. Его поддержал Д. Д. Протопопов. И только сообщение Н. И. Астрова о неотвратимости всеобщей забастовки в Москве в знак протеста против Государственного совещания, а также о незавершенности военной подготовки выступления корниловских заговорщиков заставило кадетский штаб контрреволюции склониться к формуле: «План создания сильной власти (т. е. военной диктатуры. — *Н. И.*) внутри себя нужно серьезно разработать, но не для завтрашнего дня».[61] Попытка установления кровавой генеральско-кадетской диктатуры была отложена, но не отменена.

13 августа Милюков встретился с прибывшим на Государственное совещание Корниловым. Содержание их «задушевной» беседы стало известно позднее. Кадетский лидер убеждал главу заговорщиков в том, что «разрыв с Керенским несвоевременен» и что переход к военной диктатуре «возможен» лишь на путях сговора с Временным правительством и его главой. Кадеты обязались оказать «давление» вплоть до отставки кадетских министров «в решительную минуту», чтобы сделать сговорчивыми правительство и лично Керенского. Милюков и Корнилов договорились о выступлении заговорщиков 27 августа — в день полугодовщины Февральской революции, когда предполагалось спровоцировать стихийные неорганизованные выступления петроградских рабочих и солдат на улицах города. Корнилов обязался завершить к тому времени подготовку военной расправы с массами.[62]

За несколько дней до корниловского мятежа, 20 августа, очередное заседание кадетского ЦК полностью подтвердило соучастие кадетов в заговоре. Обещанный кадетами сговор

---

[61] Там же, ф. 579, оп. 1, д. 699, лл. 1—1 об.

[62] П. Н. Милюков. История второй русской революции. т. I, вып. 2. София, 1922, стр. 174; «Последние новости» (Париж), 1937, 6 марта.

Керенского с Корниловым уже осуществился. Оставалось приступить к карательным действиям. «Дело идет к расстрелу, так как слова бессильны», — говорил на заседании заместитель Милюкова Шингарев. «Другого выхода нет, только через кровь», — вторила ему член ЦК партии кадетов Тыркова. Сам Милюков, хотя еще и проявлял осторожность в выражениях, но по существу не скрывал поддержки готовившегося корниловского выступления. Его больше всего занимал вопрос о том, чтобы «хирургическая операция» (так он называл расправу с революцией) прошла успешно.[63]

Керенский, боясь народного гнева, в последний момент порвал с Корниловым, сохранив свои тайные связи с корниловцами. Партия большевиков возглавила массовый отпор генеральско-кадетской авантюре. Заговор против революции провалился.

В. И. Ленин писал, что «история сделала, с корниловщиной, *очень* крутой поворот».[64] И в другой раз: «Корниловщина и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу».[65] Партия кадетов окончательно разоблачила себя в глазах народа. Раскрылась подлинная цена буржуазной лжедемократии. Военная каторга для трудящихся, рай для капиталистов и помещиков, военно-полевые суды, пули, виселицы, нагайки для непокорных — такой хотели видеть Россию кадеты и генералы. Шаг за шагом раскрывалась неразрывная связь керенщины с контрреволюционным заговором буржуазии. Всеобщий характер приобрел протест трудящихся масс против коалиции эсеров и меньшевиков с кадетами и буржуазией вообще. Влияние соглашательских партий падало с катастрофической для них быстротой. Мелкобуржуазная демократия полностью обнажила свое бессилие перед буржуазией, ибо она своими колебаниями открыла путь русскому буржуазному Кавеньяку — Корнилову.

После ликвидации корниловского заговора эсеры и меньшевики восстановили временно распавшийся союз с кадетами-корниловцами и тем самым окончательно подписали себе смертный приговор. Буржуазия, судорожно цепляясь за ускользавшую из ее рук власть, принялась готовить новый заговор против революции, названный В. И. Лениным «второй корниловщиной». Перед трудящимися массами России осенью 1917 г. со всей остротой встала альтернатива: или победа корниловщины и крушение всех надежд на решение неотложных социально-экономических проблем, или установление власти Советов и выход на дорогу социалистического преобразования страны. Народные массы

---

[63] Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Докум. и матер. М., 1959, стр. 371—377.

[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 253.

[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 4.

сделали выбор. Они вверили свою судьбу пролетариату и его партии — партии большевиков. Это выразилось прежде всего в бурном процессе большевизации Советов, развернувшемся в масштабе всей страны. Пережив горькое разочарование в «демократии» милюковых и убедившись на собственном опыте в том, что «демократия» Керенского и связанных с ним эсеро-меньшевиков ничем не лучше, массы народа отдали всю силу своих симпатий и надежд обновленным, пересозданным в ходе классовой брьбы большевистским Советам.

К осени 1917 г. мелкобуржуазная демократия в России окончательно раскололась на «верхи» и «низы». Большинство рабочих и крестьян, составлявших низы мелкобуржуазных партий, стало левым и потянулось к большевикам. Это означало, писал Ленин в сентябре, что «действительным вождем масс, *даже* эсеровских и меньшевистских, становятся большевики».[66] Эсеро-меньшевистские верхи, указывал он, совсем разошлись с массами, а правое крыло так называемых «социалистических» партий уже ничем существенным не отличалось от кадетов.[67]

Крах буржуазной демократии в России, как в ее буржуазном, так и мелкобуржуазном классовом выражении, не был случайным. Он был одним из проявлений общего кризиса буржуазной демократии в эпоху империализма. На почве революционной России этот кризис разразился с наибольшей остротой, ибо творчество масс породило здесь принципиально новую демократию — демократию для трудящихся в лице Советов. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что без Советов победа социалистической революции в России была бы невозможной. Сила и жизненность этой демократии рабочих и трудящихся крестьян доказана всей ее историей. Пламенный большевистский лозунг «Вся власть Советам!» зажег сердца миллионов и привел их к победе над эксплуататорами. Советы, став органами диктатуры пролетариата, спасли страну от кошмара генеральско-кадетской диктатуры, от угрозы экономической и национальной катастрофы, от расчленения и порабощения страны международным империализмом. В Советской власти гармонически слились интересы рабочего класса и «низов» мелкобуржуазной демократии в лице трудящегося крестьянства.

В. И. Ленин указывал, что не некоторые, а все важнейшие особенности Октябрьской революции, ее уроки имеют не только русское, но и международное значение. Разоблачая вопли буржуазии и правых «социалистов» по поводу установления в России диктатуры пролетариата и их лицемерные призывы к «чистой демократии», Ленин в докладе I конгрессу Коминтерна говорил: «...В капиталистическом обществе, при сколько-нибудь серьезном обострении заложенной в основе его классовой борьбы, не

---

[66] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 186.
[67] См. там же, стр. 301.

может быть ничего среднего, кроме диктатуры буржуазии или диктатуры пролетариата. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа».[68] Все классы в истории общества, отмечал он, утверждали свою власть при помощи диктатуры. Но только пролетариат устанавливает свою диктатуру не для себя, а для всех трудящихся, для перехода к подлинному народовластию.

Величайший исторический пример революционного обновления всех сфер общественных отношений, преподанный советским народом, давно находится в центре внимания всего человечества. Об этом, в частности, свидетельствует гигантская литература почти на всех языках мира, посвященная родине Великого Октября. «Пожалуй, лишь христианство — а оно существует уже две тысячи лет — может сравниться с социалистическим строем в СССР по числу посвященных ему книг и статей»,[69] — писал прогрессивный итальянский журналист Паоло Пардо в книге о 50-летии Октябрьской революции, изданной в Италии.

Через эту литературу проходит фронт острейшей идейно-политической борьбы. Братские коммунистические и рабочие партии, народы социалистических стран, все прогрессивное человечество изучают наш опыт, сообразуют свое национально особенное с общими принципами марксизма-ленинизма, нашедшими претворение в могучей поступи Советской социалистической державы. Наши враги, тоже извлекая для себя уроки истории, не жалеют сил в тщетных попытках очернить принципиально новую советскую цивилизацию. В их потугах особо важное место занимает самая изощренная клевета на рожденную Октябрем социалистическую демократию. В арсенале их отравленного оружия — фальсификация истории Октябрьской революции и советского общества, дезинформация, измышление различных лженаучных социологических теорий. За последние годы они стали проявлять коварную озабоченность поисками «улучшенной» модели «демократического социализма», взывают к «либерализации», экономической и идеологической «конвергенции» и т. п. Цель антикоммунистов и их «правосоциалистических» прислужников предельно ясна. Она состоит в том, чтобы добиться «эрозии» социализма, подменить социалистическую демократию какой-либо подправленной разновидностью «керенщины» (ибо она, указывал Ленин, не только русское явление), эсеро-меньшевистской или «правосоциалистической» интерпретацией буржуазной демократии. Ревизионисты и антисоциалистические элементы легко поддаются этой идеологической диверсии.

Но тщетны усилия наших врагов. Объективный исторический процесс необратим. Фальшивая, прогнившая буржуазная демо-

---

[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498.
[69] Цит. по журн. «За рубежом», 1967, № 44, стр. 26.

кратия все больше обнажает свое истинное лицо в глубоком ее кризисе, например в США, чего уже не могут скрыть руководящие деятели этой цитадели современного капитализма. Она раскрывает свою суть в режиме «черных полковников» в Греции, в нарастающей угрозе неофашизма в ФРГ, во многих других фактах современности. Трудящиеся массы учатся распознавать правду на опыте истории, собственном жизненном опыте. Кризис буржуазного демократизма обостряется. Его крах последует с той же объективной исторической необходимостью, с какой идет мировой процесс замены капитализма социализмом.

С. Л. Пештич

О КРУГЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В. И. ЛЕНИНА

Тема «В. И. Ленин и историческая наука» поистине неисчерпаема, так же как безбрежен ленинизм.

К столетию со дня рождения В. И. Ленина советские историки проделали очень большую работу.[1] Одним из результатов изучения творчества В. И. Ленина как историка явилась книга «В. И. Ленин и историческая наука». В ней отражена исследовательская деятельность В. И. Ленина по изучению истории рабочего класса и крестьянства, пролетарской революции, национально-освободительного движения, социалистического строительства, проблем феодализма, капитализма и империализма, отечественной и всемирной истории.[2]

В данной статье мы остановимся только на ленинских оценках и характеристиках некоторых вопросов в трудах историков и неисториков, касающихся в своих литературных и политических выступлениях исторических тем.

Источниками для раскрытия темы служат в первую очередь труды В. И. Ленина, свидетельства современников, описания его библиотеки в Кремле и др.

В рассказе В. И. Ленина, записанном В. В. Воровским, мы находим ценные сведения о литературных интересах высланного из Казани студента. В. И. Ленин, как мы узнаем, в деревне

---

[1] См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, стр. 18—36 и др.; Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. статей. М., 1962, стр. 562—565; Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История Западной Европы и Америки. Сб. статей. М., 1963, стр. 264—266; Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, стр. 764—771.

[2] См.: В. Г. Сарбей. Всесоюзная научная сессия по проблеме «В. И. Ленин и историческая наука». «История СССР», 1965, № 6, стр. 210—214; сб.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968.

Кокушкино (декабрь 1887 — октябрь 1888 гг.) очень много читал. «Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа». В. И. Ленин читал университетские курсы, очень увлекался Н. А. Некрасовым, но больше всего, по его же словам, статьями в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы».[3] В них в 60—70-х годах прошлого века печатались труды многих известных русских историков — Н. Я. Аристова, К. Н. Бестужева-Рюмина, Т. Н. Грановского, С. В. Ешевского, В. И. Семевского, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, А. П. Щапова и др. Особенно привлекал В. И. Ленина «Современник», поскольку его любимейшим автором был Н. Г. Чернышевский.[4] «Все напечатанное в „Современнике" я прочитал до последней строчки и не один раз»,[5] — вспоминал В. И. Ленин. Он был также хорошо знаком с произведениями В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и, конечно, работами Г. В. Плеханова. Решающее влияние на формирование мировоззрения В. И. Ленина оказали К. Маркс и Ф. Энгельс, труды которых он обстоятельно штудировал еще в юношеские годы.

Когда В. И. Ленин готовился сдавать экзамены экстерном за юридический факультет Петербургского университета, ему пришлось изучить историю римского права, историю философии права, государственное право, политическую экономию, статистику, историю русского права и др.[6] Если учесть, что председателем испытательной юридической комиссии был декан юридического факультета профессор В. И. Сергеевич, один из видных историков русского права, то можно предположить, что В. И. Ленин не мог пройти и мимо изучения его трудов.

После окончания университета в первой половине 1893 г. в Самаре В. И. Ленин познакомился с многими историческими произведениями. Наряду с сочинениями классиков французской историографии (Минье и др.) В. И. Ленин читал книги Н. И. Костомарова («Очерки истории Московского государства»), И. И. Дитятина («Городское самоуправление в России»),

---

[3] Из кн. Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным». См.: Ленин и книга. М., 1964, стр. 398 и сл.

[4] В литературе последнего времени высказываются предположения, что В. И. Ленин, будучи студентом, отправил в Астрахань письмо Н. Г. Чернышевскому. См.: Р. Пересветов. Утрачено или перехватили? «Знамя», 1968, № 4, стр. 145—163; Л. Фоменко. Поэзия документа. «Литературная газета», 1968, 4 декабря.

[5] См.: Рассказ В. И. Ленина в записи В. В. Воровского. В кн.: А. Иванский. Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964, стр. 419.

[6] См.: Б. В. Золотарев, В. А. Овсянкин. В. И. Ленин и студенчество Петербургского университета. В кн.: Ленинградский университет. Краткий справочник. Изд. ЛГУ, 1968, стр. 74—80. См. также: М. В. Цвибак. В. И. Ленин на государственном экзамене. См. в кн.: А. Иванский. Молодой Ленин, стр. 587, 596 и 597.

Н. Я. Аристова об А. П. Щапове, В. О. Ключевского и мн. др.[7] Письма В. И. Ленина, являющиеся источником для ознакомления с его историографическими интересами, показывают, насколько внимательно в далекой сибирской ссылке он следил за научной, публицистической и политической литературой.[8]

Книги и библиотеки в жизни и деятельности В. И. Ленина занимали одно из центральных мест. Еще не подсчитано, какие горы литературы и источников привлек В. И. Ленин для написания всех своих книг, статей, выступлений. В. И. Ленин работал в библиотеках Симбирска, Казани, Академии наук и Петербургского университета, в красноярской библиотеке, в библиотеках Берлина, Женевы, Копенгагена, в Британском музее и других русских и зарубежных книгохранилищах, в большинстве из которых история была представлена достаточно полно. Например, в историческом отделе красноярской библиотеки Г. В. Юдина имелись не только сочинения В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского, но и источники по древней и современной истории России — от Полного собрания русских летописей до новейших статистических изданий.[9]

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин не переставал заниматься историей. В этом отношении представляют значительный интерес подсчеты Вл. Бонч-Бруевича, сделанные на основании пометок В. И. Ленина на комплекте «Книжной летописи» за 1917, 1918 и первую половину 1919 г.[10]

Говоря о месте историографии в кругу научных интересов В. И. Ленина, нужно учитывать не только его грандиозную политическую, теоретическую и организационно-практическую деятельность, которая определяла выбор чтения, но и то, что в эпоху империализма и пролетарских революций главная линия в развитии марксистской теории проходила в области философии и политэкономии.

В. И. Ленин сознательно избрал в начале жизненного пути юридическое поприще. «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки», — говорил он, как свидетельствует его двоюродный брат Н. И. Веретенников, еще в 1887 г., отвечая на вопрос, почему он предпочел юриспруденцию.[11] По-

---

[7] См. в кн.: А. Иванский. Молодой Ленин, стр. 657 и сл. О повышенном интересе В. И. Ленина к трудам Н. И. Костомарова см.: В. Г. Сарбей. Знайомство В. И. Леніна з творами М. И. Костомарова. Украïньский історичній журнал, 1967, № 5, стр. 72—76.

[8] См.: Г. Д. Обичкин, М. Я. Панкратова. Письма Владимира Ильича Ленина. По страницам Полного собрания сочинений. М., 1968, стр. 56.

[9] См.: В. Утков. Книги и судьбы. Очерки. М., 1967, стр. 114—117.

[10] Вл. Бонч-Бруевич. Пометки Ленина на «Книжной летописи». В кн.: Ленин и книга, стр. 348—356.

[11] А. Иванский. Молодой Ленин, стр. 322.

этому В. И. Ленину приходилось иногда обращаться к истории реже, чем он этого хотел бы. Например, в 1908 г. В. И. Ленин задумал написать статью по истории фабрично-заводской промышленности России.[12] Весной того же года, будучи на о. Капри, В. И. Ленин предлагал А. В. Луначарскому, В. А. Базарову и А. А. Богданову написать историю революции 1905 года. В. И. Ленин рекомендовал им тогда «употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции»,[13] т. е. известному меньшевистскому пятитомнику.[14]

В годы реакции и нового революционного подъема, в невероятно тяжелых условиях эмиграции и ожесточенной политической борьбы со всеми врагами партии В. И. Ленин, находясь в Париже с осени 1908 г., по-прежнему постоянно обращается к тем историческим трудам и политическим выступлениям, в которых предпринимались попытки фальсифицировать опыт истории. Об этом свидетельствует следующее. Только в начале 1911 г., до закрытия Высшей партийной школы большевистских руководителей в Лонжюмо, В. И. Ленин, несмотря на то, что был очень загружен занятиями со слушателями, написал более 30 статей и большое число писем, во многих из которых резко критиковал меньшевистское понимание истории.[15]

О том, как В. И. Ленин связывал историографический разбор с политическими событиями и характеристиками, свидетельствует очень интересный анализ его известной статьи «Памяти Герцена», сделанный А. В. Западовым.[16] Историк литературы обратил внимание на то обстоятельство, что в том же № 26 газеты «Социал-демократ» от 8 мая 1912 г., в котором была напечатана статья о Герцене, В. И. Ленин поместил еще две статьи — об избирательной кампании в IV Думу и задачах социал-демократии и о ликвидаторах,[17] связанные с текущим моментом, в данном случае с борьбой между демократией и либерализмом, а также с изучением двух историографических направлений в оценке А. И. Герцена.

Огромное значение для развития марксистской исторической науки имели ленинские выводы об отношении марксизма к немарксистской историографии. Как известно, В. И. Ленин с предельной ясностью подчеркнул два основных порока

---

[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 162.

[13] Там же, стр. 198.

[14] См.: Общественное движение в России в начале XX века, тт. I—V. СПб., 1909—1914.

[15] См.: Н. Нелидов, П. Барчугов. Ленинская школа в Лонжюмо. М., 1967, стр. 57 и 44. См. также: Отчет первой партийной школы в Лонжюмо. «Исторический архив», 1962, № 5.

[16] А. Западов. Ленин пишет о Герцене... «Литературная Россия», 1968, 6 сентября.

[17] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255—262, 247—251 и 252—254.

буржуазной социологии и историографии: идеалистическое понимание общественной жизни и истории, а также игнорирование роли трудящихся масс.[18] Еще в конце XIX в., говоря о философских и исторических теориях, выдвигаемых народническими идеологами, он писал: «...все эти философско-исторические теории и возникали и лопались, как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на волос вперед *понимания* человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые „соответствуют человеческой природе“) общественных отношений».[19] В. И. Ленин учил, что нельзя быть марксистом и смотреть на историю «по Иловайскому».[20] С возмущением критикуя меньшевистские рассуждения об исторических предпосылках и задачах первой русской революции, В. И. Ленин писал: «Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без „скачков“ в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии...»; «А тут являются люди, которые наперед хотят, до борьбы, отмерить точно аршином „по Иловайскому“ скромненький кусочек будущих завоеваний...»; «И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов...»[21]

Постараемся проследить, какие оценки и характеристики давал В. И. Ленин представителям различных историографических направлений.

Подборку высказываний В. И. Ленина по самым различным вопросам истории можно встретить в любом современном историографическом курсе. Поэтому в разрезе избранной темы ограничимся теми, которые имеют значение для определения круга историографических интересов В. И. Ленина.

Еще в 1894 г. в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», показывая несостоятельность утверждений одного из лидеров народнической идеологии Н. К. Михайловского, что национальные связи — это продолжение и обобщение связей родовых, В. И. Ленин отмечал, что Михайловский «не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории».[22]

Об авторе в свое время известной книги «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (СПб., 1898 и др.) М. И. Туган-Барановском В. И. Ленин писал, что тот «принадлежит к числу тех российских экономистов, которые в молодости были почти марк-

---

[18] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57—58.

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр 142—143.

[20] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 11. — Учебники Д. И. Иловайского для старшего, среднего и младшего возраста выдержали 112 изданий. См.: Л. П. Бущик. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961, стр. 501.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 26 и 27.

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

систами, а затем быстро „поумнели“, „подправили“ Маркса обрывками буржуазных теорий и за великие ренегатские заслуги обеспечили себе университетские кафедры для ученого одурачения студентов».[23]

Ленинская критика буржуазной и оппортунистической историографии имела международное значение. Он с негодованием говорил о немецких полицейски-буржуазных историках, даже шире — о всей немецкой профессорски-университетской историографии революции 1848 года, сближая этих историков с героями контрреволюции, особенно из числа «вчерашних „демократов“» вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и других.[24]

В. И. Ленин давал объективные, но беспощадные оценки работам буржуазных ученых, в частности немецкого профессора Т. Егера, выпустившего в 1916 г. книгу о Персии. «Очень хорошая книга, обстоятельная, ясная, точное изложение, часто цитирование документов. Превосходная карта Персии, зоны влияния России и Англии. Автор, конечно, империалистская сволочь».[25]

Особенно много сделал В. И. Ленин для разоблачения главы русской контрреволюции, лидера кадетской партии, бывшего в свое время профессором русской истории, П. Н. Милюкова, хотя и отмечал известные достоинства последнего. В частности, анализируя аграрные прения в III Думе (1908 г.), В. И. Ленин писал: «Только в той части речи г. Милюкова, где он выступил, как *историк*, а не как *кадет*, мы имеем превосходно подобранные данные по истории Совета объединенных дворян, — данные, сводка которых делает честь всякому *демократу*».[26]

Считая П. Н. Милюкова «одним из искуснейших дипломатов и политиканов либерализма», В. И. Ленин в то же время признавал его «одним из наиболее сведущих историков, кой-чему научившимся у исторического материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком».[27] О том, что В. И. Ленин не преувеличивал степень воздействия исторического материализма на Милюкова, свидетельствует его едкое замечание, сделанное несколько ниже: «Историк Милюков пытается поставить вопрос вполне научно, т. е. материалистически» (речь идет о докладе Милюкова на совещании кадетской партии, напечатанном под названием «Политические

---

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 153.

[24] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24—25.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 704. См. также стр. 782.— Кстати, В И. Ленин, как видно из его иронического замечания, по-видимому, сомневался в подлинности «Завещания Петра Великого» (там же, стр. 704).

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 312.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 176—177. — Примерно такую же оценку П. Н. Милюкову давал В. И. Ленин и в 1912 г. (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 167; см. также: т. 23, стр. 16—17).

партии в стране и в Думе»). И далее: «Метод превосходен. Применение его сразу показывает нам превращение сведущего историка в дюжинного либерального сикофанта...»[28]

В другом месте, высмеивая нежелание Милюкова понять разницу между либерализмом и демократией, В. И. Ленин иронически замечал: «Бедный ученый историк!» — и спрашивал: «Неужели г. Милюков в самом деле „не понимает" этой разницы, известной даже из учебников истории?».[29]

В 1921 г., после подавления Кронштадтского мятежа, В. И. Ленин говорил о Милюкове: «Он историю учил внимательно и все свои знания обновил изучением русской истории на собственной шкуре. Результат своего двадцатилетнего профессорского изучения он подкрепил двадцатимесячным собственноличным изучением». И дальше: «Кое-чему он научился из русской истории и от помещиков и капиталистов...»[30] Такой вывод В. И. Ленин вправе был сделать, ознакомившись с книгой П. Н. Милюкова «История второй русской революции» (Киев, 1919 и София, 1921).[31]

Советская историография справедливо считает, что над Милюковым-историком брал верх Милюков-кадет, либерал. Действительно, так называемая «теория факторов», которой вслед за В. О. Ключевским придерживался Милюков, в конечном итоге основывается на идеалистическом понимании истории.[32]

«Так пишут историю гг. образованные, ученые, начитанные вожди либералов!», — восклицал В. И. Ленин, раскрывая убогость либерального толкования истории.[33] «Историю делали „сферы", Совет объединенного дворянства и кадеты — простонародье, *конечно*, в делании истории не участвовало!»[34] — писал В. И. Ленин, разоблачая «веховское», милюковское понимание «исторического закона», сводящееся к утверждению того, что в истории России «прогрессивно действует лишь меньшинство данного классса»,[35] т. е. меньшинство буржуазии. В. И. Ленин

---

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 177. — В «Советской исторической энциклопедии» (т. 9. М., 1966, стлб. 452) сказано так: Милюков «испытал известное влияние» исторического материализма. А. Л. Шапиро писал: «Милюков усвоил от исторического материализма очень немного, а то, что усвоил, применял при анализе отдельных частных вопросов экономической и социально-политической истории России, а не при разработке общей схемы русского исторического процесса» (Русская историография в период империализма. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 22).

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 133 и 134.

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 139, 140. См. также т. 22, стр. 55—56.

[31] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, стр. 217 (№ 2146 и 2147. См. также № 1846 и 6803).

[32] См.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961, стр. 411 и сл.

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 331.

[34] Там же.

[35] Там же, стр. 151.

обнажил классовую природу веховско-милюковской фальсификации исторического процесса. «Ну можно ли себе представить более корыстную классовую слепоту? большее искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки? более жалкую путаницу, смешение класса, партии и личностей?»,[36] — подытоживал В. И. Ленин в 1911 г.

В. И. Ленин предъявлял очень высокие требования к знанию новейшей истории. Например, он писал: «Рассуждения Ларина о формальном восстании — самое неприличное для с.-д. невежество в истории переживаемой революции или игнорирование этой истории с ее особыми формами восстания».[37] Обращаясь к нему же, В. И. Ленин указывал: «...если бы вы усвоили себе дух марксизма, а не одни только слова, вы знали бы отличие революционного диалектического материализма от оппортунизма „объективных" историков».[38]

Разоблачая передергивание фактов в вопросе о бойкоте I Думы, В. И. Ленин писал одному из меньшевиков: «Извращать же историю и клеветать в порыве раскаяния, — даже и на себя, — отнюдь не следует».[39] В борьбе с кадетской фальсификацией истории первых двух дум он заметил, что кадеты «подделывают историю...». Поэтому В. И. Ленин подчеркивал необходимость для социал-демократов изучать историю революции, в первую очередь события октября—декабря 1905 г., так как «каждый день этого периода во сто раз больше имел значения для судеб всех народов России и рабочего класса в особенности», чем кадетские речи в Думе.[40]

О политической заостренности трудов В. И. Ленина и его товарищей по партии свидетельствует сборник «Марксизм и ликвидаторство». В ленинском предисловии (1914 г.) подчеркивалось, что сборник направлен против главного труда ликвидаторов — «Общественное движение в России в начале XX века», под редакцией Маслова, Мартова, Потресова.[41]

В. И. Ленин не ограничивался политической характеристикой произведений. Он требовал тщательной проверки приводимых фактов, их соответствия исторической правде. Он отмечал «фактические и логические ошибки» (например, у В. Засулич).[42] В 1915 г. в работе «Крах II Интернационала» он обвинил Г. В. Плеханова и К. Каутского в неправильном цитировании Маркса и Энгельса: «Облыжные ссылки на Маркса и Энгельса

---

[36] Там же, стр. 331—332.
[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 153.
[38] Там же, стр. 159.
[39] Там же, стр. 69.
[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 190.— Брошюра А. В. Луначарского об отношении партии к профессиональным союзам в свет не вышла. «Предисловие» к ней В. И. Ленина было впервые опубликовано в 1933 г.
[41] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 344.
[42] Там же, стр. 25.

составляют» их «„козырный“ довод...»[43] Критикуя неисторический подход Плеханова к оценке современных событий (речь шла о сопоставлении первой мировой войны с войнами прошлого), В. И. Ленин образно говорил, что это все равно, что «сравнивать аршины с пудами».[44]

В сферу историографического внимания В. И. Ленина закономерно попал историк, бывший в свое время одним из лидеров ликвидаторства и меньшевизма, Н. А. Рожков. По словам В. И. Ленина, последний представил «еще более рельефное типично-„профессорское“ извращение марксизма», сводящееся к тому, что он «последовательнейшим образом, от начала и до конца, подменяет марксизм либерализмом».[45] Н. А. Рожков, писал В. И. Ленин, «*заучил* ряд положений марксизма, но *не понял* их».[46]

Вскрывая ошибки Н. А. Рожкова, буржуазного демократа «в марксистском наряде», который «до смешного преувеличил „перерождение“ крепостнического хозяйства в буржуазное», В. И. Ленин показал несостоятельность его исторических сопоставлений III Думы в России с французским законодательным корпусом в последние годы второй империи и с немецкими законодательными учреждениями 80-х годов XIX в.[47] «Перерождение хозяйства крепостников в буржуазное отнюдь не устраняет непосредственно политической власти этих черносотенцев...» У Рожкова, восклицал В. И. Ленин, «выходит так, что в России нет ни абсолютизма, ни монархии!»[48]

Разоблачая «метод» Рожкова, старавшегося найти в истории данные для доказательства необходимости компромисса с буржуазией, В. И. Ленин писал: «Подобное сравнение есть образчик игры в исторические параллели, настолько оно несерьезно».[49]

О том, что в советское время В. И. Ленин очень настороженно относился к Н. А. Рожкову, замешанному в кронштадтских событиях, свидетельствует, например, дневник дежурных секретарей В. И. Ленина.

В кремлевской библиотеке В. И. Ленина есть несколько произведений Н. А. Рожкова, в том числе первые 8 томов его «Русской истории в сравнительно-историческом освещении (Основы

---

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 225.

[44] Там же, стр. 226.

[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 400 и 399.

[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 162.

[47] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 401. См. также стр. 405 и 414.

[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 24.— Подробное рассмотрение вопроса об абсолютизме в трудах В. И. Ленина см. в ст.: С. О. Шмидт. В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. (О методике изучения материалов по теме). В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, стр. 330—346.

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 406.

социальной динамики)» (М.—Пг., изд. «Книга», 1922—1923), антимарксистский характер которой очевиден.

О том, насколько остро стоял вопрос о правильной политической и историографической характеристике царского самодержавия, свидетельствуют замечания В. И. Ленина в адрес автора «известной книжки», историка-большевика М. С. Ольминского,[50] «главная, коренная и роковая ошибка» которого заключалась в игнорировании «громадной самостоятельности и независимости „бюрократии“...».[51] Однако не следует думать, что М. С. Ольминский разделял иллюзии о надклассовости русского царизма. Наоборот, опровергая эту лженаучную теорию, он опубликовал ряд статей и указанную выше книгу об абсолютизме, государстве и бюрократии.

Насколько внимательно следил В. И. Ленин за точностью исторической терминологии, показывает его отношение к проблеме феодализма.

Историкам очень хорошо известны высказывания В. И. Ленина о крепостническом строе.[52] Пересмотрев их, убеждаешься, что В. И. Ленин начиная с 90-х годов, до лекции «О государстве» (1919 г.), придерживался этого термина, хотя считал, что понятие «крепостной строй» равнозначно понятию «феодализм».[53] Однако в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902 г.) В. И. Ленин, как и обычно, назвав русских помещиков «крепостниками», счел необходимым подчеркнуть, что он мог бы назвать их феодалами, но, поскольку вопрос о применимости этого термина к поместному дворянству России является спорным в литературе, то он по-прежнему оперирует наиболее распространенным, понятным и доступным широким народным массам выражением «помещики-крепостники». Это было тем более необходимо, что данная статья об аграрной программе русской социал-демократии имела огромное политическое значение.[54]

В 1910 г., обвиняя Мартова в феноменальном извращении «исторической перспективы», В. И. Ленин протестовал против

---

[50] М. Александров. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910; 2-е изд., доп. 1919 и 3-е — 1925 (первые два имеются в библиотеке В. И. Ленина в Кремле). Об М. С. Ольминском см.: О. Лежава, Н. Нелидов. М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1962, стр. 123—126.

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 58. Ср. стр. 32.

[52] Напомним только одно: «...крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)» (1914 г.).— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 237.

[53] См.: Ю. Н. Сапрыкин. В. И. Ленин о феодализме и генезисе капиталистических отношений в земледелии. «Средние века», вып. XVIII, 1960, стр. 38 и сл.; Его же. Основные проблемы истории феодального общества в трудах В. И. Ленина. Изд. МГУ, 1965, стр. 9.

[54] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 314—315, а также стр. 311.

сравнения им России «эпохи крестьянских восстаний против феодализма с „Западной Европой“, давным-давно покончившей с феодализмом».[55]

В 1912 г. в статье о победе республики в Китае и ее президенте Сунь Ят-Сене В. И. Ленин, как бы обобщая свои предыдущие высказывания о феодально-крепостническом строе, писал: «Феодализм основывался на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было *прикрепление* его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы».[56] О том, что это определение полностью применимо к России, свидетельствуют не только бесспорные факты истории, но и другое, более часто встречающееся в литературе ленинское высказывание 1914 г., на которое обычно ссылаются (см. выше).

Вполне понятен повышенный интерес В. И. Ленина к Н. Г. Чернышевскому. Его замечания (не позднее апреля 1911 г.)[57] на книгах Г. В. Плеханова[58] и Ю. М. Стеклова[59] о великом революционере-демократе носят историографический характер.

В. И. Ленин провел сопоставление двух работ Г. В. Плеханова о Н. Г. Чернышевском[60] — 1892 и 1909 гг. Он пришел к выводу, что меньшевистские взгляды Плеханова обусловили коренную ошибку в оценке в 1909 г. классового содержания деятельности Чернышевского: «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа».[61]

В то же время, положительно отзываясь о работе Ю. М. Стеклова, В. И. Ленин против того места книги, где автор сближает

---

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 361. — М. И. Семенов (М. Блан) свидетельствует о том, что В. И. Ленин много занимался русской историей, и высказывает предположение о знакомстве В. И. Ленина с произведениями Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме (см.: А. Иванский. Молодой Ленин, стр. 661. См. его же: Молодые годы В. И. Ленина. По воспоминаниям современников и документам. Изд. 3-е, доп. М., 1960, стр. 433 и сл.). К сожалению, мы не располагаем данными о знакомстве В. И. Ленина с работами Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме в древней и удельной Руси (1907 и 1910 гг.). В именном указателе к «Сочинениям» В. И. Ленина они не значатся, нет их и в каталоге библиотеки В. И. Ленина в Кремле.

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 403—404.

[57] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 534—571 и 572—620.

[58] См.: Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910.

[59] Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889). СПб., 1909.

[60] Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский (Статья первая). «Социал-демократ». Лондон, 1890, кн. 1.

[61] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 560. См. также стр. XXIII и 670.

взгляды Чернышевского и марксистов, поставил вопрос и на полях написал: «чересчур».[62]

Таким образом, В. И. Ленин отрицательно относился к двум противоположным тенденциям в оценке Н. Г. Чернышевского — как к сближению его с либерализмом и затушевыванию его революционно-демократических идей (Плеханов в книге 1909 г. и др.), так и к некритическим попыткам стереть грань между воззрениями Чернышевского и марксизмом (Стеклов).[63]

Ленинские взгляды по существенным вопросам русской историографии развивали его соратники литераторы-историки.

В. В. Воровского В. И. Ленин назвал одним из главных писателей-большевиков.[64] Видный марксистский литератор был автором ряда работ по истории. В одной из них он, в частности, поддерживал ленинскую мысль об европеизации России. В. И. Ленин по этому поводу писал в 1913 г.: «Несомненно, что Россия, вообще говоря, европеизируется, т. е. перестраивается по образу и подобию Европы (причем к „Европе" надо теперь причислять, вопреки географии, Японию и Китай). Но эта европеизация вообще идет с Александра II, если не с Петра Великого. . .»[65] В свою очередь В. В. Воровский считал, что «на долю Петра Великого выпала своеобразная, трудная и социологически весьма интересная задача. Ему надлежало „европеизировать" Россию, по крайней мере ее государственность».[66]

Круг историографических интересов В. И. Ленина определяется, конечно, не только теми вопросами, которые мы здесь выборочно затронули. Ленинская библиотека в Кремле служит важным источником для ознакомления с той исторической литературой, которая интересовала В. И. Ленина. Однако нужно учитывать, что это неоценимое книгохранилище начало создаваться сравнительно поздно, только с 1919 г. Многие книги, которыми пользовался В. И. Ленин в отечественных и иностранных библиотеках, в каталог кремлевской библиотеки, естественно, не вошли. С другой стороны, нельзя не отметить того, что В. И. Ленин активно и планомерно комплектовал свою библиотеку. Как известно, Владимир Ильич собственноручно составил первый список наиболее необходимых книг для нее, затем стал получать обязательный экземпляр изданий из Книжной палаты,

---

[62] Там же, стр. 582.

[63] См. там же, стр. XXIII.

[64] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 280.

[65] Там же, стр. 371.

[66] В. В. Воровский. Собр. соч., т. 1. М., 1933, стр. 199 и 210.— К историческим занятиям был также причастен П. Л. Войков. Его работы посвящены преимущественно истории Франции, в том числе французскому абсолютизму (см.: Н. Жуковский. Полномочный представитель СССР. М., 1968, стр. 35).

а также просматривал книги, журналы и прочие издания, приходившие из-за границы.[67]

Большое место в библиотеке В. И. Ленина занимает литература по всем разделам отечественной и всемирной истории: по историографии, археологии, этнографии, вспомогательным историческим дисциплинам, по истории древнего мира и средневековья. Обобщающая литература по истории России представлена трудами В. О. Ключевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского, Ю. В Готье и некоторых других.[68] Ни «Истории» С. М. Соловьева, ни «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина мы не найдем (имеются только два тома его сочинений). Можно предположить, что авторитет В. О. Ключевского в первые два десятилетия XX в. заслонил произведения предшествующих историков, так же как издания М. Н. Покровского вполне закономерно стали оттеснять работы досоветской поры.

В библиотеке имеются отдельные тома Полного собрания русских летописей, «Русской правды» и т. д. Особенно тщательно подобрана литература по истории общественного и революционного движения: о декабристах, революционных демократах и народниках, событиях первой русской революции и империалистической войны, Великой Октябрьской социалистической революции, о гражданской войне и интервенции, начале социалистического строительства.

Безусловно, часто бывает трудно сказать, в какой мере В. И. Ленин пользовался книгами различных историков. Мы можем вполне определенно утверждать, что В. И. Ленин знал, например, работы В. О. Ключевского и А. Я. Ефименко. В полемике с Г. В. Плехановым по вопросу о национализации земли, которая якобы имела место еще в московской, допетровской Руси, В. И. Ленин, опираясь на авторитет этих двух историков, опровергал софизм Плеханова, считая, что его исторические воззрения состоят «в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь». Он писал: «Говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др.».[69]

В кремлевской библиотеке В. И. Ленина находится «Курс русской истории» Ключевского, его диссертация и др.[70] Особое внимание В. И. Ленина привлек литографированный «Курс новой русской истории», читанный В. О. Ключевским в 1883—1884 гг. Пометки и подчеркивания В. И. Ленина в нем встре-

---

[67] См.: Л. К. Виноградов, Б. В. Панков, А. Ф. Бессонова. Вступит. статья к кн.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле, стр. 7.

[68] Там же, стр. 17—18.

[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 14. См. также т. 16, стр. 352—353.

[70] См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле, стр. 204 (№ 1742, 1894—1900).

чаются сравнительно часто. Особенно заинтересовали В. И. Ленина стр. 295—297, в связи с чем он собственноручно написал: «Общая характеристика периода с конца 18 до $^1/_2$ 19 столетия».[71]

Принципиальное значение имеет вопрос об отношении В. И. Ленина к М. Н. Покровскому (разумеется, в историографическом плане).

В литературе последних лет справедливо отмечено, что М. Н. Покровский первым среди историков-марксистов вслед за В. И. Лениным решительно выступил против дворянских и буржуазных концепций истории России, что он впервые взялся за создание марксистской истории нашей страны.[72] Однако следует помнить, что В. И. Ленин иногда критиковал М. Н. Покровского.[73] Эта критика и благожелательные советы (например, в отношении улучшения его книги «Русская история в самом сжатом очерке», 1920 г.) оказали благотворное воздействие не только на М. Н. Покровского, но в конечном итоге содействовали и будут впредь способствовать развитию советской исторической науки.

В данной статье только поставлен вопрос об отношении В. И. Ленина к русской историографии. Тема «В. И. Ленин и русская историческая литература» ждет коллективного монографического исследования.

---

[71] Там же, стр. 215 (№ 2100).— Книг А. Е. Ефименко в каталоге нет.

[72] См., например: М. Н. Покровский (К 100-летию со дня рождения). «Вопросы истории КПСС», 1968, № 12, стр. 143.

[73] См., например: Письмо И. Ф. Дубровинскому от 23 апреля 1909 г. (Полн. собр. соч., т. 47, стр. 173 и сл.); письмо А. И. Любимову, октябрь 1909 г. (там же, стр. 211); письмо М. Н. Покровскому от 5 декабря 1920 г. (Полн. собр. соч., т. 52, стр. 24) и др.

В. А. Ежов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В ТРУДАХ В. И. ЛЕНИНА

В. И. Ленин творчески развил и обогатил учение К. Маркса и Ф. Энгельса об исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма, творца социалистического общества.

«Каков первый и главный „устой" марксистской теории?» — спрашивал В. И. Ленин в заметке «К истории вопроса о диктатуре» (ноябрь 1920 г.) и здесь же отвечал: «Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества и потому передовым во всякой революции является пролетариат». [1]

Рабочему классу, руководимому коммунистами, принадлежала решающая роль в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Государство диктатуры пролетариата стало главным орудием строительства нового общества. Рабочий класс внес выдающийся вклад в создание материально-технической базы социализма, в укрепление обороноспособности и военную защиту страны. Опыт социалистического развития нашей страны убедительно показал, что к социализму нет другого пути, кроме социалистической революции и диктатуры пролетариата, что социализм может быть создан только при руководящей роли рабочего класса и его авангарда — марксистско-ленинской партии.

Изучение опыта разносторонней деятельности рабочего класса СССР в период строительства социализма и коммунизма имеет важное и исключительно актуальное значение. Как прозорливо указывал В. И. Ленин, выступая в 1918 г. на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, опыт социалистических преобразований, которые осуществляет советский рабочий класс, «вошел в историю, как завоевание социализма, и на

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 378.

этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание».[2]

Говоря о значении научного анализа и обобщения опыта рабочего класса первого в мире социалистического государства, следует подчеркнуть, что труды В. И. Ленина, вся жизнь и деятельность которого неотделимы от борьбы пролетариата, представляют важнейший источник для изучения истории советского рабочего класса. Труды В. И. Ленина — замечательный образец творческого марксистского подхода к изучению истории рабочего класса СССР, серьезного теоретического осмысления процессов развития рабочего класса и практики его участия в социалистическом строительстве. В работах В. И. Ленина рассмотрены самые различные аспекты данной проблемы: ведущая роль рабочего класса в строительстве нового общества, основные закономерности развития и сферы деятельности советского рабочего класса (государственная, политическая, идеологическая, социальная, производственная, военная, культурная), его верность принципам пролетарского интернационализма, а также деятельность отдельных отрядов рабочего класса — территориальных и отраслевых.

Произведения В. И. Ленина — подлинная энциклопедия истории рабочего класса первых лет Советской власти. «Ленин дал ответы на самые актуальные вопросы, поставленные ходом исторического развития, всесторонне развил теорию социалистической революции и строительства коммунистического общества, вооружил российское, все международное революционное движение научно обоснованной стратегией и тактикой, возглавил борьбу рабочего класса за претворение идеалов социализма в жизнь».[3] Труды В. И. Ленина являются теоретической основой и для постановки некоторых проблем истории советского рабочего класса, которые рассматриваются в настоящей статье.

* *
*

В условиях, когда наша страна под руководством партии впервые в истории приступила к строительству социализма, первостепенное значение имела теоретическая разработка В. И. Лениным кардинального вопроса марксистского учения — о месте рабочего класса в социальной структуре нового общества, о его руководящей роли в социалистическом строительстве. Прежде всего следует отметить, что в трудах В. И. Ленина

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 383.

[3] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. «Правда», 1969, 23 декабря.

содержится обстоятельный анализ факторов, обусловливающих руководящую роль рабочего класса в обществе, которое вступило на путь строительства социализма.

В. И. Ленин указывал, что рабочий класс как ведущую политическую силу характеризуют организованность, зрелость, закалка. Российский пролетариат объективно и субъективно был подготовлен к тому, чтобы взять политическую власть в стране и возглавить социалистическое строительство. Руководимые большевиками, рабочие России были хорошо организованы, политически просвещены, обладали высоким классовым самосознанием, закалены в суровых классовых битвах. Они отдавали все силы строительству нового общества, демонстрируя героизм и сознательность.

В. И. Ленин неустанно подчеркивал решающую роль политического авангарда рабочего класса — Коммунистической партии, твердо стоявшей на позициях марксизма и на практике доказавшей способность быть учителем и вождем трудящихся масс на неизведанном и трудном пути к социализму. Жизнь показала, писал В. И. Ленин в 1920 г., что «только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска...».[4]

Обоснование и анализ руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма В. И. Ленин проводит в неразрывной связи с рассмотрением вопроса об общности целей и жизненных интересов рабочих, крестьянства и интеллигенции.

Вскоре после победы Октябрьской революции В. И. Ленин формулирует следующее теоретическое положение: «...коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить интересы тех и других. *Только* социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость „честной коалиции" между пролетариями и трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами».[5] В. И. Ленин многократно подчеркивал, что в ходе социалистического строительства будет крепнуть и развиваться по формам союз рабочих и трудящихся крестьян.[6]

В трудах В. И. Ленина дан глубокий анализ основных направлений, по которым шел процесс социально-политического сближения, развития союза этих двух классов в послеоктябрьский период. Уже первые аграрные законодательные акты Советского государства свидетельствовали, что победивший пролетариат «с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян...».[7] Рабочий класс принял самое активное уча-

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 187.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 102.
[6] См. там же.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 13.

стие в социалистическом преобразовании деревни. В. И. Ленин подчеркивал, что рабочий класс должен оказывать сознательную и систематическую помощь деревне, и в этом состоит «основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции». [8]

В. И. Ленин обращал также внимание на многосторонний характер процесса участия рабочих в социалистическом преобразовании деревни.

Во-первых, он придавал первостепенное значение непосредственному участию рабочих города в классовой борьбе с помещиками и деревенской буржуазией, развернувшейся в деревне в ходе социалистической революции. В трудах В. И. Ленина мы находим характеристику таких форм пролетарской помощи, как посылка агитаторов, «постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне», [9] отправка отрядов рабочих и рабочих продотрядов, которые несли идеи социализма в деревню, организовывали и просвещали бедноту, помогали ей подавлять сопротивление буржуазии,[10] участвовали в создании и укреплении первых коллективных хозяйств.

Во-вторых, большое внимание В. И. Ленин уделял изучению рабочего шефства над деревней как действенного средства оказания систематической помощи крестьянству в политическом, экономическом, культурном развитии. Известно, что В. И. Ленин собирал материал по данному вопросу [11] и, как он сам писал, предполагал выступить на эту тему на X Всероссийском съезде Советов.[12] Однако болезнь помешала ему сделать такой доклад, и он изложил свои мысли в статье «Странички из дневника».[13]

В-третьих, В. И. Ленин отмечал роль рабочего класса в усилении индустриальной вооруженности сельского хозяйства, укреплении хозяйственной смычки города и деревни.

В своих трудах В. И. Ленин убедительно показал, насколько серьезным было влияние рабочего класса на ход социалистической революции в деревне. На основе всестороннего научного анализа результатов опыта нашей страны Владимир Ильич обосновал объективную необходимость пролетарского руководства социалистическими преобразованиями в деревне. Он показал, что если бы во главе миллионов крестьянских масс, разобщенных и темных, а потому совершенно неспособных к самостоятельному строительству, не было передового слоя городских

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 366.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 32.
[10] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 314.
[11] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 315—316.
[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 366.
[13] Там же, стр. 366—367.

рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются доверием, тогда дело коммунизма было бы безнадежно.[14]

Большой интерес представляют высказывания В. И. Ленина о взаимоотношениях рабочего класса и интеллигенции в советском социалистическом обществе. Считая закономерным рост новой, народной интеллигенции, повышение ее роли в жизни общества, В. И. Ленин требовал обеспечить самое активное участие интеллигенции в деле социалистического строительства, в тесном союзе с рабочим классом. «Для социалистического строительства необходимо использовать полностью науку, технику...», — говорил Ленин в докладе на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г.[15] В качестве решающего фактора успешного решения этой задачи Владимир Ильич рассматривал сотрудничество представителей науки и рабочих. «Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники, — указывал В. И. Ленин в речи на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г., — не устоит никакая темная сила».[16]

В. И. Ленин проанализировал разнообразные формы осуществления рабочим классом своей руководящей роли в советском обществе.

Это, во-первых, государственная деятельность рабочих в органах Советской власти. Государство диктатуры пролетариата стало главным орудием созидания нового общества. В. И. Ленин подчеркивал, что не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности авангарда, единственного руководителя трудящихся — пролетариата, цель которого — построить социализм.[17] «Все наши успехи вызваны тем, — писал он в сентябре 1918 г., — что рабочие поняли это и взялись *за управление* государством, через свои Советы».[18] В. И. Ленин призывал смело выдвигать рабочих в органы государственного руководства, не опасаясь их неопытности, только бы были преданы рабочему делу, воспитаны в обстановке пролетарской борьбы.[19] В работах В. И. Ленина содержится обстоятельная характеристика роли партии, профсоюзов и комсомола в политическом воспитании рабочих, в оказании им помощи в овладении навыками государственной деятельности. В частности, В. И. Ленин высоко оценивал тот факт, что в первые годы Советской власти закономерно получила широкое раз-

---

[14] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 312; т. 38, стр. 59.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 6.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр 189.
[17] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 385.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 87.
[19] См. работы В. И. Ленина: «О задачах профсоюзов» (декабрь 1918 г.— первая половина января 1919 г.). Полн. собр. соч., т. 37, стр. 405; «Успехи и трудности Советской власти» (17 апреля 1919 г.). Там же, т. 38, стр. 67.

витие практика созывов съездов рабочих. «Таким путем мы развиваем сознание», — говорил В. И. Ленин на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г.[20]

В укреплении советской государственности Ленин особо отмечал выдающуюся роль рабочих Петрограда, подчеркивая при этом огромное значение «вытягивания» из Петрограда «лучших рабочих на советские должности по всей России. . .».[21]

Во-вторых. Большое значение В. И. Ленин придавал активному вовлечению рабочих в управление производством. В «Проекте декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах», написанном в декабре 1917 г., он выдвигает перед рабочими требование брать на себя ответственность за работу национализированных предприятий.[22] Вскоре, на основе анализа накапливавшегося опыта, В. И. Ленин конкретно определил организационные принципы участия рабочих в управлении производством. В «Черновом наброске проекта программы (март 1918 г.) мы читаем: «. . . управляют *рабочие организации* (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством Советской власти, единственно *суверенной*».[23]

В этой связи нельзя не обратить внимания на критику В. И. Лениным выдвигавшегося Троцким и Бухариным тезиса о так называемой «производственной демократии» (Ленин употребляет этот термин в кавычках).[24] В условиях советского

---

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 309.— Показательно, что Ленин был активным участником многих съездов и собраний рабочих — таких, как Чрезвычайный Всероссийский съезд :железнодорожных рабочих и мастеровых 13 (26) декабря 1917 г., Чрезвычайный железнодорожный съезд 13 (26) января 1918 г., собрания и конференции рабочих ряда районов и заводов Москвы, I Всероссийский съезд работниц 19 ноября 1918 г., I съезд сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии 13 марта 1919 г., конференция железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г., IV Московская общегородская беспартийная конференция работниц 23 сентября 1919 г., конференция железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 г., III Всероссийский съезд рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г., I Всероссийский учредительский съезд горнорабочих в начале апреля 1920 г., III Всероссийский съезд рабочих текстильной промышленности 19 апреля 1920 г., Всероссийский съезд рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г., съезд рабочих и служаших кожевенного производства 2 октября 1920 г., конференция фабрично-заводских комитетов московских предприятий полиграфического производства 25 ноября 1920 г., московская конференция металлистов 4 февраля 1921 г., IV Всероссийский съезд рабочих швейной промышленности 6 февраля 1921 г., Всероссийский съезд транспортных рабочих 27 марта 1921 г.; В. И. Ленин неоднократно выступал на всероссийских и московских конференциях или съездах профсоюзов и фабрично-заводских комитетов.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 207; см. там же, стр. 225.

[22] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 177.

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 74.

[24] См. работы В. И. Ленина: «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», «Кризис партии», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42).

социалистического строя, по природе своей наиболее демократического, требование «производственной демократии» — лозунг фальшивый, поскольку противостоит советскому демократизму. «Демократия есть одна из категорий области только политической», — говорил В. И. Ленин.[25] А «производственную демократию», писал Ленин, «можно истолковать в смысле отсрочки обычной демократии или отговорки от нее».[26]

В. И. Ленин с удовлетворением отмечал увеличение числа рабочих в органах управления производством. Он приводил данные о степени участия рабочих в различных органах управления: в президиумах ВСНХ и губсовнархозах — 57,2%, в коллегиях главных управлений, отделов, центров и главков — 51,4%, в заводоуправлениях — 63,5%.[27]

Особое значение придавал Владимир Ильич обеспечению участия женщин-работниц в управлении государством и в управлении производством.

В трудах В. И. Ленина получил свое первое научное обобщение опыт деятельности советского рабочего класса в различных сферах жизни общества.

В. И. Ленин придавал первостепенное значение активизации производственной деятельности рабочих в целях обеспечения сражавшейся с интервентами и белогвардейцами Красной Армии вооружением, боеприпасами, обмундированием, их роли в восстановлении промышленности, обеспечении народного хозяйства топливом, в успешном осуществлении плана электрификации страны.

Из опубликованных работ В. И. Ленина видно, насколько он внимательно следил за производственной деятельностью рабочих различных отраслей промышленности, индустриальных центров и отдельных предприятий.

Приведем два примера.

Когда на 1-м государственном автозаводе был налажен выпуск автомобильных двигателей, В. И. Ленин направил завкому и всем рабочим предприятия письмо, в котором давалась оценка народнохозяйственного значения успехов автомобилестроителей и ставилась задача: «Во что бы то ни стало надо добиться еще и еще успехов в деле производства двигателей».[28]

Получив сведения о том, что в 1921 г. в Донбассе был достигнут и превзойден довоенный показатель выработки забойщиками, В. И. Ленин оценил это как шаг вперед в восстановлении крупной промышленности, в электрификации страны.[29]

---

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 210.
[26] Там же, стр. 277.
[27] См. там же, стр. 284.
[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 145.
[29] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 294; т. 44, стр. 314.

Решающим фактором в победе социализма над капитализмом Ленин считал рост производительности труда. При этом он с гениальной прозорливостью показал экономическое и социально-политическое значение соревнования на производстве при социализме. Впервые В. И. Ленин написал об этом в конце декабря 1917 г. в заметке «Из дневника публициста (темы для разработки)». Здесь пока одна только фраза: «13. Как организовать соревнование?».[30] Но в те же дни Ленин специально возвращается к этому вопросу и под таким же названием пишет статью «Как организовать соревнование?». Дальнейшее развитие учение В. И. Ленина о соревновании на производстве при социализме получило в «Черновом проекте программы», в работе «Очередные задачи Советской власти» и ряде других произведений. Главные задачи соревнования В. И. Ленин определял следующим образом: «Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов...»[31] В. И. Ленин обосновал и организационные принципы соревнования: гласность, сравнимость результатов, возможность повторения в массовом масштабе лучших образцов работы.[32] В. И. Ленин первым поставил вопрос о необходимости широкого развертывания производственно-технической пропаганды,[33] о роли печати в распространении передового опыта,[34] а также выдвинул положение о новых функциях профсоюзов как организаторов соревнования, школы хозяйствования.

С большим интересом следил В. И. Ленин за развитием коммунистических субботников, которые он рассматривал как яркий образец трудового героизма рабочих, с одной стороны, и первый крупный шаг на пути становления коммунистического отношения к труду — с другой. Коммунистическим субботникам В. И. Ленин специально посвятил ряд работ: «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу „коммунистических субботников")»; «Доклад о субботниках на московской общегородской конференции РКП(б) 20 декабря 1919 г.»; «От разрушения векового уклада к творчеству нового» (статья в однодневной газете «Коммунистический субботник» от 11 апреля 1920 г.); «От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке» (2 мая 1920 г.);

---

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 188.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 75.
[32] См. там же, стр. 153.
[33] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 15.
[34] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 112.

«Дополнения к проекту положения о субботниках» (конец марта 1920 г.).[35]

В. И. Ленин многократно подчеркивал самопожертвование, героизм и стойкость рабочих при защите социалистического отечества, а также их самоотверженный труд в тылу. На фронтах гражданской войны «гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения, спасут тысячи и тысячи рабочих и крестьян».[36] Ленин с восхищением говорил о боевых и трудовых делах рабочих крупнейших пролетарских центров России — Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска. Вот два высказывания Владимира Ильича, относящихся к апрелю 1920 г. «...Нет такого пролетариата, как пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский, который доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции»,[37] хотя, как отмечал Ленин в другом выступлении, «никто не голодал так за эти два года, как рабочие Питера, Москвы и Иваново-Вознесенска».[38]

В. И. Ленин указывал, что вся стойкость, сила Красной Армии, ее верность идеям социализма покоятся на одном и только на одном: на ее теснейшей связи с рабочим классом.[39]

В. И. Ленин встречался с рабочими, отправлявшимися на фронты борьбы с интервентами и белогвардейцами, выступал перед ними. В этой связи необходимо отметить следующий факт. 4 октября 1919 г. в «Правде» была опубликована статья В. И. Ленина «Пример петроградских рабочих». В ней говорилось: «Газеты уже сообщили, что рабочие Петрограда начали усиленную мобилизацию и отправку лучших работников на Южный фронт. Взятие Деникиным Курска и движение на Орел вполне объясняют этот подъем энергии петроградского пролетариата. Его примеру должны последовать рабочие и в других промышленных центрах».[40] И этому примеру, как видно из сообщений партийной печати, в октябре 1919 г. последовали тысячи рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов. 23 октября большую группу своих товарищей провожали на Южный фронт иваново-вознесенские рабочие. На следующий день отправлявшиеся на фронт рабочие Иваново-Вознесенска

---

[35] В разделе «Цели и назначения субботников» положения к пункту второму — «Субботники должны являться лабораторией форм коммунистического труда» — В. И. Ленин сделал добавление:

«а) Повышение производительности труда
б) — „ — дисциплины трудовой
в) осуществление диктатуры пролетариата
г) руководство крестьянством
д) спасение от голода и разрухи». (Полн. собр. соч., т. 40, стр. 288).

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 296.

[37] Там же, стр. 321.

[38] Там же, стр. 296.

[39] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 87; т. 38, стр. 70; т. 40, стр. 321.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 206.

были встречены представителями партийных и профсоюзных организаций Москвы. На эту встречу прибыл и В. И. Ленин. В своей речи он указал на огромную роль, которую играют передовые рабочие в укреплении боеспособности Красной Армии, и выразил уверенность, что этому делу окажут большую помощь и иваново-вознесенские рабочие-коммунисты.

Анализируя различные стороны деятельности рабочего класса, В. И. Ленин особое внимание уделил имевшим место трудностям и недостаткам; в частности, он указал на факты проникновения в среду рабочих мелкобуржуазной идеологии, частнособственнической стихии. Рабочий класс «вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала»,[41] которые были связаны с известным деклассированием наименее сознательной части рабочего класса, вызванным разорением страны, голодом. Разъясняя серьезность этого явления, В. И. Ленин указывал надежные гарантии сохранения чистоты пролетарской идеологии. Решающая роль в этом принадлежала Коммунистической партии, которая смогла объединить, воспитать и организовать пролетариат таким образом, чтобы он противостоял мелкобуржуазным колебаниям.[42] Именно благодаря титанической организаторской и политической работе Коммунистической партии преданность пролетариата как класса делу социализма оказалась непоколебимой. «...Это — чудо: рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы», — писал В. И. Ленин в октябре 1919 г.[43]

В. И. Ленин неизменно рассматривал советский рабочий класс в качестве передового отряда международного пролетариата, который, доказав возможность победы социалистической революции и строительства социализма в одной, отдельно взятой стране, вносит решающий вклад в развитие мирового революционного прогресса.

В трудах В. И. Ленина вопросу о верности советского рабочего класса принципам пролетарского интернационализма уделено исключительно много внимания. В этой связи необходимо отметить две основные стороны вопроса. В рамках международного рабочего движения В. И. Ленин определял интернационалистскую задачу рабочего класса как поддержку (пропагандой, сочувствием, материально) революционного и национально-освободительного движения, непримиримую борьбу с оппортунизмом, реформизмом и ревизионизмом, с «левым»

---

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 364.
[42] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 94.
[43] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 234—235.

уклоном, с троцкизмом. В рамках советского государства В. И. Ленин эту интернационалистскую задачу рабочего класса видел в осуществлении программы Коммунистической партии по национальному вопросу, обеспечении расцвета национальных республик и укреплении их союза. Опираясь на опыт советского государства, В. И. Ленин сформулировал в теоретическом и практическом отношении важное положение о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». [44]

Опыт борьбы рабочего класса СССР за победу социализма убедительно подтверждает тезис Ленина о том, что вне интернациональных связей, без укрепления единства не может эффективно действовать ни один революционный отряд современности.

В небольшой статье нет возможности хотя бы кратко остановиться на многочисленных проблемах, вопросах и конкретных фактах истории советского рабочего класса, которые рассматриваются в трудах В. И. Ленина. В распоряжении историка рабочего класса — богатейшее ленинское теоретическое наследие. Вся кипучая деятельность В. И. Ленина — мыслителя, революционера, вождя была посвящена служению пролетариату, его борьбе за победу социалистической революции. В рабочем классе В. И. Ленин черпал уверенность в полной и окончательной победе социализма. Постоянное общение с рабочими, знание их настроений, стремление выступать перед ними, писать для них — все это ярко характеризует деятельность В. И. Ленина в послеоктябрьский период. Поэтому ленинским высказываниям о рабочем классе присущи глубокий анализ и достоверность.

В. И. Ленин является первым марксистским историком советского рабочего класса, признанным и горячо любимым вождем, непоколебимо верившим в его неисчерпаемые творческие возможности. «Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить», — указывал В. И. Ленин. [45]

Научное предвидение В. И. Ленина полностью оправдалось. Самая передовая, организованная и могучая сила современного общества — руководимый Коммунистической партией рабочий класс, вооруженный новейшими достижениями науки и техники, в тесном союзе со всеми трудящимися успешно решает ныне историческую задачу построения коммунизма в СССР.

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.
[45] Там же, стр. 310.

В. Г. Ревуненков

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВЗГЛЯДЫ В. И. ЛЕНИНА

В последние годы опубликован ряд трудов историков-марксистов, посвященных парижским санкюлотам и их взаимоотношениям с правительством якобинской диктатуры. Наиболее значительным из этих трудов является фундаментальное исследование Альбера Собуля «Парижские санкюлоты во II году», вышедшее первым изданием в 1958 г. и с тех пор неоднократно переиздававшееся во Франции и переведенное на английский, немецкий и русский языки. Значение этой книги Собуля, а также трудов Вальтера Маркова и других ученых[1] заключается не только в том, что они существенно расширяют наши представления о парижских санкюлотах, но и по-новому (конечно, в рамках марксистско-ленинской методологии) ставят ряд коренных вопросов истории Французской революции, таких, например, как вопрос о социальной структуре и роли плебса, о классовой природе якобинцев, о характере якобинской диктатуры и другие.

Советские историки по-разному решали вопрос о социальной структуре плебса. Одни из них (Н. М. Лукин, С. Л. Сытин) понимали под плебсом фактически лишь предпролетарские элементы. Другие (Я. М. Захер) указывали на социальную неоднородность плебса, на наличие в нем не только предпролетарского (и, конечно, люмпен-пролетарского), но и мелкособственнического слоев. Еще бóльшие расхождения существовали между отдельными советскими авторами по вопросу о классовой природе якобинцев. Одни (Н. М. Лукин, С. А. Лотте) отстаивали положение о мелкобуржуазной природе якобинства и якобинской диктатуры и считали, что в лице жирондистов от власти была отстранена последняя фракция, защищавшая интересы

---

[1] A. Soboul. Les Sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958; Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793—1794, hrsg. von W. Markov und A. Soboul. Berlin, 1957.

крупной и средней буржуазии. Другие (А. Л. Нарочницкий) называли якобинцев представителями революционной буржуазии и подчеркивали, что весьма влиятельные группы якобинцев представляли именно среднюю и крупную буржуазию. Наконец, третьи (А. З. Манфред) отказывались признавать якобинцев партией какого-либо одного класса и утверждали, что якобинцев следует считать партией блока средней и мелкой буржуазии, крестьянства и плебейства, а якобинскую диктатуру — властью всех этих классов, носившей характер революционно-демократической диктатуры.

Собуль проводит четкое различие между якобинцами и санкюлотами, понимая под первыми представителей революционной буржуазии, а под вторыми — широкие массы неимущих и низшие слои мелкой ремесленной буржуазии. «Существовало социальное противоречие между якобинцами, вышедшими почти исключительно из рядов буржуазии — мелкой, средней и даже крупной, с одной стороны, и санкюлотами — с другой», — пишет он, подчеркивая одновременно, что под санкюлотами надо понимать не только поденщиков и подмастерьев, но и ремесленных мастеров, мелких лавочников и другие мелкособственнические элементы. [2]

Особенно много нового Собуль дает по вопросу о социально-экономических и политических стремлениях санкюлотов. Что мы знали по этому вопросу до Собуля? Очень немного. С легкой руки покойного Я. М. Захера плебейское движение отождествлялось с движением «бешеных», социально-экономическая программа которых отличалась известной узостью. Преувеличивалась зрелость взглядов «бешеных», которые изображались прямыми, непосредственными предшественниками коммунизма Бабёфа. Игнорировались вполне определенные указания К. Маркса и Ф. Энгельса на большую роль эбертистов и Коммуны Парижа в плебейском движении. Неудивительно, что социально-экономическая программа плебейства не получала целостной характеристики и сводилась главным образом к борьбе против спекуляции и дороговизны, к борьбе за максимум. Еще менее были известны политические стремления плебса.

Собуль собрал большой и в значительной своей части свежий материал, характеризующий социально-экономические и политические взгляды санкюлотов. Этот материал со всей очевидностью свидетельствует о том, что санкюлоты и якобинцы, совместно борясь против роялистско-жирондистской контрреволюции, по-разному понимали коренные социальные и политические проблемы своего времени, причем взгляды санкюлотов являлись более передовыми и более отвечали интересам дальнейшего развития и углубления буржуазно-демократической революции, чем взгляды якобинцев. Правда, этого последнего вы-

---

[2] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 1029.

вода сам Собуль не делает. Наоборот, он пытается доказать, что социальные идеалы санкюлотов были несовместимы с потребностями капиталистического развития Франции, а их политические идеалы — с потребностью обороны страны и необходимостью диктатуры в интересах общественного спасения. Однако факты, которые собрал Собуль, говорят сами за себя.

В эпоху Французской революции выдвигались уже и коммунистические идеи, которые связывали подлинное социальное равенство с упразднением частной собственности. В этих идеях, еще неразвитых, незрелых, которые пропагандировали Ретиф де ля Бретон, Шапюи, Буассель, Бабёф, нашли свое выражение начавшееся отпочкование предпролетариата от общей массы городской бедноты и постепенное формирование его классового самосознания. Но коммунистические взгляды получили тогда лишь ограниченное распространение. Подавляющее большинство санкюлотов не поднялось до понимания необходимости отмены частной собственности как условия действительного равенства. Их социальные чаяния выражались в основном в мелкобуржуазном эгалитаризме, т. е. в стремлении к уравнению имуществ.

Эгалитаризм был свойствен и якобинцам, как он был свойствен Руссо и многим другим представителям передовой философской мысли XVIII в. Но эгалитаризм якобинцев, как и эгалитаризм Руссо, — это ограниченный, умеренный эгалитаризм. Руссо и якобинцы высказывались за устранение крайностей имущественного неравенства, но полное уравнение собственности оставалось для них химерой, а их практические предложения по ограничению неравенства не шли дальше предложений о реформе налоговой политики, уравнительных законов о наследовании и других аналогичных мероприятий. Санкюлоты стояли на почве радикального эгалитаризма; они выступали за полное упразднение общественного неравенства, за полное уравнение собственности. Фактически санкюлоты имели в виду прежде всего уравнительный передел земли, выступали как сторонники «аграрного закона», т. е. того лозунга, который предавали анафеме все представители имущих классов, за пропаганду которого Конвент назначил смертную казнь, но который тем не менее был широко распространен в народе.

Судья Клемансо из дистрикта Шолэ (департамент Мэн и Луара) писал в ноябре 1793 г. в Конвент: «Принцип мой — война дворцам, мир хижинам; водворение на землю всех истинных санкюлотов, а следовательно, раздел крупных имений всех бывших дворян». Клемансо считал необходимым «поделить все земли эмигрантов на мелкие фермы». В заключение он заявлял: «Крупных состояний, принесших столько зла в прежнее время нашей стране, не будет, так как последует запрет для каждого республиканца быть арендатором или собственником больше, чем одной из таких маленьких ферм».

Некий Гренев, житель кантона Берг (департамент Нор), в письме в Конвент, относящемся к декабрю 1793 г., формулировал такие же требования. «В интересах упрочения французской республики и поддержания равенства желательно, — писал он, — чтобы все сельские жители возделывали хоть по нескольку арпанов или мер земли, будь то собственность или же аренда». Для достижения этой цели он рекомендовал, «чтобы национальные имущества продавались мелкими участками и чтобы было запрещено одному лицу покупать по нескольку участков или же инкорпорировать их в другие имения, дабы создавать большое хозяйство».

Санкюлоты коммуны Оссэ (департамент Нижняя Сена) заявляли в своей петиции в Конвент, поданной в феврале 1794 г.: «Вы установили равенство состояний и положений(!). Дайте нам также и возможность обойтись без богачей, которые по сие время пьют наш пот и кровь. Аграрный закон был бы несправедливым и неблагоразумным, но закон, воспрещающий землепашцу занимать больше двух ферм, был бы законом благодетельным». [3]

Разумеется, столичный «мелкий люд», вынужденный (в отличие от крестьян) покупать все съестные припасы на рынке, имел и свои специфические нужды. Страдая в те годы главным образом от нехватки и дороговизны продовольствия, он требовал, чтобы прежде всего был положен конец спекуляции съестными припасами, положен теми средствами, которые в аналогичных случаях применял еще старый режим, т. е. таксацией цен и административным регулированием хлебной торговли. Некоторые историки считают, что формулировка этих требований является заслугой главным образом «бешеных» и что широкие круги парижского населения восприняли идею максимума лишь под влиянием агитации «бешеных». Но факты опровергают это мнение.

Требования таксации цен были предъявлены Конвенту еще до того, как «бешеные» смогли придать своей агитации сколько-нибудь широкий характер, причем предъявлены официальными органами Парижской коммуны и департамента, в которых «бешеные» не пользовались никаким влиянием (по меньшей мере в тот период) и в которых преобладало влияние эбертистов и близких к ним левых якобинцев. Явившаяся 28 ноября 1792 г. к решетке Конвента депутация Парижской коммуны заявила: «Коалиция богачей-капиталистов хочет захватить все земельные и промышленные ресурсы; не довольствуясь поддержанием дороговизны продовольствия, они, вырабатывая его, ухудшают его качество, отравляют напитки. Новая аристократия хочет подняться на обломках старой посредством рокового роста богатств.

---

[3] Жорж Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936, стр. 154—155, 158—160, 185.

Торговые дома, банки, благотворительные общества, мнимо патриотические кассы образовали лигу во главе с тираном Тюильри, чтобы морить народ голодом и посредством нищеты возвратить его к деспотизму... Во имя общественного спасения мы пришли просить вас вернуть установленным властям право таксировать предметы первой необходимости».

А вот что заявила в Конвенте 18 апреля 1793 г. депутация Парижского департамента: «Дело идет о неимущем классе, для которого законодатель, не сделав всего, — не сделал ничего. Пусть не возражают нам ссылкой на право собственности: это право не может быть правом морить голодом своих сограждан. Плоды земли, как и воздух, принадлежат всем людям... Мы пришли просить: 1) установления максимума цен на хлеб по всей республике...; 2) упразднения торговли зерном; 3) запрещения всякого посредничества между земледельцем и потребителем; 4) общего учета зерна после каждого урожая».[4]

Идея таксации цен и регулирования хлебной торговли родилась снизу и была выдвинута прежде всего самими массами. Эту идею с самого начала поддержали и эбертисты и «бешеные», причем «бешеным» инициатива принадлежала лишь в одном вопросе: в агитации за применение террора против ненавистных «скупщиков». «Подвергните страху постыдного наказания спекулянтов и скупщиков, — говорил Жак Ру в „Речи о средствах спасения Франции и свободы“ (1792 г.). — Нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий и производить ростовщические сделки над слезами и разорением народа. Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться на жестокие происки аристократии богатства. Она не должна терпеть, чтобы глубоко развращенные люди пожирали имущества, мануфактуры, торговлю, свободу... Требуйте смертной казни для скупщиков съестных припасов и для тех, кто, торгуя деньгами... дискредитируют наши ассигнаты, чрезмерно повышают цену наших съестных припасов и быстрыми шагами ведут нас к контрреволюции».[5]

Но парижские санкюлоты не ограничивались одним требованием таксации предметов первой необходимости. Они поднимали также вопрос о перераспределении собственности. Правда, на первых порах они делали это еще очень осторожно. Известный оратор предместья Сент-Антуан, ремесленник Гоншон говорил 18 августа 1792 г. у решетки Легислативы: «Создайте такое правление, которое поставило бы народ выше его скромных ресурсов, а богатых — ниже их средств. Тогда будет достигнуто полное равновесие».[6] Деятель клуба Кордельеров и Парижской

---

[4] P. J. Buchez et P. C. Roux. Histoire parlementaire de la révolution française, t. 20. Paris, 1835, p. 413; t. 26, pp. 51—52.
[5] Я. М. Захер. «Бешеные». Л., 1930, стр. 217—218.
[6] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 467.

коммуны Моморо включил в составленную им в сентябре того же года «Декларацию прав» такие пункты: «1) нация признает только промышленную собственность, которой она гарантирует неприкосновенность; 2) нация обеспечивает также гражданам гарантию и неприкосновенность того, что неправильно называют земельной собственностью, до тех пор, пока она издаст законы по этому поводу».[7] Депутация избирательного корпуса департамента Сены и Уазы, потребовав 19 ноября 1792 г. в Конвенте таксации цен на хлеб, в заключение заявила: «Постановите, чтобы никто не мог снимать участка больше, чем в 120 арпанов... чтобы каждый собственник мог эксплуатировать лично только одну ферму, остальные был бы обязан сдавать».[8]

Но по мере того как санкюлотское движение крепло и набиралось сил, его социально-экономические требования приобретали все бо́льшую определенность. В известной петиции секции Санкюлотов от 2 сентября 1793 г. выдвигались, вслед за пунктом об установлении «твердого максимума на продукты продовольствия и предметы первой необходимости», еще следующие требования:

«8. Чтобы был установлен максимум имуществ.

9. Чтобы каждый индивидуум мог владеть только максимумом.

10. Чтобы никто не мог бы иметь больше земли, чем надо для определенного количества плугов.

11. Чтобы один и тот же гражданин мог иметь только одну мастерскую, одну лавку».

Секция Санкюлотов полагала, «что эти меры снова вернули бы изобилие и спокойствие, привели бы постепенно к уничтожению слишком большого неравенства имуществ и способствовали бы увеличению числа собственников».[9]

Поддерживали ли вожаки санкюлотских «партий» эти уравнительные стремления масс? Да, конечно. Но каким бы неожиданным это ни оказалось для тех, кто привык считать, что стремления плебейских масс наиболее адекватно выражали «бешеные», отнюдь не Жака Ру или Варле нужно считать наиболее ревностными поборниками «аграрного закона».

Варле, например, лишь в самой общей форме высказывался за устранение крайностей имущественного неравенства. «Во всех государствах неимущие составляют большинство, — гласит ст. 17 его „Декларации прав“, — и так как их свобода, безопасность и их право на индивидуальное самосохранение составляют блага, предшествующие всем прочим, их естественнейшим желанием и насущнейшим правом является защитить себя от

---

[7] А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928, стр. 72.

[8] Ж. Жорес. История Великой французской революции, т. III, вып. 1. М.—Пг., 1923, стр. 240.

[9] Die Sansculotten von Paris, SS. 138—140.

угнетения со стороны богатых, ограничив право покупки земель и уничтожив посредством справедливых мероприятий вопиющее неравенство богатств».[10] Вместе с тем Варле подчеркивал: «Говоря это, мы не имеем в виду ни отмены крупных состояний, нажитых посредством тонких расчетов или смелых предприятий, ни ограничения наших торговых связей с заграницей».[11]

Что касается Жака Ру, то он выдвигал лишь отдельные уравнительные требования. «Пусть во всех коммунах республики будут учреждены комиссии для обследования нажитых во время революции состояний, — писал он в сентябре 1793 г. — Пусть по окончании войны часть имущества монархистов, федералистов и оставивших свой пост и предавших нацию депутатов поступит в раздел между победителями-санкюлотами и их вдовами».[12]

Некоторые историки считают, что взгляды «бешеных» представляли наиболее глубокую и наиболее развитую эгалитарную систему, непосредственно предшествовавшую коммунизму Бабёфа. Это мнение нельзя не признать ошибочным. Взгляды «бешеных» — порождение того времени, когда нищета и голод стали массовым явлением среди парижского «мелкого люда». Собуль нашел данные о том, что во II году на каждые девять жителей столицы приходился один житель, пользовавшийся благотворительной помощью; а в предместье Сент-Антуан обращавшийся к этой помощи бедняк приходился на каждых трех жителей! «Бешеные» выразили настроения этих наиболее обездоленных среди бедняков, для которых даже положение рабочего централизованной мануфактуры, имевшего небольшой, но регулярный заработок, представлялось сравнительно благополучным. Вспомним, с какой горечью говорил Жак Ру в Конвенте 25 июня 1793 г.: «Неверно было бы полагать, что рабочие получают жалованье, соответствующее росту цен на продукты... Да и не все граждане являются рабочими».[13] Эти массы обездоленных питали лютую ненависть к «богачам» и являлись крайними бунтарями. Но они менее всего были способны к организованной борьбе, к дисциплине и еще менее — к созданию более или менее зрелой идеологии. Социальные взгляды «бешеных» не отличались глубиной. Они видели источник общественного зла не в частной собственности, а в спекуляции, в «скупке», причиной которых считали ошибки законодателей, допустивших неограниченную свободу торговли. Главное, что их занимало, это борьба со спекуляцией, которую они рассчитывали вести прежде всего террористическими мерами. «Бешеные» яростно нападали на «спекулянтов», «скупщиков», «подлых богачей», «воров». Для всех этих лиц у них была лишь одна мера наказания: смертная

---

[10] Я. М. Захер. «Бешеные», стр. 234.
[11] Там же.
[12] Там же, стр. 97—98.
[13] Там же, стр. 66.

казнь и конфискация имущества. Но на экономическую основу общества, порождающего этих «пиявок», они не нападали. Их социальная программа не предполагала ни ликвидации частной собственности, ни даже ее коренного перераспределения.

Жак Ру высказывался за известный передел, известное уравнение собственности. Но общего передела и полного уравнения имуществ он не требовал. Не требовал он и наделения всех неимущих собственностью. Несомненно, что социальный идеал, который выражен в петиции секции Санкюлотов от 2 сентября, составлял такую ступень, до которой Жак Ру еще не поднялся. «Обуздайте спекуляцию, и мы ничего больше не будем просить!» — эти слова, которые Жак Ру произнес 22 июня 1793 г. у кордельеров,[14] лучше всего показывают, как мало он желал коренной ломки отношений собственности.

Но кто же из санкюлотских вожаков уделил наибольшее внимание аграрному вопросу и плебейским способам его разрешения? Это был Эбер, который горячо подхватил требования о раздроблении крупных поместий и ферм, выдвигавшиеся и крестьянами и санкюлотами, и сделал эти требования стержнем своей социальной агитации. Эбер начал с того, что поддержал популярное требование о разделе имуществ участников роялистских и жирондистских мятежей между «патриотами». «Пусть одним добрым декретом будет объявлено, — писал он в конце июня 1793 г., — что департаменты, которые примут этих изменников (бежавших депутатов Жиронды. — *В. Р.*), считаются мятежными и что имущества заговорщиков будут разделены между республиканскими солдатами, черт возьми».[15]

В дальнейшем Эбер распространил это требование на имущества тех собственников, которые нарушают закон о максимуме. «Декретируйте, черт возьми,— писал он в начале сентября 1793 г., — что всякий собственник, который не поставит республике определенного количества хлеба, пропорционального продукции его земель, будет лишен своей собственности и что его поля будут разделены между санкюлотами, которые имеют умелые руки и не пашут».[16]

В конце концов Эбер потребовал общего передела всех земель. «Чтобы убить одним ударом купеческую и фермерскую аристократию, — писал он в феврале 1794 г., — пусть разделят все крупные имения на мелкие участки. Они будут лучше обрабатываться... Добрый санкюлот, который будет иметь для вспашки лишь несколько арпанов, удовольствуется тем, что будет жить свободно и счастливо; он... не будет закапывать свой хлеб, но станет лучше обрабатывать свое поле, чтобы оно больше производило; он не убьет, как крупный фермер, своих коров, но

---

[14] Walter Markov. Die Freiheiten des Priesters Roux. Berlin, 1967, S. 249.
[15] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 711.
[16] Там же, стр. 712.

заведет их побольше... Если в то же самое время станут продавать национальные имущества лишь мелкими частями, если станут обрабатывать все парки эмигрантов... мы будем снова продавать продовольствие и никогда не испытаем недостатка».[17]

Конечно, эта мелкобуржуазная по сути дела программа не могла привести к ликвидации угнетения бедноты богатеями, о чем наивно мечтали санкюлоты. Но Собуль ошибается, когда утверждает, что социально-экономический идеал санкюлотов противоречил объективным законам экономического развития, которые вели к укреплению крупного капиталистического производства, и что именно поэтому санкюлоты были осуждены на поражение. В. И. Ленин указывал, что идея равенства мелких собственников, утопичная сама по себе и даже реакционная, если речь идет о социалистической революции, наиболее полно и последовательно выражает задачи буржуазно-демократической революции, когда речь идет прежде всего о том, чтобы покончить с крупной феодальной собственностью. «Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции, — писал он. — Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества...»[18]

Выдвинутая парижским санкюлотским движением программа передела и уравнения имуществ означала наиболее радикальное, поистине плебейское решение задач буржуазно-демократической революции. Столь же радикальной и передовой являлась и политическая программа санкюлотов, которую они пытались осуществлять в своих секциях.

Парижские секции (т. е. участки, районы Парижа) и существовавшие в них так называемые «первичные собрания» (для производства выборов) и «общие собрания» (для обсуждения текущих дел), а также местные выборные органы (гражданские, военные и другие комитеты) не оставались неизменными на протяжении всей революции. В 1790—1792 гг. они носили чисто буржуазный характер. Поскольку правом голоса и другими политическими правами пользовались тогда только «активные» граждане, постольку доступ в секционные учреждения для широких масс парижского населения был закрыт. Сугубо буржуазным по своему составу являлся и общегородской выборный орган — Генеральный совет Парижской коммуны и парижский муниципалитет. Лишь в июле—августе 1792 г., в обстановке острого

[17] Gérard Walter. La révolution française vue par ses journaux. Paris, 1948, pp. 345—346.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 225—226.

политического кризиса, приведшего к свержению монархии, были сломаны цензовые и иные рогатки, закрывавшие парижскому «мелкому люду» доступ в секционные учреждения. Парижские секции самочинно ввели у себя всеобщее избирательное право и открыли доступ бедноте в Национальную гвардию, что была вынуждена санкционировать Легислатива. Начиная с этого момента роль санкюлотов в секциях и Коммуне Парижа неуклонно возрастала. Санкюлоты использовали общие собрания секций и другие секционные учреждения для организации своих сил. В секциях появились новые органы, как, например, Революционные комитеты, в которых санкюлоты решительно преобладали. Постепенно секции становятся главными органами революционной борьбы парижских народных масс, органами восстаний и, наконец, зачаточными органами подлинно народной власти. Соответственно этому увеличивалась и их роль в революции. Восстание 10 августа 1792 г. организовала и возглавила созданная комиссарами секций Повстанческая коммуна, а восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. — образованный также из комиссаров секций Центральный революционный комитет. Во II году (т. е. с осени 1793 г.) санкюлоты достигли почти полного преобладания в секциях, оттеснив на задний план все маломальски состоятельные слои буржуазии. Возглавляемая Шометтом и Эбером Коммуна Парижа стала подлинной цитаделью санкюлотов. Вот социальный состав ее нового Генерального совета, который собрался в августе 1793 г.: фабриканты, предприниматели, негоцианты — 13 человек, ремесленники и лавочники — 64, подмастерья, приказчики, слуги — 4, огородники — 2, служащие и лица свободных профессий — 51, бывший священник — 1, без указания профессии — 5. [19]

Еще более велико было преобладание санкюлотов в секционных учреждениях. Так, из 454 человек, которые в 1793—1794 гг. состояли членами Революционных комитетов парижских секций, принадлежали к категории: рантье — 20, фабриканты и предприниматели — 13, служащие и лица свободных профессий — 74, рабочие, подмастерья и бывшая прислуга — 45, ремесленники и лавочники — 290, без указания профессии — 12. [20]

Господствуя в секциях и Коммуне Парижа, санкюлоты практиковали свои особые приемы осуществления демократии, которые, по справедливому замечанию Собуля, «являют нам концепцию демократии, совершенно отличную от буржуазной концепции». [21]

Еще в начале нашего века П. А. Кропоткин подметил в политической жизни парижских секций периода 1793—1794 гг.

---

[19] P. Sainte-Claire Deville. La Commune de l'an II. Paris, 1946, pp. 361—378.

[20] A. Soboul. Les Sans-culottes.., pp. 444—445.

[21] А. Собуль. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960, стр. 133.

такие явления и черты, которые явно выходили за рамки буржуазной демократии. Но Кропоткин истолковал эти черты с антинаучных позиций: он увидел в них воплощение анархистских представлений о «либертарном» (т. е. безгосударственном) строе. Позднее, в 40-е годы, Д. Герэн пытался истолковать эти черты с троцкистских позиций: он нашел, что Коммуна Парижа периода 1793—1794 гг. и ее секции представляли «зародыш диктатуры пролетариата».[22]

Историки-марксисты справедливо критиковали и Кропоткина и Герэна за их спекулятивные построения (см., например, рецензию Н. М. Лукина на книгу Кропоткина или строки Я. М. Захера, посвященные Герэну).[23] Но, к сожалению, ни Н. М. Лукин, ни его ученики не дали подлинно научного объяснения тем фактам, которые Кропоткин и Герэн пытались использовать в своих целях. Увлеченные ложной схемой якобинской диктатуры как «революционно-демократической диктатуры», они игнорировали факты, свидетельствовавшие о глубоких разногласиях между якобинцами и плебейскими массами. Игнорировались даже прямые указания В. И. Ленина на то, что Парижская коммуна 1871 г. не была в истории Франции изолированным явлением и что она имела своих далеких предшественников в идеях и учреждениях эпохи Великой французской революции.

В статье «О двоевластии» (1917 г.) Ленин следующим образом охарактеризовал основные признаки власти того типа, каким была Парижская коммуна 1871 г.: «1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой „захват", употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных. . .»[24]

Считая, что тенденция к созданию государства нового типа, выходящего за рамки буржуазной парламентарной демократии, наиболее ярко проявилась в деятельности Парижской коммуны 1871 г., и подчеркивая, что суть Парижской коммуны заключается в этом и *только* в этом, Ленин вместе с тем напоминал, что Коммуна имела в истории Франции своих далеких

---

[22] О взглядах Кропоткина и Герэна см.: В. Г. Ревуненков. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966, стр. 68—73 и 147—154.

[23] Н. М. Лукин. Избр. труды, т. 1. М., 1960, стр. 479—483; Я. М. Захер. Движение «бешеных». М., 1961, стр. 13—14.

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 146.

предшественников. Объясняя в речи на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (1917 г.), что такое Советы, Ленин указывал, что это новый, более демократический тип государства, «то нового типа „правительство“, которое революцией создано, которое имеет примеры только в истории величайшего подъема революций, например, в 1792 году во Франции, в 1871 году там же, в 1905 году в России».[25]

Эту же мысль Ленин высказал и в заключительном слове на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (1918 г.). «Вспомните, — говорил он, — что все великие революции стремились всегда смести до основания старый капиталистический строй, стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствующих классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся... Великие революции именно и стремились сломить этот старый эксплуататорский государственный аппарат, но до сих пор это не удавалось завершить до конца».[26]

С гордостью говоря в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» (1921 г.) об успехах партии и народа в строительстве Советского государства в нашей стране, Ленин сопоставлял проделанное с тем, что было достигнуто не только в 1871 г., но и в 1793 г.: «Мы создали советский *тип* государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов».[27]

Таким образом, Ленин прямо указывал на то, что предшественников Парижской коммуны 1871 г. надо искать в истории Великой французской революции. Но можно поставить вопрос: из каких источников Ленин знал, что уже в ту далекую эпоху делались попытки выйти за рамки буржуазной парламентской демократии? По всей видимости, из книги П. А. Кропоткина «La grande révolution 1789—1793» (1909 г.), которую он хорошо знал и высоко ценил, Ленин, как никто другой, умел разглядеть под покровом ложных концепций те свежие факты, которым марксист обязан был дать подлинно научное толкование. Его не смущало то, что Кропоткин толковал факты из истории Французской революции в свете своих анархистских догм. Он видел «рациональное зерно», которое имелось в книге Кропоткина. В. Д. Бонч-Бруевич пишет в своих воспоминаниях: «Владимир Ильич относился к Петру Алексеевичу с большим уважением. Он особенно ценил его как автора труда о Великой французской революции, подробно говорил о достоинствах этой замечательной книги и обращал внимание на то, что Кропоткин впервые посмотрел на Французскую революцию глазами исследователя, обратившего внимание на народные массы, выдвигая

---

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 264.
[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 286—287.
[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 102.

всюду роль и значение во Французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящегося населения. Это исследование Кропоткина он считал классическим и настойчиво рекомендовал его читать и широко распространять».[28]

Новые факты и материалы о политической жизни парижских секций, которые стали известны благодаря Собулю, со всей очевидностью показывают, как гениально прав был Ленин, указывая на то, что Парижская коммуна 1871 г. имела своих предшественников уже в истории революционного движения конца XVIII в. Собранные Собулем факты и материалы показывают, что высшей формой демократии, рожденной в ту эпоху, была отнюдь не буржуазная демократия, нашедшая свое наиболее яркое воплощение в якобинской конституции 1793 г. Уже в ту далекую эпоху буржуазная парламентская демократия успела не только родиться, но и пережить свой кризис, успела подвергнуться критике со стороны представителей общественных «низов».

Практика Конституанты и Легислативы, т. е. представительных учреждений, избранных народом, которые, однако, попрали волю народа, ограничили его права и управляли страной в интересах главным образом богатых, серьезно скомпрометировала идею «представительного правления», выдвинутую еще просветителями и официально признанную конституцией 1791 г. «Представительную систему» критиковали и санкюлоты, и якобинцы, и даже многие из жирондистов. В этом нет ничего удивительного, так как и Руссо критиковал в свое время эту систему. Руссо же первым выдвинул и идею «прямой демократии», признав ее, однако, неосуществимой для больших государств, т. е. практически высказавшись за сохранение «представительной системы».

Важнейшим завоеванием санкюлотской мысли эпохи Французской революции являлось то, что она выдвинула и обосновала идею прямого народоправства, идею «прямой демократии», причем эта идея приобрела новые черты, которых не было у Руссо. Представители буквально всех оттенков санкюлотской мысли осуждали и отвергали «представительное правление», при котором роль народа заключается лишь в том, что он избирает раз в два-три года своих депутатов, а затем теряет всякое влияние на управление государством. И такие деятели Социального кружка, как Бонвиль и Фоше, и такие кордельеры, как Эбер и Шометт, и «бешеный» Варле, и самые передовые идеологи санкюлотского движения, как революционный коммунист Буассель и, конечно, Бабёф и многие другие, решительно отстаивали «прямую демократию» как новую и более совершенную, более отвечающую интересам народа

---

[28] В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. III. Воспоминания о В. И. Ленине 1917—1924 гг. М., 1963, стр. 401.

форму управления государством, чем «представительное правление». «Прямая демократия» парижских санкюлотов не означала, что они вообще отвергали представительные учреждения и центральные органы государственной власти. Нет, если исключить весьма немногочисленных сторонников так называемого «общинного социализма», то санкюлоты не были ни анархистами, ни федералистами. Они признавали необходимость как государства вообще, так и представительных учреждений и центрального правительства. Но они считали, что не может быть органов государственного управления, независимых от народа и народом не контролируемых. Они стояли на том, что буквально все органы власти и все должностные лица, и депутаты, и министры, и все чиновники, должны избираться народом, контролироваться народом и отвечать перед народом.

Варле, например, вполне определенно высказывался за необходимость представительных учреждений. «Когда территория очень обширна, а население многочисленно, — писал он в брошюре „Торжественная декларация прав человека в общественном состоянии“ (1793 г.), — суверен, не имеющий возможности непосредственно выразить свою волю, сообщает свои намерения своим уполномоченным. Собравшись вместе, эти уполномоченные, в задачу которых входит выяснить намерения их доверителей, расшифровывают их пожелания, и таким образом создается общая воля».[29]

Столь же определенно Варле заявлял, что нельзя управлять страной без наличия центрального законодательного органа и центрального правительства. Обращаясь к депутатам Конвента, он писал в брошюре «Проект специального и императивного мандата уполномоченным народа в Национальном Конвенте» (1792 г.): «Вы не измените тех статей конституции, которые устанавливают непрерывность заседаний и нераздельность законодательного корпуса, двухлетний срок полномочий депутатов... Исполнение законов будет отныне поручено исполнительной комиссии, составленной из сменяемых должностных лиц, немногочисленных и обязанных в определенное время отчетностью».[30]

Вместе с тем Варле, ссылаясь на поведение депутатов Конституанты и Легислативы, которые не считали нужным сообразоваться с волей избравшего их народа, решительно отстаивал право избирателей контролировать своих избранников и определять линию их поведения. «Представители народа, — писал он, — неужели вы думаете, что после тех конституционных и законодательных несправедливостей, свидетелями которых мы стали, ваши сограждане, стремящиеся сохранить свою независимость, могут не быть подозрительными? Нет, они заявляют

---

[29] Я. М. Захер. «Бешеные», стр. 224.
[30] Там же, стр. 225.

вам с полной откровенностью, что отныне все облеченные властью люди будут возбуждать их самое пристальное наблюдение... Не может быть депутатов без полномочий и мандатов — только этот принцип защитит нас от тирании законодателей».[31]

Варле заявлял: «Народный суверенитет заключается в том естественном праве, которое имеют граждане, объединенные в первичных собраниях, праве избирать без всяких посредников всех без исключения должностных лиц, обсуждать свои интересы и определять мандаты депутатов, которых они избирают для выработки законов».[32] Он требовал установления смертной казни для депутатов, «предавших интересы их избирателей», предусматривал менее строгие меры наказания для депутатов, «вышедших за пределы предоставленных им полномочий» и допускал возможность их отзыва избирателями.[33]

Подчеркивая, что принадлежащий народу суверенитет «не может быть ни делегируем, ни представляем», Варле приходил к выводу, что и юридический статус депутатов должен измениться: «Будучи нашими депутатами, вы не будете больше нашими представителями, — писал он. — Вы будете лишь нашими уполномоченными и будете иметь заранее начертанную нами линию вашего поведения».[34]

Взгляды, изложенные Варле в его брошюрах, представляли собой лишь систематизацию тех мнений, которые высказывались в секциях и которые находили выражение в многочисленных адресах и петициях. Секция Тюильри, например, заявила 10 апреля 1793 г., что неприкосновенность депутатов «была придумана при монархическом режиме. При республиканском образе правления депутаты не могут ею пользоваться. Уполномоченные должны отчитываться и отвечать за свои действия и поступки перед свободным народом».[35] Секция Единства, «считая, что ответственность составляет самое существо республики», потребовала 25 мая 1793 г., чтобы трибунал, состоящий из членов, выделенных от каждого департамента, высказывал при выборах свое мнение о поведении депутатов предыдущих сессий «и чтобы те, кто плохо служил отечеству, были навсегда отстранены от всех должностей в республике».[36]

Санкюлоты отстаивали право народа, право избирателей давать наказы своим депутатам, требовать от них отчета и в случае необходимости отзывать их. 9 сентября 1792 г. собрание выборщиков Парижского департамента «признало и провозгласило, как принцип, что неотъемлемый суверенитет

---

[31] Там же, стр. 124.
[32] Там же, стр. 224.
[33] Там же, стр. 226.
[34] Там же, стр. 124.
[35] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 524.
[36] Там же, стр. 525.

народа предполагает за ним неотчуждаемое право отзывать своих представителей всякий раз, когда он сочтет это нужным и сообразным со своими интересами». Несколькими днями позже общее собрание секции Реюньон предупредило, «что оно оставляет за собой твердое право отозвать избранных депутатов в том случае, если в течение срока их полномочий они совершат действия, вследствие которых их заподозрят в гражданской неблагонадежности (incivisme) или в стремлении установить во Франции правление, противоречащее свободе и равенству».[37]

Санкюлоты отстаивали также право народа обсуждать и утверждать законы, принимаемые законодательным корпусом, право вносить поправки в эти законы или отвергать их. То же самое собрание выборщиков Парижского департамента, о котором мы только что упоминали, провозгласило принцип, что «декреты Конвента вступают в силу лишь после того, как они получат санкцию народа в лице его первичных собраний».[38] Аналогичные заявления сделали и многие секции. А секция Сите предложила 3 ноября 1792 г. всем другим парижским секциям одобрить следующий адрес: «Граждане Парижа заявляют... что они признают в качестве суверена лишь большинство коммун республики... что они признают депутатов Конвента лишь как редакторов проекта конституции и временных администраторов республики... Этот проект конституции должен быть представлен на утверждение коммун; ...что, когда пройдет это время, граждане возвратят себе всю полноту своих прав».[39]

Санкюлотское понимание демократии выходило далеко за рамки не только того круга идей, которые нашли свое выражение в либерально-монархической конституции 1791 г., но и того, что понимали под демократией якобинцы. Эти последние критиковали отдельные недостатки «представительной системы». Они принимали некоторые народные представления о демократии, как, например, право народа утверждать если и не все законы, то по меньшей мере конституционные законы. Но они решительно отвергали «прямую демократию» как систему управления страной и отстаивали, подобно Руссо, ту же самую «представительную систему». В известном докладе «О принципах политической морали» (1794 г.) Робеспьер говорил: «Демократия это не государство, где, постоянно собираясь вместе, народ управляет сам всеми общественными делами, еще менее того это государство, где сотни тысяч клик поспешными и противоречивыми мерами решали бы судьбу всего общества... Демократия это государство, где суверенный народ, руководи-

---

[37] Там же, стр. 522.
[38] Там же, стр. 510.
[39] F. Braesch. La Commune du 10 août 1792. Paris, 1911, pp. 1091—1092.

мый законами, созданными им самим, делает сам то, что он может хорошо сделать и делает через своих представителей то, что он сам не может сделать».[40]

При выработке конституции 1793 г., провозглашавшей широкие буржуазно-демократические свободы и права граждан, якобинцы не могли полностью игнорировать санкюлотские представления о «прямой демократии». В конституцию была внесена статья, предусматривавшая утверждение законов народом. Но представленная Эро де Сешелем в ходе обсуждения конституции глава под названием «О праве отвода народом его депутатов и о гарантии против притеснения избирательного корпуса» была отклонена Конвентом по категорическому настоянию Кутона, выступавшего от имени Комитета общественного спасения.[41]

Известно, какое большое значение придавал В. И. Ленин праву народа отзывать своих депутатов. Одним из первых декретов Советской власти был декрет о праве отзыва (1917 г.), написанный Лениным. «Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей, — говорилось в этом декрете, — может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное, принципиальное положение истинного демократизма...».[42] Мотивируя необходимость принятия декрета, Ленин говорил: «Демократическое представительство существует и признано везде, где есть парламентский строй, но это право представительства ограничено тем, что народ имеет право раз в два года голосовать, но часто оказывается, что его голосами прошли те, кто помогает его же подавлять, а демократического права сместить, принять действенные меры пресечения — народ не имеет». Ленин напомнил, что «во все исторические революционные времена, через все изменения конституций красной нитью проходит разрешение права отзыва».[43]

«Прямая демократия» парижских санкюлотов выходила далеко за рамки буржуазно-ограниченных взглядов якобинцев, за рамки буржуазной парламентской демократии вообще и предвосхищала многие идеи об управлении государством, выдвинутые Парижской коммуной 1871 г. Но санкюлоты не только глубже, полнее понимали демократию, чем ее понимали самые передовые буржуазные революционеры той эпохи — якобинцы. Парижские секционеры 1793—1794 гг. не делали фетиша из демократии (в чем повинны многие коммунары 1871 г.!). Они отстаивали самую полную, самую неурезанную демократию, но... лишь для народа, для трудящихся, смело лишая политических

---

[40] М. Робеспьер. Избр. произв., т. III. М., 1965, стр. 108.
[41] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 525.
[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 106.
[43] Там же, стр. 109.

прав «аристократов» и «умеренных», т. е. тех, в ком видели врагов народа, врагов революции.

Санкюлоты считали, что голосовать и занимать общественные должности могут лишь «чистые» граждане, т. е. те, кто доказал свою верность революции или, по меньшей мере, ничем себя не скомпрометировал. Граждан, которых подозревали во враждебном отношении к революции, лишали политических прав либо на том основании, что они в свое время подписали «антигражданские петиции» (речь идет о лоялистских петициях 1792 г. — «петиции 8000» и «петиции 20 000»), либо лишая их «сертификатов цивизма» (удостоверений о гражданской благонадежности, которые должны были иметь все граждане). В некоторых случаях неугодных граждан просто изгоняли из общих собраний секций. А знаменитые «братания» весны 1793 года! Если становилось известно, что в одной из секций верх берут «умеренные», то санкюлоты из соседних секций толпами являлись в собрание этой секции и на том основании, что все секции — это части единой Парижской коммуны, принимали участие в голосовании в угодном местным «патриотам» духе. Сколько «переворотов» в секциях было произведено методом «братания»! Санкюлоты признавали только открытое голосование, при котором можно было оказывать давление на колеблющихся. Тайное голосование являлось в их глазах признаком аристократизма! Выборы часто производились не путем подачи голосов, а выкриками с мест, общими аплодисментами, что также было средством воздействия на колеблющихся.

К этому нужно добавить, что именно парижские секции осуществляли подлинно «плебейский» террор, т. е. тот террор, который был направлен, по словам В. И. Ленина, «против всех угнетателей, и помещиков и капиталистов!».[44] Секции и их Революционные комитеты неоднократно проводили разоружение «подозрительных» и массами заключали их в тюрьмы. Они подвергали аресту не только тех, кого подозревали в сочувствии монархистам или жирондистам, но и тех, кто нарушал закон о максимуме, кого подозревали в «скупке» или уличали в обмане покупателей, в фальсификации вин и т. п.

Политический строй, слагавшийся в 1793—1794 гг. в парижских секциях, был далек от «чистой» демократии и носил вполне определенный классовый отпечаток. Это была поистине «санкюлотская» демократия, демократия только для санкюлотов! Эта демократия не только не вступила в непримиримое противоречие с потребностью страны в режиме революционной диктатуры, как ошибочно полагает Собуль, но представляла собой разновидность такого рода диктатуры.

Собуль считает «санкюлотскую демократию» особой и более высокой формой демократии, чем буржуазная парламентарная

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 190.

демократия. Чтобы подчеркнуть специфику этой демократии, он называет ее «народной демократией». Но он считает, что политические идеалы санкюлотов были несовместимы с... диктатурой, которой требовали обстоятельства. «Как можно было согласовать стремления народных масс к местной автономии и существование местнических секционных учреждений с усилением революционной центральной власти и требованиями якобинской диктатуры в интересах общественного спасения?» — пишет он.[45] Собуль усматривает «трагизм» положения санкюлотов в том, что они, с одной стороны, «вызвали сильное правительство, которое должно было уничтожить феодальную аристократию», но, с другой стороны, «не подумали о том, что такое правительство, чтобы достичь победы, должно было потребовать от них повиновения и дисциплины».[46]

При этом Собуль исходит из молчаливой предпосылки, что революционная диктатура, которая действительно была необходима для спасения Франции, могла сложиться лишь в тех формах, которые были приемлемы для якобинской буржуазии. Но именно в этом и заключается корень ошибки Собуля. Этот выдающийся исследователь не заметил, что в эпоху Французской революции ярко проявилась тенденция к созданию революционной диктатуры в иных, не якобинских, а санкюлотских формах.

В проекте петиции в Конвент, составленном Луа, членом Повстанческого комитета 31 мая, говорилось: «Мы требуем, чтобы во всех городах, местечках и селах республики были созданы революционные армии, составленные исключительно из санкюлотов и предназначенные защищать патриотов против внутренних врагов... Декретируйте немедленное разоружение и арест во всех городах республики всех подозрительных и чтобы лица, известные своим негражданским и контрреволюционным поведением, были преданы карающему мечу законов... Так как контрреволюционеры, сторонники королевской власти, устраивают свои сборные пункты в секциях республики, декретируйте, что, пока родина в опасности, в секциях будут допущены к голосованию только граждане, хорошо известные тем, что с 1789 г. они постоянно придерживались чистых принципов. Революционным комитетам секций должно быть поручено решать, кто именно эти чистые граждане, которые получат право голоса».[47]

В бумагах того же комитета был найден проект организации *Центрального революционного комитета,* который должен был «иметь главенство над всеми конституционными властями, но не мешать их деятельности»; этот комитет, получающий свои полномочия от секций и ответственный перед ними, должен был подготовить восстание с целью очистки Конвента

[45] A. Soboul. Volksmassen und Jakobinerdiktatur (1793—1794). Jahrbuch für Geschichte, 1967, Nr 2, S. 61.

[46] Там же, стр. 71.

[47] Е. В. Тарле. Соч., т. II. М., 1957, стр. 731—732.

от жирондистов и действовать до тех пор, пока отечество не будет больше в опасности.[48]

Несомненно, что мероприятия, намечавшиеся радикальными членами Повстанческого комитета 31 мая, означали в своей совокупности установление в стране режима революционно-демократической диктатуры народа, т. е. такой формы революционной власти, которая, ограничивая или даже вовсе уничтожая демократию для помещичье-буржуазной верхушки общества, предоставляет самые широкие политические права народу.

Но если «прямая демократия» парижских секций не только не противоречила необходимости диктатуры для общественного спасения, как ошибочно считает Собуль, но представляла собой определенную разновидность такого рода диктатуры, то какова же была ее классовая природа? Герэн видит в ней «зародыш диктатуры пролетариата». Но антиисторичность подобной постановки вопроса очевидна. Санкюлоты не являлись пролетариями. Среди них имелась предпролетарская прослойка, которая, однако, не выступала самостоятельно. Программа санкюлотов была нацелена не на перерастание буржуазной революции в социалистическую, а лишь на наиболее радикальное, наиболее отвечающее интересам народа решение задач буржуазно-демократической революции. Санкюлоты стремились к «народной республике» (этот термин Собуль нашел в одном из сочинений той эпохи). Они мечтали об обществе без помещиков, без крупных капиталистов, без угнетающего народ буржуазного государства, но основой этого общества они считали частную собственность. Для того чтобы понять классовое существо «прямой демократии» парижских секций, надо обратиться не к троцкистской теории «перманентной революции» (как это сделал Герэн), а к ленинскому учению о революционно-демократической диктатуре «низших» классов как условии наиболее радикального решения задач буржуазно-демократической революции.

Основными чертами революционной диктатуры этого типа Ленин считал следующие:

1) это — власть не буржуазии, а общественных «низов», «революционных элементов народа», т. е. пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии;

2) это — власть, вышедшая из победоносного народного восстания и опирающаяся на вооруженные массы, на «самочинные» организации этих масс, а не на те или иные «легальные» учреждения;

3) это — власть, ничем не ограниченная, не стесненная никакими законами или правилами, опирающаяся непосредственно на насилие масс;

---

[48] А. Р. Гордон. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая—2 июня 1793 г. «Французский ежегодник. 1963». М., 1964, стр. 51.

4) это — власть, которая ограничивает или даже вовсе уничтожает демократию для угнетателей народа, для помещиков, для капиталистов, но которая вместе с тем в небывалой степени расширяет демократию для трудящихся, для эксплуатируемых, для подавляющего большинства народа.[49]

«Санкюлотская демократия», которую Собуль открыл в парижских секциях, представляла собой не что иное, как зачаток революционной диктатуры именно этого типа. Парижские секции являлись органами власти действительно «низших» классов, т. е. беднейших слоев мелкой буржуазии и неимущих. Санкюлотская власть в Париже обладала всеми чертами революционно-демократической диктатуры, т. е. это была власть, которая вышла из народных восстаний и которая опиралась не столько на те или иные «легальные» учреждения, сколько на вооруженные массы. Это была власть, которая проводила политику насильственного подавления аристократов, заговорщиков, спекулянтов, но которая в то же время осуществляла максимум демократии для народа, для трудящихся.

Некоторые историки пытаются приписать черты революционно-демократической диктатуры, свойственные только парижским секциям, всей системе «революционного правления», сложившейся в 1793 г. во Франции. Собуль не повторяет этой ошибки. Собуль последовательно проводит мысль о том, что революционное правительство якобинцев, имевшее свой центр в Конвенте и его комитетах, представляло собой власть иного типа, чем «санкюлотская демократия» парижских секций. В полном соответствии с фактами, которыми располагает современная наука, Собуль считает якобинцев партией революционной буржуазии, а якобинскую диктатуру — революционной буржуазной диктатурой, которая, с одной стороны, опиралась на народные организации, а с другой — стремилась подчинить эти организации своему контролю, стремилась лишить эти организации тех черт, которые делали их зачатком власти общественных «низов». Собуль последовательно проводит мысль о «двоевластии правительственном и народном» как характернейшей черте всей системы «революционного правления» II года, а также о конечной несовместимости этих двух властей.[50]

Выше мы привели данные, свидетельствующие о том, что именно секции и Коммуна Парижа являлись теми органами революционной власти, в которых господствовала не буржуазия, а санкюлоты. А каков же социальный состав Конвента? Известно, что в Конвент было избрано 749 депутатов от 83 департаментов. Кроме того, было избрано 298 заместителей депутатов. На 15—17 января 1793 г., когда началось поименное голосование по вопросу о судьбе Людовика XVI, в списках членов

---

[49] См.: В. Г. Ревуненков, ук. соч., стр. 75—78.
[50] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 581.

Конвента числились как раз 749 человек, в том числе уже несколько заместителей, заменивших выбывших к этому времени по разным причинам членов Конвента. Из 749 депутатов принадлежали к категории: дворяне — 29, священники — 56, крупные торговцы и предприниматели (в том числе два адвоката) — 56, землевладельцы-буржуа (в том числе семь юристов) — 26, служащие и юристы (адвокаты, судьи, прокуроры, нотариусы) — 417 (фактически 426, так как девять юристов показаны выше как предприниматели и землевладельцы), офицеры, военные инженеры (в том числе два землевладельца) — 25, врачи, хирурги (в том числе три землевладельца) — 46, писатели, журналисты, художники, артисты — 22, профессора, преподаватели — 12, служащие торгового флота (капитаны и служащие в портах) — 6, инженеры — 3, крестьяне — 24, мелкие торговцы и ремесленники — 15, солдаты, сержанты, жандармы — 6, аптекари — 3, рабочие — 2, могильщик — 1.[51]

Как видно, общественные «низы» были представлены в Конвенте чрезвычайно слабо. Крестьяне, ремесленники, лавочники, солдаты и прочие представители «мелкого люда» составляли самую малочисленную группу в Конвенте: 51 депутат, т. е. менее 7% от общего числа членов Конвента. Представительство бывших привилегированных сословий превосходило по своей численности представительство «мелкого люда» (85 бывших дворян и священников, т. е. 12% от общего числа членов Конвента). Подавляющее большинство Конвента (612 депутатов, свыше 81% от общего числа) составляли представители торговой, промышленной, сельской и, особенно, чиновничьей буржуазии и лица свободных профессий. По своему социальному составу Конвент являлся органом сугубо буржуазным.

Но, может быть, буржуазная часть Конвента концентрировалась в рядах Жиронды и с изгнанием жирондистов из Конвента его социальная природа изменилась? Олар причисляет к жирондистам 165 членов Конвента. Их социальный состав (по Кучинскому) таков: служащие и юристы (адвокаты, судьи, прокуроры, нотариусы) — 95, бывшие дворяне и священники — 19, крупные торговцы и предприниматели — 15, землевладельцы-буржуа — 5, крестьяне — 7, журналисты, литераторы — 8, врачи, хирурги — 7, офицеры, военные инженеры — 4, инженер — 1, солдаты, сержанты — 3, содержатель постоялого двора — 1.[52]

Итак, Жиронда — это далеко не вся торгово-промышленная и сельская буржуазия, представленная в Конвенте. Жиронда объединяла в своих рядах менее одной трети крупных торговцев и предпринимателей и лишь одну пятую — землевладельцев-бур-

---

[51] Список этих 749 депутатов приведен в кн.: P. J. Buchez et P. C. Roux, op. cit., t. 23, pp. 168—198; профессии депутатов указаны в справочнике: A. Kuscinski. Dictionnaire des conventionnels. Paris, 1919.

[52] А. Олар. Политическая история французской революции. М., 1938, стр. 479 — 481; Kuscinski, op. cit.

жуа и бывших дворян, представленных в Конвенте. Ясно, что изгнание жирондистов не могло изменить социальной природы Конвента.

А каков социальный состав Горы? В популярных изданиях обычно указывают, что число монтаньяров в Конвенте не превышало 80—85 человек. Это ошибка. Кутон заявил 17 мая 1793 г., что Гора — это «внушительное и, прибавлю, почтенное меньшинство, ибо оно состоит по крайней мере из 150 членов».[53] Мы подсчитали, что к Горе нужно отнести по меньшей мере 154 депутата. Из них принадлежали к категории (по Кучинскому): бывшие дворяне и священники — 31, крупные торговцы и предприниматели (в том числе один адвокат) — 7, землевладельцы-буржуа (в том числе шесть юристов) — 8, служащие и юристы (адвокаты, судьи, прокуроры, нотариусы) — 72 (фактически 79, так как семь юристов показаны выше как торговцы и землевладельцы), офицеры, военные инженеры (в том числе один землевладелец) — 5, врачи, хирурги — 7, писатели, журналисты, художники, артисты — 12, ученые, профессора, педагоги — 6, мелкие торговцы и ремесленники — 3, крестьяне — 3.

Выходит, что и среди монтаньяров общественные «низы» были представлены крайне слабо. Факты показывают, что Гора Конвента — группировка буржуазная. В ней была представлена и мелкая, и средняя, и крупная буржуазия, и дворяне, причем преобладала чиновничья буржуазия. Подтверждается именно так оценка классовой природы Горы, которую В. И. Ленин дал в своей замечательной книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905 г.): «...представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, — писал он, — разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы».[54]

Это ленинское определение якобинизма является лучшим в мировой литературе по истории Французской революции. Ни одному из историков и социологов, писавших об этой революции, не удалось так точно схватить самое существо различий между якобинцами и жирондистами, как это сделал Ленин, указав, что якобинцы представляли революционное крыло французской буржуазии той эпохи, а жирондисты — ее оппортунистическое крыло. Современная марксистская историография Французской революции руководствуется в своей оценке исторической роли Горы и Жиронды именно этим гениальным ленинским положением.

В. И. Ленин высоко ценил заслуги Горы и якобинцев, давших Франции «лучшие образцы демократической революции и

---

[53] Réimpression de l'ancien Moniteur, t. 16. Paris, 1854, p. 412.
[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 48.

отпора коалиции монархов против республики».[55] Ленин особо подчеркивал связь якобинцев с народом (причем уточнял: именно в 1793 г.!), видя в этом источник их силы в борьбе против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. «Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, состояло в том, — писал он, — что они были „якобинцы *с* народом“, с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами *своего* времени».[56]

Союз якобинцев с народом сложился и окреп в ходе борьбы против роялистско-жирондистской контрреволюции и иностранных интервентов. Этот союз спас Францию и обеспечил окончательное разрушение феодального строя. Ради укрепления союза с народом победоносная Гора пошла на такие меры, как знаменитый декрет от 17 июля 1793 г. о полной и безвозмездной отмене всех и всяких феодальных повинностей и декрет от 29 сентября того же года о всеобщем максимуме (твердых ценах). Однако по мере углубления социального содержания революции, по мере того как все больше обнаруживалась буржуазная ограниченность самих якобинцев (напомним, что Ленин относил Робеспьера к числу «представителей буржуазии», «к великим буржуазным революционерам»[57]), их связи с народом слабели. Сопротивление, которое якобинцы и Гора Конвента оказали уравнительным стремлениям широких народных масс, вызвало первую трещину в союзе якобинцев с общественными «низами». Нежелание всех буржуазных элементов администрации и даже самого Конвента выполнять со всей строгостью закон о максимуме еще более углубило эту трещину. Большой неожиданностью для народа явилась и позиция, которую якобинцы заняли по отношению к конституции 1793 г.

Условия, сложившиеся летом и осенью 1793 г. во Франции, делали необходимыми известные ограничения демократии. К этому времени гражданская война в стране достигла своего апогея. Контрреволюционные мятежи охватили огромную территорию. Восстали такие крупные города, как Бордо, Лион, Марсель. В Тулонский порт была впущена английская эскадра. Еще шире разгорелась война в Вандее. Повсеместно роялисты и жирондисты учиняли кровавые расправы с республиканцами. Необходимо было лишить мятежников возможности использовать конституционные права и учреждения для организации своих сил.

Декретом Конвента от 10 октября 1793 г. введение в действие конституции 1793 г. откладывалось до заключения мира и провозглашался «революционный порядок управления». Обосновывая необходимость именно такого решения, Сен-Жюст говорил: «В обстоятельствах, в которых ныне находится респуб-

---

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 374.
[56] Там же, стр. 216.
[57] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 226.

лика, конституция не может быть применена; она погубила бы самое себя и сделалась бы гарантией безнаказанности посягательств против свободы». Сен-Жюст разъяснял, что правительство республики должно быть «революционным» в том смысле, что оно не должно считать себя связанным обязанностью соблюдать конституционные права и гарантии и что его главная задача заключается в том, чтобы силой подавить врагов свободы. «Республика будет основана лишь тогда, когда воля суверена подавит монархическое меньшинство и будет властвовать над ним по праву завоевания, — подчеркивал он. — Между народом и его врагами нет ничего общего, кроме меча. Надо управлять при помощи железа там, где нельзя действовать на основе справедливости; необходимо подавить тиранов».[58]

Аргументация Сен-Жюста свидетельствовала о том, что монтаньяры осознали необходимость революционной диктатуры и террора в борьбе против роялистско-жирондистской контрреволюции. Но из нее же явствовало, что они понимали эту диктатуру весьма односторонне. Санкюлоты и их вожаки не хуже Сен-Жюста сознавали, что монархическое меньшинство нужно лишить всяких политических прав и подавить силой. Еще в июле—августе 1793 г. и Эбер и Жак Ру развернули широкую агитацию за усиление террора, за арест всех подозрительных, за чистку армии и администрации, за снятие дворян со всех постов, за посылку в департаменты отрядов революционной армии с трибуналами и гильотинами. Вместе с тем они настаивали на скорейшем введении в действие конституции 1793 г., которая была утверждена собравшимися в июле первичными собраниями (большинством в 1 801 918 голосов против 11 610) и объявлена принятой на всенародном празднестве, состоявшемся 10 августа в Париже. «Прежде всего необходимо засадить в тюрьму подозрительных, — писал Эбер незадолго до 10 августа, — изгнать из наших армий всех дворян и интриганов; затем надо обновить Конвент, составив его на этот раз из истинных республиканцев; но в первую очередь необходимо организовать исполнительную власть и не сосредоточивать всю полноту власти в одних руках».[59]

Скорейшего введения в действие конституции 1793 г. и организации исполнительной власти соответственно конституции (а конституция предусматривала периодическую сменяемость органов исполнительной власти и демократические формы контроля над ними) требовал и Леклерк. «Законодатели, — писал он в начале сентября, — вы позорно закончите свою карьеру, если только произвольные распоряжения нескольких человек и громадные полномочия, предоставленные вашим диктаторским комитетам, вы не замените единственной властью, перед которой

---

[58] P. J. Buchez et P. C. Roux, op. cit., t. 29, pp. 159—160, 167.
[59] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 142.

может склониться свободный человек, — конституцией 1793 года». «Конституцию, всю конституцию и одну только конституцию!» — требовал Леклерк.[60]

Некоторые историки считают, что, требуя введения в действие конституции 1793 г., эбертисты и «бешеные» якобы выступали против революционной диктатуры как таковой. Это ошибочное мнение. Эбертисты и «бешеные» не только не были противниками революционной диктатуры, но поднялись до более глубокого, более отвечающего интересам народа понимания диктатуры, чем якобинцы. Почему, например, Жак Ру так энергично настаивал на введении в действие конституции (при одновременном лишении политических прав всех контрреволюционеров), которую сам в прошлом критиковал за то, что она не содержала специальных статей против спекуляции? Во-первых, потому, что Жак Ру рассчитывал использовать для борьбы со спекулянтами те статьи конституции, которые в общей форме предостерегали против злоупотребления свободой. «Подлые скупщики, торговавшие за прилавком кровью санкюлотов, — писал он в конце июля, — ваше царствование не будет продолжительным, так как [в конституции] написано: „Не делай другому того, чего не хочешь для себя“». «Конституция, конституция, приди скорей нам на помощь!» — восклицал Ру[61]. Во-вторых, Жак Ру видел в конституции средство, которое могло оградить беднейшие слои народа и их руководителей от произвола власть имущих. «Администраторы, судьи, командующие, хранители общественной власти, — писал он 21 июля, — вы не развернете больше перед народом знамя военного закона, так как [в конституции] написано: „Когда подвергается угнетению один член общественного организма, то тем самым угнетается весь общественный организм“».[62]

Но если санкюлотские вожаки, требуя введения в действие конституции 1793 г., демонстрировали тем самым свое понимание необходимости сочетать политику насильственного подавления роялистско-жирондистской контрреволюции с обеспечением самых широких демократических прав народа, то решение монтаньяров отложить применение этой конституции до заключения мира свидетельствовало, несомненно, о том, что они стремились ограничить политические права не только своих противников справа. Когда начались преследования «бешеных», когда сам Жак Ру был арестован и заключен в тюрьму Сен-Пелажи, тогда он прямо обвинил монтаньяров в том, что они не вводят в действие конституцию лишь потому, чтобы иметь возможность преследовать не только роялистов-заговорщиков, но и «патриотов». «Если они и создали для нас прекрасную консти-

---

[60] Я. М. Захер. «Бешеные», стр. 173 и 174—175.
[61] Из истории якобинской диктатуры 1793—1794. Одесса, 1962, стр. 382.
[62] Там же, стр. 383.

туцию, то лишь для того, чтобы ее поминутно нарушать, чтобы совершать насилия над собственностью и личностью; еще несколько дней, и мы увидим, будет ли организована исполнительная власть», — писал он в середине сентября.[63]

Взгляды якобинцев на характер и задачи «революционного порядка управления», оформленного декретами Конвента от 10 октября и 4 декабря 1793 г., нашли свое наиболее полное выражение в докладах Робеспьера «О принципах революционного правительства» (25 декабря 1793 г.) и «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 г.). В этих докладах Робеспьер отстаивал необходимость таких форм государственной власти, которые носили характер диктатуры, но эта диктатура, во-первых, рассматривалась как нечто несовместимое с демократией, во-вторых, ориентировалась не только на подавление роялистско-жирондистской контрреволюции, но и на обуздание санкюлотского движения.

Робеспьер говорил о необходимости «революционного правительства», которое противопоставлял «конституционному правительству». Он доказывал, что между этими двумя видами правительства существует принципиальное различие: «конституционное правительство» действует в условиях мира и упроченной свободы и его главным принципом является соблюдение конституционных свобод и гарантий; «революционное правительство» действует в условиях войны и революции и не может допустить применения конституционных свобод и гарантий, которыми могли бы воспользоваться враги свободы. Да, именно такова мысль Робеспьера! «Храмы богов не для того построены, чтобы служить осквернителям святыни, а конституция не создана для того, чтобы покровительствовать заговорам тиранов», — восклицал он.[64]

Робеспьер считал, что демократия может существовать только во время мира и что во время войны и революции приходится отказываться от всякой демократии. «Но для того, чтобы основать и укрепить среди нас демократию, для того, чтобы прийти к мирному господству конституционных законов, — говорил он, — надо окончить войну свободы против тирании и с успехом пережить революционные бури: такова цель революционной системы, которую вы организовали».[65]

Главным оружием революционного правительства Робеспьер объявлял террор и предлагал не очень смущаться тем, что ему могут бросить упрек в деспотизме. «Разве ваше правительство похоже на деспотизм? — спрашивал он. — Да, подобно тому, как меч, сверкающий в руках героев свободы, похож на меч, которым вооружены сателлиты тирании... Подавите врагов

---

[63] A. Soboul. Les Sans-culottes.., p. 225.
[64] М. Робеспьер. Избр. произв., т. III, стр. 92.
[65] Там же, стр. 108—109.

свободы террором — и вы будете правы как основатели республики. Революционное правление — это деспотизм свободы против тирании».[66]

Робеспьер не скрывал также, что оружие террора должно быть направлено не только против сил правого лагеря, но и против тех, кто стоял левее якобинцев и кому он приклеивал ярлык «ультрареволюционеров». «Внутренние враги французского народа разделились на две враждебные партии, — говорил он. — Одна из этих партий толкает нас к слабости, другая — к крайним мерам... Одним из них дали название умеренных; другим дали название ультрареволюционеров».[67]

«Ультрареволюционеров», т. е. в первую очередь эбертистов, Робеспьер называл «презренными злодеями, которых тирания подкупает для того, чтобы пародировать нашу благородную революцию и наделить ее гибельными или нелепыми крайностями», и подчеркивал, что они опасны «своим влиянием в народных обществах».[68]

Буржуазно ограниченные взгляды Робеспьера на характер и задачи «революционного правительства» нашли свое воплощение в той системе власти, которая была оформлена декретами Конвента от 10 октября и 4 декабря 1793 г. Отличительной чертой этой системы было то, что необходимая в тех условиях централизация управления, применение террора против сил контрреволюции, лишение этих сил всяких политических прав и прочее не только не сочетались с расширением демократии для народа, но дополнялись такими мероприятиями, которые ее явно урезывали.

Еще в сентябре 1793 г. Конвент и правительственные комитеты встали на путь «обуздания» парижских секций, в которых обнаружились неприемлемые для буржуазии социальные и политические стремления. Летом 1792 г. заседания секций были объявлены «непрерывными», т. е. секции могли собираться каждый день. Причем характерно, что «непрерывность» секционных заседаний была введена самочинно, снизу, и лишь затем санкционирована Легислативой. По декрету Конвента от 5—9 сентября 1793 г. секциям было запрещено собираться чаще, чем два раза в неделю. Санкюлоты бурно протестовали против ограничения своих прав и пытались компенсировать сокращение числа секционных заседаний созданием так называемых «секционных обществ», в которых встречались активисты секций и к которым фактически переходили функции редко собиравшихся теперь общих собраний секций. Поскольку в Париже уже давно существовала сеть «братских обществ», тяготевших в общем к клубу Кордельеров, то с появлением новых «секционных об-

---

[66] Там же, стр. 112—113.
[67] Там же, стр. 115—116.
[68] Из речи против клики Фабра д'Эглантина. Там же, стр. 123 и 136.

ществ» общее число народных обществ значительно возросло. Была также предпринята попытка создать Центральный комитет народных обществ. Столь несомненный подъем политической активности низов... обеспокоил якобинцев. Чтобы узаконить свое существование, некоторые из вновь созданных обществ обратились к Якобинскому клубу с просьбой об аффилиации (присоединении). Якобинцы не только отказали им в этом, но начали целую кампанию против «новоиспеченных патриотов» и их организаций. Робеспьер первый бросил этим подлинно народным организациям обвинение в том, что они являются... созданием агентов иностранных держав. «Великим народным обществом является французский народ и те, кто вселяет ужас в души тиранов и аристократов, это якобинцы и схожие с ними общества, — заявил он 26 декабря 1793 г. — Мнимые народные общества, размножившиеся до бесконечности после 31 мая, являются незаконнорожденными и не заслуживают этого святого имени... Разве народ находится в несметном множестве этих особых обществ, которые было угодно создать агентам иностранных держав?... Нет, там не народ: там Австрия, там Пруссия, вот кто там».[69]

Несправедливые нападки Робеспьера на новые народные организации поддержали Кутон, Колло д'Эрбуа и другие якобинские лидеры. В конце концов якобинцы решили, что они будут поддерживать связи только с теми народными обществами, которые возникли... до 10 августа 1792 г. Тем самым из официальной общественной жизни исключались все позднее возникшие народные общества, которые в своем большинстве были вынуждены принять решение о самороспуске. Результаты этого не замедлили сказаться. Политическая жизнь в секциях, ранее бившая ключом, начинает замирать, тем более, что якобинское правительство ставило активистам секций все новые и новые преграды.

Декрет от 4 декабря 1793 г. запретил всем установленным властям «изменять сущность своей организации путем ли соединения с другими властями, путем ли посылки делегатов, уполномоченных образовать центральные собрания, путем ли посылки комиссаров к другим установленным властям». Равным образом запрещались «всякие съезды или центральные собрания, созываемые либо представителями народа, либо народными обществами, под какими бы то ни было названиями, будь то под названием центрального наблюдательного комитета или центральной или военной комиссии».[70]

Эти статьи декрета от 4 декабря представляли существенное ограничение политических прав народа. Отныне становилось

---

[69] A. Soboul. Robespierre et les sociétés populaires. Bi-centenaire de la naissance de Robespierre (1758—1958). Nancy, 1958, pp. 55—56.

[70] P. J. Buchez et P. C. Roux, op. cit., t. 30, p. 262.

невозможным создание не только Центрального комитета народных обществ, но и таких повстанческих центров, как Коммуна 10 августа или Центральный революционный комитет 31 мая, которые состояли именно из комиссаров, делегированных секциями. Пагубность этого ограничения для судеб революции и самих якобинцев очевидна!

Ограничения прав секций и роспуск народных обществ сопровождались преследованиями и арестами «бешеных» и других представителей секционного актива. Якобинский правительственный террор оказался направленным не только против роялистско-жирондистской контрреволюции, но также в известной мере и против плебейства. Венцом этой антиплебейской струи в якобинском терроре была казнь Эбера и Шометта и последовавшая затем «чистка» Парижской коммуны, что окончательно сломило силу санкюлотского движения. Но тем самым якобинская буржуазия подрубила сук, на котором сидела, так как ее власть была сильна именно народной поддержкой, и в первую очередь поддержкой парижских секций. Неминуемым возмездием за подавление секционной демократии и расправу с «бешеными» и эбертистами явился контрреволюционный переворот 9 термидора, когда правое крыло Горы и «болото» Конвента избавились от половинчатой мелкобуржуазной группировки Робеспьера.

Трагическая судьба робеспьеристов, как и опыт других аналогичных группировок, позволили В. И. Ленину сделать вывод о том, что «мелкобуржуазная демократия не способна удержать власти, служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии».[71]

Как видим, ленинский гений вскрыл еще одну черту в политическом облике робеспьеристов: служить «прикрытием буржуазии»! Характерно, что эти ленинские слова никогда не цитируют те наши историки, которые пытаются уверить, что Робеспьер представлял интересы не определенного класса, а «народа» как такового.

В. И. Ленину никогда не приходилось высказывать свое мнение по вопросу о том, правильно ли построили якобинцы режим революционной диктатуры. Но весьма интересно сопоставить то, что делали якобинцы, с тем, как действовали в русской революции Ленин и большевики. Правда, якобинцы действовали в условиях буржуазной революции и утверждали диктатуру буржуазии, тогда как большевики действовали в условиях социалистической революции и утверждали диктатуру пролетариата. Но и в буржуазной революции, и в пролетарской вставал вопрос о сочетании диктатуры и демократии, хотя и на иной классовой основе.

---

[71] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 11.

В 1918 г. в Советской России началась гражданская война, не менее ожесточенная, чем гражданская война 1793 г. во Франции. Ленин заявлял, что «гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»[72]. Но если якобинцы в аналогичной ситуации... отказались от введения в действие разработанной ими демократической конституции, то большевики поступили иначе. Собравшийся в июле 1918 г. в Москве V Всероссийский съезд Советов принял первую советскую конституцию — Конституцию РСФСР, которая законодательно закрепила диктатуру пролетариата в форме Советской власти, обеспечила всем трудящимся широкие политические права и реальное участие в управлении государством. В чем же выразились ограничения формальной демократии? В том, что Конституция РСФСР лишила эксплуататоров права избирать и быть избранными в Советы, а также в том, что выборы в Советы являлись не вполне равными (рабочие имели преимущество перед крестьянами в нормах представительства) и непрямыми. Этих ограничений оказалось достаточно, чтобы не позволить эксплуататорам пользоваться советской демократией в своих интересах.

Сила политического строя, оформленного Конституцией РСФСР, заключалась в том, что в нем сочетались революционная диктатура против эксплуататоров с невиданной еще демократией для широких народных масс. Выборность и сменяемость всех органов власти снизу доверху и всех должностных лиц, демократические формы контроля над ними, право рабочих и крестьян отзывать своих депутатов и прочие демократические принципы были законодательно закреплены и строжайше соблюдались в условиях гражданской войны, т. е. в таких условиях, в которых Робеспьер считал невозможным существование какой-либо демократии, какой-либо конституции. «Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся, — гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику...»[73] — такими словами Ленин определял тогда задачи партии в области государственного строительства.

Но именно эта задача соединения диктатуры с демократией, гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику, которую в иной исторической обстановке, на гораздо более высоком уровне общественного развития, с таким успехом решили Ленин и большевики, — была совершенно чужда якобинцам с их буржуазно ограниченными взглядами на диктатуру.

Сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу, что как новые факты и материалы о взаимоотношениях между якобинцами и народными массами, так и действительно научный анализ

---

[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч, т. 37, стр. 57—58.
[73] Там же, стр. 63.

взглядов Ленина по этому вопросу требуют по-новому оценить природу якобинской власти. Если в прошлом, когда фактическая история Французской революции была изучена еще недостаточно, многие историки-марксисты оценивали якобинскую диктатуру как в какой-то мере власть общественных «низов» (в коалиции с теми или иными элементами буржуазии), то теперь представляется достаточно обоснованным, что на высшем этапе этой революции сложилось своеобразное двоевластие. Секции и Коммуна Парижа представляли зачаток власти общественных «низов», обладавшей чертами революционно-демократической диктатуры. Конвент и его комитеты представляли власть революционной буржуазии, также носившей характер диктатуры, но диктатуры иного типа, чем тот, который олицетворяли Коммуна Парижа и ее секции.

Представляется достаточно обоснованным и тот вывод, что именно санкюлотское движение выдвинуло наиболее передовую и наиболее отвечавшую интересам дальнейшего развития и углубления буржуазно-демократической революции социально-экономическую и политическую программу. Ошибаются те историки, которые считают, что, перейдя с осени 1793 г. к политике массового террора, якобинцы якобы усвоили «плебейскую линию» в революции. «Плебейская линия» — это не только и не столько террор, сколько и главным образом линия на раздробление крупных поместий и ферм, на уравнение имуществ, на укрепление «прямой демократии», та линия, которая натолкнулась на сопротивление всей буржуазии, в том числе и якобинской буржуазии. К осени 1793 г. якобинцы и Гора окончательно перешли на положение своеобразного «центра» революции, когда они, продолжая активно бороться с силами правого лагеря, уже стали побаиваться своего союзника слева и принимать меры к тому, чтобы обуздать и «дисциплинировать» санкюлотское движение.

В настоящее время мы не переоцениваем социально-экономические итоги Французской революции. Феодальное общество и такие его институты, как сеньериальный строй в деревне и цеховой строй в промышленности, были разрушены. Разумеется, это составляло величайшее историческое завоевание. Вместе с тем аграрные итоги этой революции не являлись столь радикальными, как это представлялось раньше. Превращение церковных земель в национальные имущества, конфискация части дворянских земель, распродажа этих имуществ и земель означали наиболее крупное в истории Франции перемещение земельной собственности. Но главные выгоды из этого перемещения извлекло не трудовое крестьянство, а городская и сельская буржуазия. Мелкая крестьянская собственность избавилась от феодальных уз и увеличилась количественно. Все же она не стала господствующей формой землевладения. Дворяне сохранили в своих руках значительную часть земли. В большой степени

выросло крупное буржуазное землевладение. Революция не только не ослабила, но укрепила крупное землевладение, утратившее свой феодально-сословный характер и получившее типично буржуазное правовое оформление. Основная масса мелких и мельчайших крестьян вышла из революции, испытывая острую земельную нужду. Характерной чертой аграрного строя Франции стало сосуществование мелкого крестьянского хозяйства и крупной буржуазно-помещичьей собственности, земельный голод крестьянства и его зависимость от буржуазии.

Несомненно, что одной из причин этого была и буржуазно ограниченная аграрная политика якобинцев, которые также воспротивились осуществлению «аграрного закона», как и предшествовавшие им правительства. В новейших исследованиях историков-марксистов (прежде всего у Собуля, который уделил большое внимание и аграрному вопросу) положение о буржуазной природе власти якобинцев и положение о буржуазно ограниченных аграрных итогах революции увязаны воедино, знаменуя более глубокое проникновение марксистской научной мысли в существо тех процессов, которые тогда происходили.

В. К. Фураев

В. И. ЛЕНИН И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ США

Идейно-теоретическое наследие В. И. Ленина, творческое применение марксизма-ленинизма Коммунистической партией Советского Союза и другими коммунистическими партиями оказали огромное воздействие на развитие прогрессивной общественно-политической мысли в США, в частности на формирование марксистского направления в американской историографии. На основе революционной теории и методологии, выработанной К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, в Соединенных Штатах возникла и окрепла передовая историографическая школа, принципиально отличающаяся от буржуазной исторической науки.

Первые шаги в освещении истории США с позиции рабочего класса были сделаны американскими марксистами и левыми социалистами еще в конце XIX — начале XX в.[1] Но только после победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования Коммунистической партии США стало возможным появление в Соединенных Штатах целой плеяды марксистских историков. Особенно значительный рост прогрессивного направления в изучении прошлого и настоящего США произошел после второй мировой войны. Этот процесс непосредственно связан с коренными изменениями в соотношении сил на международной арене в пользу социализма. Торжество марксистско-ленинских идей, получившее наиболее полное выражение в создании и укреплении мировой социалистической системы, стало сильнейшим стимулятором распространения коммунистического мировоззрения во всем мире. Творческое развитие марксизма-ленинизма коммунистическими и рабочими партиями, достижения ленинского этапа исторической науки в СССР и

[1] См.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, стр. 335—336, 508—511.

других социалистических странах в значительной мере благоприятствовали успехам американских историков-марксистов.

Развитие марксистского направления в историографии США протекало в условиях обострения социальных антагонизмов в крупнейшей капиталистической стране, углубления кризиса внутренней и внешней политики американского империализма. Борьба рабочего класса и негритянского народа, рост массовых демократических движений настоятельно требовали от прогрессивных ученых написания правдивой истории Соединенных Штатов, свободной от приукрашенного изображения, созданного официальной историографией. Задача заключалась в том, чтобы на примере американской истории показать интернациональный характер и огромную жизненную силу марксистско-ленинского учения о классовой борьбе, вооружив таким образом передовую часть рабочего класса умением разбираться в расстановке борющихся сил, видеть историческую перспективу, творчески применять теорию марксизма-ленинизма в конкретных условиях США.

Перед американскими историками-марксистами жизнь выдвинула немало сложных проблем, разрешение которых потребовало преодоления серьезных трудностей. Прежде всего, необходимо было сосредоточить внимание на тех сторонах исторического процесса, которые оставались вне поля зрения буржуазных исследователей или освещались ими искаженно. Речь шла об участии народных масс в войне за независимость и в гражданской войне, о происхождении рабочего класса и его борьбе против капиталистического гнета, о негритянском освободительном движении, о специфике развития американского капитализма и подлинной роли монополистических объединений в жизни общества. В связи с этим от историков-марксистов потребовалась не только критическая переработка материалов, приведенных буржуазной историографией, но и изучение новых источников, научное истолкование вводимых в обращение документов, диалектико-материалистическое понимание впервые исследуемых исторических проблем.

Круг американских историков-марксистов невелик. Их научно-исследовательская деятельность неразрывно связана с борьбой Коммунистической партии США, ее идеологической работой, с партийной печатью. Естественно, что труды, вышедшие из-под пера марксистских ученых, отражают эволюцию во взглядах компартии на различные этапы новой и новейшей истории Соединенных Штатов, изменения в уровне теоретической разработки актуальных проблем развития американского народа.

Прогрессивной исторической мысли нелегко прокладывать себе дорогу сквозь атмосферу господства буржуазной идеологии, пропитанной духом антикоммунизма. Преобладание в рабочем классе США мелкобуржуазных иллюзий, распространение расистских и националистических предрассудков создает

значительные трудности в формировании читательской общественности, способной воспринимать марксистскую концепцию исторического процесса. Неизбежной стала упорная, непримиримая борьба ученых-марксистов против всякого рода буржуазных и оппортунистических теорий. Несмотря на все трудности объективного и субъективного характера, марксистско-ленинское направление в американской историографии уверенно развивается.[2]

Данная статья, разумеется, не претендует на рассмотрение всех проблем, получивших освещение в марксистской историографии США. Она касается лишь основных вопросов внутренней истории страны, анализ которых в наибольшей степени обусловлен влиянием идей ленинизма и ленинской методологии научного исследования.[3]

Победа Октябрьской революции оказала большое влияние на рабочее движение США и вызвала у американских трудящихся огромный интерес к невиданным социально-экономическим преобразованиям, осуществлявшимся в Советской России. Октябрьская революция доказала правильность большевистской стратегии и тактики, по-новому поставила важнейшие теоретические и практические вопросы, волновавшие интернационалистов зарубежных стран. Внимание к статьям и речам В. И. Ленина необычайно возросло. Многие из них печатались в изданиях левого крыла социалистической партии США. Например, журнал «The Class Struggle» в номере за ноябрь—декабрь 1917 г. опубликовал ленинскую работу «Политические партии в России и задачи пролетариата».[4] Нью-йоркское «Socialist Publication Society» выпустило ее затем отдельной брошюрой. В 1918 г. Школа социальных наук при социалистической партии (Rand School) издала брошюру «Советы за работой», содержавшую ленинское произведение «Очередные задачи Советской власти». Брошюра выдержала в течение 1918—1919 гг. пять изданий и разошлась в сотнях тысяч экземпляров. Огромное значение имело опубликование в США ленинского «Письма к американ-

---

[2] О развитии марксистско-ленинской школы в историографии США см.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968, стр. 133—136, 439—443. Краткая характеристика работ американских историков-марксистов дана в монографиях и коллективных трудах советских исследователей: А. В. Ефимов. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. Изд. 2-е. М., 1958, стр. 421—422, 425—426; Очерки новой и новейшей истории США, т. II. М., 1960, стр. 644—655; Л. И. Зубок. Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962, стр. 580—590; И. П. Дементьев. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963, стр. 290—333.

[3] Американскими марксистскими исследователями написан также ряд работ по вопросам внешней политики США (книги Г. Аптекера, Ф. Фонера и др.), по истории международного коммунистического и профсоюзного движения (работы У. Фостера) и другим проблемам. Рассмотрение этих трудов выходит за рамки настоящей статьи.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 593.

ским рабочим». Общий тираж различных его изданий достиг пяти миллионов экземпляров.[5]

В 1919 г. на страницах еженедельника «The Revolutionary Age» увидели свет шесть глав книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Впоследствии (до 1948 г.) этот ленинский труд издавался в США 11 раз. В том же 1919 г. в переводе на английский язык вышли «Крах II Интернационала», «Государство и революция» и другие произведения В. И. Ленина.[6] Общий тираж «Государства и революции», издававшегося в США до 1960 г. тринадцать раз, составил не менее миллиона экземпляров. В конце 1920 г. в Соединенных Штатах вышла из печати книга «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Перевод ее названия страдал неточностью («Детский беспорядок в левом коммунизме»), но уже в следующем издании (1921 г.) ошибка была исправлена. По 1948 г. включительно эта ленинская работа печаталась в США семь раз.[7]

Издание тех или иных ленинских произведений диктовалось политической обстановкой, требованиями времени. Так, в годы второй мировой войны в США была издана работа «Война и революция». Выпуск отдельных трудов В. И. Ленина давал возможность оперативно ответить на актуальные вопросы, выдвигаемые жизнью. Произведения В. И. Ленина помимо Нью-Йорка издавались в Вашингтоне, Чикаго, Бостоне, Детройте, Далласе. Они выходили не только на английском, но и на тринадцати других языках.[8]

В 1924 г. в Нью-Йорке было основано издательство компартии «International Publishers», организатором и руководителем которого был А. Трахтенберг. С тех пор началось планомерное издание трудов В. И. Ленина в научном переводе. Во второй половине 20-х годов издательство «International Publishers» выпустило серию «Voices of Revolt» в десяти книгах, представлявшую собой собрание избранных статей и выступлений революционных деятелей. Восьмой том этой серии состоял из произведений В. И. Ленина.

Крупным событием в издательской деятельности компартии США была публикация в 1934—1939 гг. «Избранных произведений В. И. Ленина» («Selected Works») в шести томах (12 книгах),

---

[5] R. K. Murray. Red Scare. A Study in National Hysteria 1919—1920. Minneapolis, 1955, p. 46.

[6] См.: А. Г. Киселева, Ю. П. Шарапов. Издание произведений В. И. Ленина в капиталистических странах. В сб.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960, стр. 335, 340.

[7] Там же, стр. 341—342; Г. Боровик. Ленинское слово в Америке. «Правда», 1967, 22 апреля.— Подробнее о распространении в США произведений В. И. Ленина в первые послеоктябрьские годы см.: П. С. Петров. Америка читала В. И. Ленина (1917—1919). «Вопросы истории», 1968, № 11, стр. 55—68.

[8] А. Г. Киселева, Ю. П. Шарапов, ук. ст. В сб.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М, 1960, стр. 349.

переведенных с советского издания шеститомника 1930—1931 гг. К моменту завершения этой публикации было выпущено шесть томов «Collected Works» (в переводе с 3-го русского издания Собрания сочинений В. И. Ленина в 30 томах, вышедшего в свет в 1925—1932 гг.).[9] В 1947 г. в Нью-Йорке вышел в свет двухтомник избранных ленинских произведений.

В связи с завершением издания в СССР Полного собрания сочинений В. И. Ленина издательство «International Publishers» выпустило в 1967 г. «Избранные произведения В. И. Ленина» в трех томах.[10] Помимо основных ленинских трудов в это издание включен ряд работ, впервые опубликованных в Полном собрании сочинений. Научно-справочный аппарат также основан на Полном собрании сочинений В. И. Ленина. Кроме того, издаются тематические сборники по различным проблемам. Таковы, например, сборник произведений К. Маркса и В. И. Ленина, посвященный событиям во Франции в 1870—1871 гг.,[11] сборник произведений В. И. Ленина, объединенных темой «Национальное освобождение, социализм и империализм».[12]

Изучение ленинских трудов, содержащих научный анализ империализма, учение о диктатуре пролетариата и определение путей строительства социализма в СССР, помогло формированию у американских коммунистов правильных представлений о русской революции и перспективах классовой борьбы в США. В произведениях В. И. Ленина дана обстоятельная характеристика закономерностей и особенностей развития капитализма в Соединенных Штатах, классового содержания американской буржуазной демократии, положения в рабочем и социалистическом движении, состояния негритянского вопроса, роли США в империалистической войне. Ленин ответил на актуальные вопросы, стоявшие перед американским рабочим классом. Его работы вызвали глубокий интерес к теории, роль которой недооценивалась прежде многими деятелями рабочего движения США. Широкие возможности изучения ленинского идейно-теоретического наследия и выработка умения творчески применять его в конкретных условиях США несомненно благоприятствовали работе прогрессивных исследователей во всех областях общественных наук.

Для лучшего ознакомления американских читателей с жизнью и деятельностью В. И. Ленина еще в 30-е годы были изданы переведенные на английский язык работы Д. З. Мануильского «Ленин и международное рабочее единство», П. М. Керженцева

---

[9] Сведений о завершении этого издания не имеется (см.: Сокровищница великих идей ленинизма. О Полном собрании сочинений В. И. Ленина. 2-е изд. М., 1968, стр. 205).

[10] Selected Works of V. I. Lenin. In three volumes. New York, 1967.

[11] Karl Marx and V. I. Lenin. Civil War in France: The Paris Commune. New York, 1968.

[12] V. I. Lenin. National Liberation, Socialism and Imperialism. New York, 1968.

«Жизнь Ленина» и другие произведения советских политических деятелей и историков-марксистов.

Активным пропагандистом ленинских идей всегда выступала партийная печать, особенно газета «Daily Worker» и ее преемницы «The Worker» и «Daily World», а также журнал «The Communist» и его преемник «Political Affairs». На страницах коммунистической печати часто публиковались статьи по различным вопросам марксистско-ленинского учения, теории и практики классовой борьбы в США и за их пределами. По мере роста теоретической зрелости компартии США и ее идеологических кадров более обстоятельному анализу с позиций марксистско-ленинской методологии стали подвергаться актуальные проблемы современного развития Соединенных Штатов и перспективы американского пути к социализму. Нельзя не отметить, что в последние годы отдельные номера теоретического органа партии «Political Affairs» были целиком посвящены рассмотрению таких важных вопросов, как «Автоматизация и социальные изменения»,[13] «Коммунизм и религия»,[14] «Пятьдесят лет социализма»[15] (в связи с полувековым юбилеем Октябрьской революции), «Борьба за освобождение негритянского народа».[16] Журнал опубликовал также материалы симпозиума, посвященного теме «Правительство, монополистический капитализм и экономика».[17] Созданию творческой атмосферы, способствующей развитию передовой общественной мысли, несомненно благоприятствовала и публикация в печати материалов обсуждения первого и второго проектов программы Коммунистической партии США.

Рассматривая ретроспективно обстановку, в которой развивалось марксистское направление в историографии США, необходимо учесть и другие стороны идеологической работы американской компартии. Во второй половине 20-х годов и в 30-е годы сложилась традиция проведения коммунистами в крупнейших промышленных центрах страны ежегодных ленинских мемориалов — массовых траурных собраний, посвященных памяти В. И. Ленина. Ораторы, отмечая заслуги В. И. Ленина как величайшего революционного теоретика и практика, рассказывали об осуществлении ленинских предначертаний в ходе борьбы советского народа за построение социализма в СССР, обсуждали насущные вопросы американского рабочего движения, задачи борьбы против подготовки империалистами новой войны. Одной из тем выступлений на этих традиционных январских собраниях была тема «Ленин и американский рабочий класс». Во время мемориалов принимались новые члены в компартию,

---

[13] "Political Affairs", August, 1964.
[14] "Political Affairs", July, 1966.
[15] "Political Affairs", November, 1967.
[16] "Political Affairs", February, 1968.
[17] "Political Affairs", May, June, 1965.

распространялась коммунистическая литература, проводилась подписка на газету «Daily Worker».[18]

Большую роль в распространении марксистско-ленинского мировоззрения сыграли созданные компартией рабочие школы, функционировавшие в 20-е и 30-е годы в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Буффало и других городах. Учебные планы занятий в этих школах предусматривали изучение принципов научного коммунизма, международного коммунистического движения, политической экономии, истории американского рабочего класса, истории русской революции, текущей политики. В помощь изучающим революционную теорию гектографическим способом издавались материалы для чтения к лекциям по марксизму-ленинизму, включавшие ряд работ В. И. Ленина или выдержки из них. В числе изучавшихся ленинских произведений — «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Марксизм и восстание», «О государстве» и др. На занятиях по курсу истории рабочего движения США слушатели знакомились с ленинской работой «Детская болезнь „левизны" в коммунизме».[19]

В течение ряда послевоенных лет (по 1955 г.) в Нью-Йорке успешно работала Школа социальных наук имени Джефферсона, директором которой был известный философ-марксист Г. Селзам. Объединив высококвалифицированные преподавательские силы, школа помогла тысячам американцев постигнуть основы марксистско-ленинского мировоззрения и выработать соответствующий ему метод научно-теоретического мышления. Традиции школы унаследовал Факультет социальных наук, возглавлявшийся видным историком-марксистом Г. Аптекером. На базе Факультета было проведено несколько интересных научных дискуссий.

Одним из первых направлений, разработке которого посвятили свои усилия американские исследователи-марксисты, является история развития капитализма и рабочего класса США. После создания в 1927 г. в Нью-Йорке Ассоциации по исследованию проблем труда (Labor Research Association) работа была поставлена на твердую научную основу. Вокруг Ассоциации, директором которой долгое время был Р. Данн, объединилась группа сотрудников, приступивших к изучению социальных, экономических и политических вопросов в интересах рабочего движения и публикации достигнутых результатов в статьях, брошюрах и книгах. Вскоре увидела свет серия книг «Труд и промыш-

---

[18] Фонды Государственного Музея революции СССР, док. 10301/16 Л785-3А, 12034/103 Л785-3А, 12159/56 Л785-3А, 16691/64 Л785-3А, 29790/2а Д784-3А, 29790/2в Л784-3А.

[19] Там же, док. 12104/84 Д784-11Т, 12104/85 Д784-11Т, 12104/86 Д786-11Т, 12104/93 Д784-11Т, 12140/53 Д784-11Т, 12159/96 Л785/11Т, 13411/3 Д784-11Т, 13411/4 Д784-11Т, 13411/6 Д784-11Т.

ленность».[20] В этих работах развернута картина развития каменноугольной, сталелитейной, автомобильной, текстильной и других отраслей производства, обрисованы условия труда и положение рабочих, показаны методы эксплуатации трудящихся и их борьба против наступления предпринимателей. Не все книги равноценны по содержанию и глубине анализа. Некоторым из них (например, работе Ш. Тодес) свойственна недостаточная политическая острота. Однако подготовленные Ассоциацией книги сыграли свою положительную роль первых работ такого рода, написанных с марксистско-ленинских позиций.

Для массового читателя издательство «International Publishers» предприняло в начале 30-х годов выпуск большой серии памфлетов (около 40 названий), авторы которых в популярной форме рассказывали об основных задачах рабочего движения США, классовых битвах американского пролетариата, борьбе негритянского народа и т. п.[21] В брошюрах, написанных с марксистских позиций, излагалась точка зрения компартии по важнейшим вопросам борьбы рабочего класса в период экономического кризиса 1929—1933 гг. Авторы часто обращались к трудам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, цитировали их, делали экскурсы в историю рабочего движения США, проводили сравнения между тяжелым положением миллионов безработных в Америке и высоким трудовым энтузиазмом советских рабочих, строивших социализм.

Начиная с 1931 г. Ассоциация раз в два года выпускает книги фактов о положении трудящихся США (Labor Fact Book), содержащие ценные обзоры и справочно-статистические материалы об экономике Соединенных Штатов, жизненном уровне и условиях труда рабочих, гражданских правах трудящихся, рабочем, фермерском и негритянском движении, политических партиях и избирательных кампаниях. Заложив основу для систематического изучения текущих проблем экономического и политического развития США, американского рабочего движения, прогрессивные исследователи обратились к истории американского капитализма как в домонополистический период, так и на его современной империалистической стадии.

---

[20] R. W. Dunn. Labor and Automobiles. New York, 1929; G. Hutchins. Labor and Silk. New York, 1929.; R. W. Dunn and J. Hardy. Labor and Textiles. New York, 1931; A. Rochester. Labor and Coal. New York, 1931; C. Todes. Labor and Lumber. New York, 1931; H. B. Davis. Labor and Steel. New York, 1933.— Некоторые книги изданы в русском переводе (А. Рочестер. Труд и уголь в Америке. М.—Л., 1932; Ш. Тодес. Труд и лес. Лесная промышленность и борьба лесных рабочих в САСШ. М.—Л., 1932).

[21] Например: A. Trachtenberg. The History of May Day. New York, 1931; F. Morrow. The Bonus March. New York, 1932; J. S. Allen. Negro Liberation. New York, 1932; G. Hutshins. Women who Work. New York, 1932, и др.

Уже в 30-е годы появляются марксистские работы, посвященные ранней истории США. Д. Харди в своем очерке «Первая американская революция»[22] не только обосновал неизбежность войны североамериканских колоний против английской метрополии, но и, опираясь на ленинское положение о революционной традиции, живущей в американском народе,[23] сделал попытку показать, в чем состоит наследие буржуазной революции XVIII века. Наличие революционной традиции отметил и Г. Морейс, который дал анализ борьбы демократических сил, выступавших против лоялистов-тори, за углубление революции. Автор сумел выявить предпосылки революционно-демократических преобразований.[24]

Научно-популярный очерк, написанный А. Рочестер на основе изучения монографической литературы, познакомил читателей с социально-экономическим развитием колоний и рождением североамериканского государства.[25] Рассматривая пути развития капитализма США, автор останавливается на причинах его бурного роста и внутренних противоречиях. Как отмечает А. Рочестер, «почва, на которой взошли семена американского капитализма, была разнородной. Никакая механистическая теория экономического детерминизма не может объяснить столкновения сил, повлекшего за собой социальные и культурные перемены в истории Соединенных Штатов Америки».[26]

Только марксизм-ленинизм вооружил исследователей теорией классовой борьбы, указал путеводную нить, без которой невозможно установление закономерностей исторического развития. Книга А. Рочестер содержит многочисленные факты, доказывающие, что никакой классовой гармонии среди белых поселенцев не существовало. Вследствие имущественного неравенства в колониях развивалась ожесточенная борьба. Разрушая легенды, созданные буржуазией, идеализирующей колонизацию Северной Америки, автор приводит убедительные иллюстрации к Марксовой характеристике методов первоначального накопления капитала (насилие над индейцами, их вытеснение и истребление; работорговля и негритянское рабство; эксплуатация бедняков и мелких собственников).

Правда, А. Рочестер во многих случаях не делает выводов, которые логически вытекают из приведенных в книге фактов. Так, освещая войну за независимость, она не подчеркивает антифеодального характера американской буржуазной революции

---

[22] J. Hardy. The First American Revolution. New York, 1937.

[23] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 58.

[24] H. Morais. The Struggle for American Freedom: The First Two Hundred Years. New York, 1944.

[25] A. Rochester. American Capitalism. 1607—1800. New York, 1949. Русский перевод: А. Рочестер. Американский капитализм. 1607—1800. М., 1950.

[26] А. Рочестер. Американский капитализм, стр. 146.

XVIII века, на который обратил внимание В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим». Не найдет читатель и вывода о том, что результаты победы американского народа в революционной войне за независимость были присвоены буржуазией, всемерно использовавшей свое господствующее положение для усиления эксплуатации трудящихся масс.

Историку недостаточно собрать факты и систематизировать их. Нужно проанализировать эти факты, дать им обоснование, сделать необходимые выводы в свете марксистско-ленинского учения. Именно это требуется прежде всего от исследователя, руководствующегося революционной теорией.

В трудах либеральных и реакционных авторов, заинтересованных в оправдании господствующей социальной системы, история США освещается односторонне. Она сводится к описанию деятельности президентов и правительств, процветания финансовых магнатов, преуспевания крупнейших корпораций. Буржуазные историки умаляют роль революционных событий прошлого. Они делают это преднамеренно, исходя из современной функции империализма США как международного эксплуататора и жандарма. Множество книг написано для того, чтобы внушить читателю, будто история американского капитализма представляет исключительный пример неуклонного процветания, при котором-де нет почвы для возникновения причин, порождающих классовую борьбу.

Обстановка, сложившаяся в историографии США, поставила в порядок дня неотложную задачу создания марксистских исследований, основанных на глубоком знании источников и правдиво раскрывающих роль народных масс в истории страны, в создании ее материальных и культурных ценностей, анилизирующих возникновение классов и развитие классовой борьбы.

«Американский рабочий класс, — писал выдающийся деятель американского и международного рабочего движения, крупный историк-марксист У. Фостер, — остро нуждается в хорошем марксистском труде по общей истории США, в котором четко излагалось бы прошлое страны, объяснялось отношение нации к остальному миру и определялось, в каком направлении она развивается в современной сложной международной обстановке».[27] Сам У. Фостер в 1951 г. опубликовал «Очерк политической истории Америки», в котором впервые с марксистских позиций в сжатом виде изложена политическая история народов Северной, Центральной и Южной Америки за последние пять столетий.[28] Собственно истории США посвящена лишь часть

---

[27] Цит. по статье У. Фостера «На заре американской истории», послужившей предисловием к кн.: Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра. Пер. с англ. М., 1961, стр. 5.

[28] W. Z. Foster. Outline Political History of the Americas. New York, 1951. Русский перевод: У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. 2-е изд. М., 1955.

этого труда, причем рассматривается она в неразрывной связи с развитием других стран американского континента. Фостер убедительно показал, что вся история Америки — это история непрекращающейся классовой борьбы, которая на определенных этапах принимает подлинно революционный характер. Автор дал анализ причин быстрого развития капитализма в США и его характера, отметил достижения американского народа в борьбе за демократию, против реакционных сил. Множество сложных исторических проблем, рассмотренных в книге, и обширные хронологические рамки исследования вынудили автора иногда ограничиваться предельно краткими рассуждениями по тем или иным вопросам. Но Фостер высказал немало соображений творческого характера, которые стимулируют дальнейшую разработку американской истории. [29]

Талантливый, разносторонне эрудированный историк-коммунист Г. Аптекер взялся за создание 12-томной «Истории американского народа». Первые два тома, посвященные колониальному периоду и американской буржуазной революции XVIII века, получили высокую оценку прогрессивной научной общественности и составляют значительный вклад в создание марксистской истории США.[30]

Аптекер проследил процесс развития американского народа от истоков колонизации до социально-экономических последствий революции XVIII века. Отличительная черта его исследования — глубокий анализ внутренних классовых конфликтов. История США предстает перед читателем как история жестокого ограбления и истребления коренных жителей Америки — индейцев, которые вели самоотверженную борьбу вплоть до второй половины XIX века. Развитие Северной Америки в колониальный период — это цепь многочисленных социальных потрясений: восстания рабов-негров, забастовки белых свободных рабочих, выступления рабочих, находившихся в долговом рабстве, борьба бедных фермеров против ростовщиков и сборщиков налогов. Аптекер ярко показывает две основные линии в общественной жизни того времени: нараставший конфликт между колонистами и английской аристократией, с одной стороны, и усиление антагонизма между низшими слоями общества и растущей американской буржуазией — с другой.

Автор аргументированно объяснил, почему богатая и могущественная Англия потерпела поражение в борьбе с колониями,

---

[29] См. также: У. Фостер. О задачах историков-марксистов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 183.

[30] H. Aptheker. A History of the American People. The Colonial Era. New York, 1959; Его же. A History of the American People: An Interpretation. The American Revolution. 1763—1783. New York, 1960. Русский перевод: Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра. М., 1961; Его же. История американского народа. Американская революция. 1763—1783. М., 1962.

которые были значительно беднее и экономически слабее метрополии. Оценка причин, характера, движущих сил и развития американской революции, обстановки, в которой она произошла, ее итогов и последствий дана Аптекером с четких марксистских позиций. Историк убедительно показывает, что война за независимость в полной мере оправдывает характеристику, данную ей В. И. Лениным как «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного. . .».[31] Вместе с тем труд Аптекера объясняет, почему в США утвердилась политическая власть буржуазии, насаждавшей угодные ей порядки, нравы, традиции, а «народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве. . .».[32]

Внимание исследователя сосредоточено не только на борьбе общественных сил, но и на таких важных аспектах, как американское Просвещение, процесс формирования американской нации, внешние связи США в годы утверждения их государственности. Все факторы, определившие развитие страны на крутом историческом переломе, рассматриваются, как этого требует диалектический метод, в единстве, взаимосвязи и взаимозависимости. Прогрессивные общественные круги с интересом ожидают появления следующих книг задуманного Аптекером многотомного труда.

Разработка проблем дальнейшего развития США, в частности истории гражданской войны 1861—1865 гг., неразрывно связана с изучением истории негритянского народа, его борьбы против рабства. Первым среди американских марксистов этим вопросам посвятил свои работы Д. Аллен.[33] Он подверг критике реакционных историков, которые открыто или завуалированно идеализировали рабовладельческий строй и извращали роль народных масс, особенно негритянского населения, во второй американской революции 1861—1876 гг. Аллен с марксистских позиций рассмотрел роль буржуазии в гражданской войне. Он впервые в исторической литературе обосновал положение о том, что период Реконструкции (1865—1876 гг.) является вторым этапом буржуазно-демократической революции, первым этапом которой была гражданская война.

Исследователю удалось выявить роль и соотношение классов и партий в процессе Реконструкции, ярко осветить борьбу негров за землю на Юге, возникновение и деятельность массовых политических организаций негритянского народа, попытки

---

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48.

[32] Там же, стр. 49.

[33] J. S. Allen. The Negro Question in the United States. New York, 1936; Его же. Reconstruction. The Battle for Democracy. 1865—1876. New York, 1937 (переиздана в 1955 и 1963 гг.). Русский перевод: Д. С. Аллен. Реконструкция. Битва за демократию в США. 1865—1876. М., 1963.

установления демократических порядков в южных штатах. Рассмотрев борьбу между революцией и контрреволюцией и установив причины победы последней, Аллен показал демократическое наследие Реконструкции и незавершенные революционные задачи, определяемые прежде всего сохранением на Юге пережитков рабства, которые используются монополистической буржуазией, чтобы увековечить систему жестокой эксплуатации и политического бесправия негритянского народа.

Новую ступень в изучении истории негритянского народа США представляют исследования Г. Аптекера. Глубокое знание марксистско-ленинской теории, высокая работоспособность, умение вести острую полемику с идейными противниками — все это благоприятствовало созданию Аптекером серии книг, посвященных анализу классового характера восстаний негров-рабов, участию негров в американской буржуазной революции XVIII века, в аболиционистском движении, в гражданской войне и в Реконструкции, а также борьбе негритянского народа в последующие десятилетия, вплоть до наших дней. [34]

Труды Г. Аптекера, насыщенные неопровержимыми фактами, воссоздают истинную историю негритянского народа, являющуюся составной частью истории США. Ученый-коммунист подверг решительной критике концепции буржуазных исторических школ, извращающих роль негров в жизни страны и преуменьшающих значение их борьбы за свободу и землю. Серьезный удар нанесен и по «теоретическим догмам», созданным расистами для идеологического оправдания угнетения и дискриминации негров.

В течение пятнадцати лет Аптекер вел розыск и выявление источников, свидетельствующих об упорной борьбе американских негров с колониальных времен до начала XX столетия. Несколько сот документов вошли в «Документальную историю негритянского народа в Соединенных Штатах», изданную в 1951 г. [35] Комментарии, написанные Аптекером, содержат на-

---

[34] H. Aptheker. Negro Slave Revolts in the United States. 1526—1860. New York, 1939; Его же. The Negro in the American Revolution. New York, 1940; Его же. The Negro in the Abolitionist Movement. New York, 1941; Его же. The Negro in the Civil War. New York, 1938 (эти четыре работы были впоследствии включены в сб.: H. Aptheker. Essays in the History of the American Negro. New York, 1945); Его же. American Negro Slave Revolts. New York, 1943; Его же. To Be Free: Studies in American Negro History. New York, 1948; Его же. Toward Negro Freedom. New York, 1956; Его же. The Negro Today. New York, 1962. Русский перевод: Г. Аптекер. Американский негр сегодня. М., 1963.— Недавно увидела свет первая научная работа Г. Аптекера о восстании Ната Тернера, написанная в 1937 г. (H. Aptheker. Nat Turner's Slave Rebellion: the Environment, the Event, the Effects. New York, 1966).

[35] A Documentary History of the Negro People in the United States. Ed. by H. Aptheker. New York, 1951. — В 1969 г. вышло новое издание этой публикации с новым предисловием и библиографией. Аптекер опубликовал с комментариями полный текст появившегося в 1829 г. знаменитого памфлета Дэ-

учную оценку исторических событий и обстановки, в которой они происходили.

Большую работу по изданию сборников статей и речей Фредерика Дугласа — выдающегося мыслителя, оратора, публициста и политического деятеля, подлинного вождя негритянского народа — проделал видный историк-марксист Ф. Фонер. Его перу принадлежит биографический очерк, в котором деятельность Дугласа рассматривается в неразрывной связи с аболиционистским движением, гражданской войной и Реконструкцией.[36] Американским марксистским исследователям удалось убедительно раскрыть «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны»,[37] о котором писал В. И. Ленин.

Используя высказывания В. И. Ленина об угнетенном положении негров в США, активный организатор негритянских профсоюзов, участник рабочего движения Г. Хейвуд показал исторические, социально-экономические и классовые корни расовой дискриминации, дал анализ социальных отношений на Юге.[38] Автор пришел в своей книге к правильному выводу относительно необходимости союза растущего негритянского пролетариата с белыми рабочими как основного условия полного освобождения негров, хотя и допустил ряд ошибочных положений (о путях разрешения аграрного вопроса в южных штатах, о значении Реконструкции).

Крупный вклад в изучение негритянской проблемы внес У. Фостер, выступивший с большим научным трудом, который освещает с марксистско-ленинских позиций историю негритянского народа США в непосредственной связи с основными этапами развития страны.[39] «Книга Фостера, — писал в предисловии к ее русскому изданию известный советский ученый проф. Л. И. Зубок, — основана на глубоком и серьезном синтезе и анализе всего богатого литературного и документального наследства историков и политических деятелей марксистов по негритянскому вопросу и критическом использовании буржуазной историографии».[40] Несомненной заслугой Фостера является

вида Уокера «Призыв», который звал негров подняться на борьбу против рабства, за свободу и гражданские права (H. Aptheker. One Continual Cry. David Walker's Appeal to the Colored Citizens of the World. 1829—1830. Its Setting and Its Meaning. New York, 1965).

[36] Ph. S. Foner. The Life and Writings of Frederick Douglass. Vol. I—IV. New York, 1950—1955. Биографический очерк, соответствующие разделы которого напечатаны в каждом из томов, впоследствии вышел отдельным изданием: Ph. S. Foner. Frederick Douglass. New York, 1964.

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 58.

[38] H. Haywood. Negro Liberation. New York, 1948. Русский перевод: Г. Хейвуд. Освобождение негров. М., 1950.

[39] W. Z. Foster. The Negro People in American History. New York, 1954. Русский перевод: У. З. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.

[40] У. Фостер. Негритянский народ.., стр. 7.

выявление источников революционных традиций американских негров, борьба которых преисполнена самоотверженности, мужества, героизма и стоила огромных жертв.

Обращает на себя внимание оценка Фостером принципиальных сдвигов в осмыслении передовой частью рабочего класса значения негритянского вопроса и определении перспективы его решения под влиянием идей ленинизма. «Американские левые, — писал автор, — не смогли дорасти до правильного понимания негритянского вопроса, пока они не начали читать Ленина, а это имело место уже после революции в России. Одной из самых явных идеологических слабостей левого крыла во всей его истории было то, что оно медленно осознавало политическое значение и особую важность негритянского вопроса в Соединенных Штатах».[41] Только Коммунистическая партия, извлекая необходимые для себя уроки из ленинского учения, смогла постепенно прийти к выработке научной программы по негритянскому вопросу. В 1928—1930 гг. американские коммунисты сформулировали политическую линию, в основу которой легло признание того факта, что негритянское население, проживающее в так называемом «черном поясе», является угнетенной нацией, имеющей право на самоопределение, а негры, проживающие на Севере и Западе, представляют собой национальное меньшинство. Этот вывод был сделан с учетом положения негритянского народа в 20-е годы и соответствовал уровню марксистской теоретической мысли в то время. Как подчеркивает Фостер, линия компартии «целиком соответствовала также историческому стремлению негритянского народа Соединенных Штатов к своему формированию в нацию и национальному самоопределению».[42]

В книгах Д. Аллена, Г. Хейвуда, У. Фостера, а также в сборнике статей и речей Д. Форда[43] на конкретном материале обосновывается и защищается позиция компартии, хотя Фостер, работа которого вышла в 1954 г., уже признает, что специфической формой самоопределения негритянского народа может сделаться пропорциональное представительство негров в выборных и назначаемых политических органах.[44]

Изменения в жизни страны, сдвиги в негритянском движении, наконец, опыт, накопленный за три десятилетия, позволили коммунистам на XVII съезде компартии (1959 г.) сделать новые теоретические и практические выводы. Как отмечено в резолюции съезда, негры в США не являются отдельной нацией, а «представляют собой наиболее угнетаемую и эксплуатируемую группу среди всех народов, составляющих американскую на-

---

[41] Там же, стр. 525—526.
[42] Там же, стр. 605.
[43] J. W. Ford. The Negro and the Democratic Front. New York, 1938.
[44] См.: У. З. Фостер. Негритянский народ.., стр. 743.

цию». Поскольку негритянский вопрос это не проблема угнетенной нации, борющейся за свой национальный и государственный суверенитет, компартия сняла лозунг самоопределения. Решение негритянского вопроса в США заключается, по мнению компартии, «в возможно более быстром и полном предоставлении негритянскому народу подлинно равного экономического, политического и социального положения со всеми другими американскими гражданами... Обеспечение победы на главных участках борьбы за политическое, экономическое и социальное равенство негров и против расовой сегрегации и дискриминации является необходимой предпосылкой для быстрого укрепления единства рабочего класса, его классового самосознания, политической инициативы рабочего класса и возглавляемых передовым рабочим классом политических действий, направленных против монополий. Это подготовило бы путь к широкому внедрению социалистической и коммунистической идеологии в рабочее движение».[45] Вывод, сделанный съездом, и вытекавшие из него конкретные задачи означали новую ступень творческого понимания негритянского вопроса в США в свете непрерывно развивающегося марксистско-ленинского учения.[46]

Проблемы современного негритянского движения освещены в работах руководящих деятелей коммунистической партии США — Г. Холла, Г. Уинстона, Д. Джексона, К. Лайтфута.[47] Труды марксистских авторов открыли негритянскому народу подлинную историю его борьбы за национальное и социальное освобождение. Они помогают американским неграм лучше осмыслить формы, методы, цели и перспективы современного негритянского движения. Своими работами историки-марксисты способствуют деятельности прогрессивных сил США, направленной на постепенное преодоление расистских предрассудков, которые распространены во всех сферах американского общества и оказывают пагубное влияние на культуру и образ жизни.

Вооруженные революционной теорией, американские марксисты достигли значительных результатов в изучении истории рабочего движения США. Эта часть американской истории,

---

[45] XVII Национальный съезд Коммунистической партии США (10—13 декабря 1959 г.). М., 1961, стр. 154, 174—175.

[46] Решения XVIII (1966 г.) и особенно XIX (1969 г.) съездов Коммунистической партии США, а также новая программа партии содержат всесторонний анализ национального, расового и классового аспектов негритянского вопроса, определяют политику и тактику компартии в отношении негритянского движения и перспектив его развития.

[47] G. Hall. Marxism and Negro Liberation. New York, 1951; H. Winston. Negro-White Unity Key to Full Equality, Negro Representation, Economic Advance of Labor—Black und White. New York, 1967; J. Jackson. U. S. Negroes in Battle: from Little Rock to Watts (A Diary of Events 1957—1965). M., 1967; C. Lightfoot. Ghetto Rebellion to Black Liberation. New York, 1968.

имеющая важное значение для миллионов людей, «часто остается нераскрытой в силу классового предубеждения ученых-историков, а ведь сами люди труда редко пишут историю рабочего движения».[48]

Первые крупные работы по проблемам борьбы американского рабочего класса вышли из-под пера У. Фостера. Еще в 1920 г. под свежим впечатлением событий он написал книгу о забастовке рабочих сталелитейной промышленности и ее уроках.[49] В последующие годы Фостер опубликовал ряд крупных работ по проблемам профсоюзного, социалистического и коммунистического движения США.[50] От одной книги к другой росла научно-теоретическая зрелость Фостера как историка-марксиста, которого непрерывно обогащал личный опыт революционной борьбы.[51]

В 20-е и 30-е годы появляются, правда немногочисленные, работы и других марксистских авторов по отдельным вопросам рабочего движения (о наступлении предпринимателей на права профсоюзов, о применении принудительного труда в США и т. д.).[52] Первую попытку осмыслить с позиции научного социализма историю американского рабочего класса предпринял А. Бимба.[53] Написанный им очерк дает представление о возникновении рабочего класса и его борьбе вплоть до конца 20-х годов нынешнего столетия. Однако автор уделил основное внимание организационным формам рабочего движения и забастовочной борьбе, не связав их с экономическим и политическим развитием США. Скупо освещено рабочее движение до образо-

---

[48] Р. О. Бойер и Г. М. Морейс. Нерассказанная история рабочего движения. Пер. с англ. М., 1957, стр. 22.

[49] W. Z. Foster. The Great Steel Strike and Its Lessons. New York, 1920.

[50] W. Z. Foster. Bankruptcy of the American Labor Movement. New York, 1922. Русский перевод: В. Фостер. Банкротство классового сотрудничества в Америке. Ростов н/Д—М., 1923; W. Z. Foster. Misleaders of Labor. New York, 1927. Русский перевод: В. Фостер. Профжулики в САСШ (Американская профбюрократия за работой). М., 1928; Его же. From Bryan to Stalin. New York, 1937; Его же. American Trade Unionism. Principles and Organization, Strategy and Tactics. New York, 1947.

[51] Обзор исторических трудов Фостера дан в статье: Л. И. Зубок. Уильям З. Фостер как историк. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 129—135, а также в брошюре: А. А. Гречухин. Уильям З. Фостер. М., 1959, стр. 54—74.

[52] R. Dunn. The Americanization of Labor. The Employers' Offensive against the Trade Unions. New York, 1927; W. Wilson. Forced Labor in the United States. New York, 1933, и др.

[53] A. Bimba. The History of the American Working Class. New York, 1927 (книга переиздавалась, 3-е издание с дополнениями и изменениями вышло в 1934 г.). Русский перевод: А. Бимба. История американского рабочего класса. М., 1930. Бимба написал также работу, в которой на историческом примере борьбы американских рабочих в 70-х годах XIX в. разоблачил приемы и методы наступления буржуазии на интересы трудящихся (A. Bimba. The Molly Maguires. New York, 1932. Русский перевод: А. Бимба. Молли Магвайрс. Из истории рабочего движения США. М., 1950).

вания Американской федерации труда (АФТ). Недостаточно вскрыто прислужничество ее лидеров перед магнатами монополистического капитала. На содержании книги отразились ограниченность источниковедческой базы автора и слабость научного анализа.

Прошло немало лет, прежде чем Ф. Фонер, затративший огромные усилия для изучения разнообразных источников, в том числе документов из архива АФТ, многие из которых были впоследствии уничтожены, так как компрометировали Гомперса и его окружение, приступил к написанию многотомной истории рабочего движения в США. Вышедшие из печати четыре тома [54] воссоздают достоверную картину зарождения и развития американского пролетариата, его активного участия в демократических и социальных битвах народа, в политической жизни страны, возникновения и деятельности тред-юнионов и рабочих партий, распространения марксизма в США и образования социалистических организаций. Опираясь на произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в которых рассматриваются коренные вопросы рабочего движения США, Фонер написал фундаментальный труд, ярко и убедительно показывающий рост антагонистических противоречий между пролетариатом и буржуазией и усиление классовой борьбы со вступлением американского капитализма в империалистическую стадию.

Содержание первого тома страдало рядом существенных недостатков: некритической оценкой отдельных политических деятелей, идеализацией Джефферсона, Джексона, Линкольна и т. п. Слабой оказалась глава об утопистах. Последующие годы показали, как растет научная и теоретическая зрелость Фонера, который является ныне одним из крупнейших марксистских историков США. Книги Фонера отличаются привлечением неизвестного и малоизвестного документального материала, широтой рассматриваемых проблем, серьезностью их анализа.

---

[54] Ph. S. Foner. History of the Labor Movement in the United States. Vol. 1. From Colonial Times to the Founding of the American Federation of Labor. New York, 1947; Vol. 2. From the Founding of the American Federation of Labor to the Emergence of American Imperialism. New York, 1955; Vol. 3. The Policies and Practices of the American Federation of Labor. 1900—1909. New York, 1964; Vol. 4. The Industrial Workers of the World. 1905—1917. New York, 1965. Русский перевод: Ф. Фонер. История рабочего движения в США. Т. 1. От колониальных времен до 80-х годов XIX в. М., 1949; т. 2. От создания Американской федерации труда до возникновения американского империализма. М., 1958; т. 3. Политика и практическая деятельность Американской федерации труда. 1900—1909. М., 1966; т. 4. Индустриальные рабочие мира. 1905—1917. М., 1969. — Под редакцией и с предисловием Ф. Фонера в 1969 г. издан сборник, содержащий автобиографии восьми мучеников Хэймаркета — лидеров чикагских рабочих, ставших жертвами судебной расправы, организованной буржуазией с целью разгрома движения за установление восьмичасового рабочего дня (The Autobiographies of the Haymarket Martyrs. Ed. and with an introduction by Ph. S. Foner. New York, 1969).

После второй мировой войны марксистская историография США обогатилась ценными работами об истории профсоюзного движения,[55] об изменении структуры рабочего класса,[56] о современных проблемах рабочего движения.[57] С интересной документальной повестью, раскрывающей борьбу американских трудящихся за свои права и роль рабочего движения в жизни страны со времен гражданской войны, выступили Р. Бойер и Г. Морейс.[58]

Особое значение имеет исследование У. Фостером истории Коммунистической партии США, полувековой путь которой служит примером творческого применения марксизма-ленинизма в специфических американских условиях.[59] Фостер сумел объективно оценить разностороннее влияние ленинизма на левое крыло социалистической партии, проследить процесс образования Коммунистической партии, вскрыть достижения и ошибки в ее деятельности. «Стремительный толчок, данный глубокими и всеобъемлющими трудами Ленина и поддержанный громадным размахом русской революции, произвел коренную ломку мышления марксистских сил в Соединенных Штатах, — писал Фостер. — Левые стали быстро переходить на позицию научного коммунизма».[60]

Большое внимание уделено американскими марксистами распространению в США правды о жизни и деятельности В. И. Ленина, об Октябрьской революции, о Советском государстве и мировой социалистической системе. Книги Д. Рида,[61] А. Р. Виль-

---

[55] M. Quin. The Big Strike. Olema, Calif., 1949. Русский перевод: М. Квин. Всеобщая стачка 1934 года в Сан-Франциско. М., 1951; Ph. Bonosky. Brother Bill McKie. Building the Union at Ford. New York, 1953. Русский перевод: Ф. Боноски. Брат Билл Макки (Как был создан профсоюз на заводах Форда). М., 1956; The ILWU Story. Three Decades of Militant Unionism. San Francisco, 1963. Русский перевод: Годы борьбы. М., 1965.

[56] J. M. Budish. The Changing Structure of the Working Class. New York, 1962. Русский перевод: Д. М. Будиш. Изменение структуры рабочего класса США. М., 1963.

[57] G. Morris. American Labor — Which Way? New York, 1961. Русский перевод: Д. Моррис. Основные проблемы рабочего движения в США. М., 1961; G. Morris. Labor and the Menace of Goldwaterism. New York, 1964; Его же. CIA and American Labor: the Subversion of the AFL—CIO's Foreign Policy. New York, 1967.

[58] R. O. Boyer and H. M. Morais. Labor's Untold Story. New York, 1955. Русский перевод: Р. О. Бойер и Г. М. Морейс. Нерассказанная история рабочего движения. М., 1957.

[59] W. Z. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952.

[60] Там же, стр. 155—156.

[61] J. Reed. Ten Days that Shook the World. New York, 1919. (К 50-летию Октября, в 1967 г., издательство "International Publishers" выпустило новое издание книги Рида.) Русский перевод: Д. Рид. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957.

ямса,[62] У. Фостера,[63] Ф. Фонера[64] и других авторов сыграли в этом отношении неоценимую роль.

Огромное познавательное и воспитательное значение имеют изданные в разные годы автобиографические произведения и воспоминания активных участников рабочего и коммунистического движения У. Хейвуда,[65] У. Фостера,[66] Э. Блур,[67] С. Нелсона,[68] Д. Норта,[69] Э. Флинн,[70] сборники статей, речей и писем Ю. Денниса.[71] Те из них, кому довелось встречаться и беседовать с В. И. Лениным, рассказывают о неизгладимом впечатлении от этих встреч, оказавших огромное воздействие как на мировоззрение, так и на всю дальнейшую деятельность автора. Уместно проиллюстрировать это на примере У. Фостера. Как партийный руководитель и марксистский теоретик, он сформировался под непосредственным влиянием встречи с В. И. Лениным на III конгрессе Коминтерна в 1921 г. и обстоятельного изучения ленинских трудов. В автобиографической книге «Страницы из жизни рабочего» Фостер вспоминал: «Мой интерес к Ленину был велик потому, что он оказал глубокое влияние на мою идеологию и мой жизненный путь. Вступив в Коммунистическую партию под воздействием позиции Ленина в профсоюзном вопросе, я был... поглощен чтением его произведений. В течение многих лет я читал различных социалистических и анархо-синдикалистских авторов и имел большой практический опыт

---

[62] A. R. Williams. The Bolsheviks and the Soviets. New York, 1919; Его же. 76 Questions and Answers on the Soviets. Chicago, 1919; Его же. Lenin: the Man and His Work. New York, 1919; Его же. Through the Russian Revolution. New York, 1921. Русский перевод двух последних работ: А. Р. Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960.

[63] W. Z. Foster. The Russian Revolution. Chicago, 1921; Его же. The Twilight of World Capitalism. New York, 1949; Его же. The Historic Advance of World Socialism. New York, 1960, и др. Русский перевод двух последних работ: У. З. Фостер. Закат мирового капитализма. М., 1951 (книга переиздана в 1959 г.); Его же. Исторический прогресс мирового социализма. М., 1961.

[64] Ph. S. Foner. The Bolshevik Revolution. Its Impact on American Radicals, Liberals and Labor. New York, 1967.

[65] Bill Haywood's Book. The Autobiography of William D. Haywood. New York, 1929. Русский перевод: Книга Билля Хейвуда. Автобиография Вильяма Д. Хейвуда. М.—Л., 1932.— В США книга переиздана в 1958 г.

[66] W. Z. Foster. Pages from the Worker's Life. New York, 1939.

[67] We Are Many. An Autobiography by Ella Reeve Bloor. New York, 1940.

[68] S. Nelson. The Volunteers. New York, 1953.

[69] J. North. No Men Are Strangers. New York, 1958. Русский перевод: Д. Норт. Нет чужих среди людей. М., 1959.

[70] E. G. Flynn. I Speak My Own Piece. Autobiography of "The Rebel Girl". New York, 1955; Ее же. The Alderson Story. My Life as a Political Prisoner. New York, 1963. Русский перевод: Э. Г. Флинн. Своими словами. Жизнь бунтарки. М., 1962; Ее же. В Олдерсонской тюрьме. Записки политзаключенной. М., 1964.

[71] E. Dennis. Ideas They Cannot Jail. New York, 1950; Его же. Letters from Prison. New York, 1956. Русский перевод: Ю. Деннис. Статьи и речи (1947—1951). М., 1952; Его же. Письма из тюрьмы. М., 1957.

участия в массовых движениях, но мастерский теоретический анализ Ленина был необычайно новым и предельно убедительным. Мне было легко согласиться с его блестящим анализом империализма, его сокрушающей критикой ревизионизма и анархо-синдикализма, его пониманием диктатуры пролетариата и принять общую программу коммунизма, подтвержденную живой реальностью русской революции и мировой обстановкой вообще. После более чем двадцати лет исканий ощупью я, наконец, благодаря Ленину стал на твердую революционную почву».[72]

С марксистских позиций написан ряд биографических очерков, посвященных виднейшим деятелям американского пролетариата, борцам за социальный прогресс в крупнейшей стране капитализма. К этим работам следует отнести книги К. Обермана о И. Вейдемейере,[73] Ш. Тодес о У. Сильвисе,[74] Г. Морейса и У. Кана о Ю. Дебсе,[75] Ф. Фонера о Д. Хилле,[76] Г. Хикса о Д. Риде,[77] Д. Норта о Р. Майноре,[78] О. Джонсона о Ч. Рутенберге,[79] У. Паттерсона о Б. Дэвисе[80] и др. Обращают на себя внимание рассказы биографов о том, какое влияние оказали труды и революционная деятельность В. И. Ленина на лучших представителей американского рабочего класса.

Вот как воспринял ленинское «Письмо к американским рабочим» Ч. Рутенберг — один из основателей и руководителей Коммунистической партии США. «У Рутенберга, — пишет его биограф О. Джонсон, — было такое чувство, словно он лично получил письмо от великого вождя марксистов, о котором он так много думал долгие месяцы, проведенные в тюрьме. В этом письме Ленин... предстал перед ним как человек, близкий по духу, относящийся с большой теплотой к американским рабочим, обращающийся непосредственно к ним, хорошо знающий их историю и сочувствующий стоящим перед ними проблемам.

---

[72] W. Z. Foster. Pages from the Worker's Life, стр. 295.

[73] K. Obermann. Joseph Weydemeyer, Pioneer of American Socialism. New York, 1947.

[74] Ch. Todes. William Sylvis and the National Labor Union. New York, 1942.

[75] H. Morais and W. Cahn. Gene Debs. The Story of a Fighting American. New York, 1948.

[76] Ph. Foner. The Case of Joe Hill. New York, 1966.

[77] G. Hicks. John Reed. The Making of a Revolutionary. New York, 1936.

[78] J. North. Robert Minor. Artist and Crusader. New York, 1956.

[79] O. C. Johnson. The Day Is Coming. Life and Work of Charles E. Ruthenberg. 1882—1927. New York, 1957. Русский перевод: О. Джонсон. День грядет. Жизнь и деятельность Чарлза Э. Рутенберга (1882—1927 годы). М., 1963.

[80] W. Patterson. Ben Davis: Crusader for Negro Freedom and Socialism. New York, 1966. — В 1969 г. вышла в свет автобиографическая книга Б. Дэвиса, написанная в тюрьме, когда он отбывал заключение по приговору на основании реакционного закона Смита (B. J. Davis. Communist Councilman from Harlem. New York, 1969).

Могучая логика письма В. И. Ленина завоевала умы и сердца тысяч американских социалистов». [81]

Выявляя общие закономерности и национальные особенности рабочего движения США, его сильные и слабые стороны, историки-марксисты отчетливо показали корни оппортунизма, причины политической отсталости рабочего класса при наличии широкого размаха забастовочной борьбы. В свете ленинского положения о том, что «империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата»,[82] Фостер, Фонер и другие исследователи на многочисленных примерах разоблачили теорию и практику классового сотрудничества руководства реформистских профсоюзов с буржуазией, вскрыли разлагающее влияние политики подкупа и идеологического развращения определенных групп рабочего класса.

Ученые-марксисты видят свою задачу в том, чтобы помочь рабочему классу США осознать его историческую миссию в борьбе против монополистической буржуазии, за социальное переустройство общества, опровергнуть буржуазные теории о мнимом исчезновении рабочего класса или об утрате им роли могильщика капитализма. Глубокое понимание законов общественного развития дало марксистским исследователям основание прийти к заключению относительно преходящего характера факторов, которые тормозят рост политической зрелости рабочего класса. Нанеся сокрушительный удар по сторонникам теории американской «исключительности», они сделали вывод о неизбежности перехода США к социализму, хотя этот путь, отличающийся своеобразием, связан с большими трудностями и потребует значительного времени.

Труды марксистских исследователей учат пониманию сложной природы экономических, политических, социальных и культурных сил, действующих в США, без чего невозможна правильная оценка современного процесса общественного развития и выработка прогрессивной позиции по отношению к проблемам, стоящим перед американским народом, и к будущему страны. Поэтому экономистами и историками марксистской ориентации сделано многое для того, чтобы на основе ленинского учения об империализме дать анализ современной стадии развития США, раскрыть, каким путем и за счет чего крупнейшие монополии сосредоточили в своих руках огромные богатства. Для идеологического воспитания рабочего класса очень важно, чтобы он увидел подлинную природу «забытого врага» и понял, что ему противостоит не вымышленный противник — «коммунистическая угроза», а реальный классовый враг — капиталистические монополии, обладающие большой силой и разнообразными

---

[81] О. С. Джонсон, ук. соч., стр. 191—192.
[82] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 404.

средствами, чтобы препятствовать выходу рабочего движения на дорогу самостоятельной политической борьбы.[83]

Наиболее значительные труды, содержащие научный анализ государственно-монополистического капитализма США, тенденций в развитии экономики, ее влияния на положение трудящихся, созданы А. Рочестер,[84] Д. Алленом,[85] В. Перло.[86] Эти же авторы посвятили ряд специальных исследований развитию капитализма в сельском хозяйстве и фермерскому движению.[87] Приведенные в их работах материалы подтверждают ленинский анализ империализма и капиталистического развития сельского хозяйства США, дополняя его новыми данными. Крупный вклад в изучение современной роли американских монополий и в критику различных теорий апологетов «народного» капитализма и историков школы большого бизнеса внесли коллективные работы Ассоциации по исследованию проблем труда,[88] сборники материалов конференций, проведенных Школой социальных наук им. Джефферсона и Факультетом социальных наук[89], а

---

[83] См.: G. Green. The Enemy Forgotten. New York, 1956. Русский перевод: Г. Грин. Забытый враг. М., 1958.

[84] A. Rochester. Rulers of America. A Study of Finance Capital. New York, 1936; Ее же. The Nature of Capitalism. New York, 1946.

[85] J. S. Allen. Who Owns America? New York, 1946; Его же. World Monopoly and Peace. New York, 1946. Русский перевод: Д. Аллен. Международные монополии и мир. М. 1948; Его же. Atomic Imperialism, the State Monopoly and the Bomb. New York, 1952. Русский перевод: Д. Аллен. Атомный империализм, М., 1952.

[86] V. Perlo. American Imperialism. New York, 1951; Его же. The Empire of High Finance. New York, 1957; C. Marzani, V. Perlo. Dollars and Sense of Disarmament. New York, 1960; V. Perlo. Militarism and Industry. Arms Profiteering in the Missile Age. New York, 1963. Русский перевод: В. Перло. Американский империализм. М., 1951; Его же. Империя финансовых магнатов. М., 1958; К. Марзани, В. Перло. Доллары и проблема разоружения. М., 1961; В. Перло. Милитаризм и промышленность. Военные прибыли в век ракетно-ядерного оружия. М., 1963.

[87] J. S. Allen. The Negro Question in the United States. New York, 1936; A. Rochester. Why Farmers Are Poor. The Agricultural Crisis in the United States. New York, 1940. Русский перевод: А. Рочестер. Почему бедны фермеры. Аграрный кризис в Соединенных Штатах Америки. М., 1949; Ее же. Lenin on the Agrarian Question. New York, 1942; Ее же. The Populist Movement in the United States. New York, 1943; V. Perlo. The Negro in Southern Agriculture. New York, 1953. Русский перевод: В. Перло. Негры в сельском хозяйстве Юга США. М., 1954.

[88] Trends in American Capitalism. New York, 1948; Monopoly Today. New York, 1950. Русский перевод: Монополии сегодня. М., 1951; Billionaire Corporations. New York, 1954. Русский перевод: Корпорации-миллиардеры. М., 1954; Apologists for Monopoly. New York, 1955. Русский перевод: Апологеты монополий. М., 1955.

[89] The Economic Crisis and the Cold War. Ed. by J. S. Allen and D. A. Wilkerson. New York, 1949. Русский перевод: Экономический кризис и «холодная война». Сб. матер. под ред. Д. Аллена и Д. Вилкерсона. М., 1950; A. Symposium: Disarmament and the American Economy. Ed. by H. Aptheker. New York, 1960.

также книги Г. Аптекера,[90] Д. Будиша,[91] Х. Люмера[92] и других авторов.

Марксистско-ленинская историографическая школа в США возникла не сразу. Усвоение и практическое применение подлинно научного метода исторического анализа потребовали многих лет упорной работы, накопления знаний и опыта. Американские историки-коммунисты учатся у Ленина мастерству исследования сложнейших проблем прошлого, помогая живущему поколению лучше понять настоящее и осознать свою ответственность перед будущим. У Ленина они учатся умению вести полемику, критиковать идейных противников, давать беспощадный и в то же время глубоко аргументированный отпор фальсификаторам истории, твердо отстаивать коммунистические убеждения. Создание в 1964 г. Американского института марксистских исследований открыло новые возможности для расширения научной деятельности в области истории и других общественных наук.

Марксистский подход к изучению истории США, интерпретация американской истории с позиций классовой борьбы оказали определенное влияние и на взгляды некоторых буржуазных исследователей из числа тех, кто не хотел быть во власти догм, созданных официальной историографией, и стремился избежать предвзятых суждений и выводов.

Воздействие марксистско-ленинской историографической школы испытали и отдельные историки, мировоззрение которых сформировалось задолго до Октябрьской революции. Убедительным примером является выдающийся негритянский ученый и общественный деятель У. Дюбуа, жизненный путь которого закономерно привел его в конце 40-х годов к перелому в общественных взглядах, а в начале 60-х годов — к вступлению в ряды компартии. Новые явления в борьбе негритянского народа, тесные связи Дюбуа с прогрессивными кругами, его неоднократные поездки в СССР имели своим результатом переоценку ученым ряда прежних представлений и, в частности, признание необходимости союза негритянского движения с рабочим классом.[93]

---

[90] H. Aptheker. Laureates of Imperialism. New York, 1954. Русский перевод: Г. Аптекер. Лауреаты империализма. М., 1955.

[91] J. M. Budish. People's Capitalism. Stock Ownership and Production. New York, 1958. Русский перевод: Д. М. Будиш. «Народный» капитализм (Владение акциями и производство в США). М., 1959.

[92] H. Lumer. War Economy and Crisis. New York, 1954. Русский перевод: Х. Люмер. Военная экономика и кризис. М., 1955; Его же. Is Full Employment Possible? New York, 1962; Его же. Poverty. Its Roots and Its Future. New York, 1965. Русский перевод: Х. Люмер. Бедность: ее корни и пути устранения. М., 1967.

[93] См.: У. Э. Б. Дюбуа. Воспоминания. Пер. с англ. М., 1962; The Autobiography of W. E. B. Du Bois: A Soliloquy on Viewing My Life from the Last Decade of Its First Century Ed. by H. Aptheker. New York, 1968.

По достоинству оценивая труды своих коллег — американских историков-марксистов, внесших огромный вклад в разработку подлинно научной истории Соединенных Штатов, советские ученые неоднократно высказывали критические замечания в связи с теми или иными ошибками и упущениями, которые имели место в отдельных работах. Рецензии на книги прогрессивных авторов, предисловия к переводным изданиям на русском языке, как правило, содержат обстоятельный разбор предлагаемых читателю исторических исследований, разбор доброжелательный, но в то же время без каких-либо скидок за счет научной взыскательности. Перевод многих работ американских историков-марксистов на русский язык и большой интерес к ним со стороны советской общественности — красноречивое признание заслуг тех, кто активно борется за духовное раскрепощение американского рабочего класса, избавление его от пут буржуазной идеологии.

К. Б. Виноградов

ЭВОЛЮЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ В СВЕТЕ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА

За последние годы советские ученые создали немало содержательных исследований по истории рабочего движения и лейбористской партии Великобритании и ряду других вопросов английской истории XIX—XX вв. Однако некоторые сложные и интересные проблемы, и среди них история возвышения и последующего упадка одной из «старых» политических партий — либеральной, все еще слабо разрабатываются историками-марксистами.[1]

Многие английские буржуазные историки упорно защищают ненаучную концепцию, согласно которой британская либеральная партия сыграла якобы выдающуюся, если не решающую, роль в достижении политических свобод и социальном прогрессе XIX—XX вв. Она будто бы неизменно и успешно отстаивала интересы демократии, добивалась мира между народами. Одна за другой выходят монографии, посвященные Брайту, Гладстону, Ллойд Джорджу и другим либеральным лидерам. Примечательно, что с крупной работой о премьер-министре последнего либерального правительства Асквите выступил видный лейбористский государственный деятель Р. Дженкинс.[2] В последнее время в связи с известным оживлением активности английских либералов наблюдаются попытки заново подчеркнуть исключительные заслуги либерализма как оплота европейской свободы, цивилизации и культуры. Наметился также пересмотр

---

[1] К числу немногих исключений можно отнести статью историка из Мордовской АССР Л. И. Итяевой «Рабочая политика либеральной буржуазии Англии накануне первой мировой империалистической войны (1906—1914 гг.)» (Уч. зап. Мордовск. гос. ун-та, № 9, сер. истор. наук. Саранск, 1959).

[2] R. Jenkins. Asquith. London, 1964.— Самого Дженкинса газета «Таймс» сопоставила с избранным им героем, отметив присущую им обоим умеренность и неприязнь к «социальным экспериментам» (см.: «The Times», 30 March 1968).

некоторых утвердившихся научных представлений о причинах заката либерализма и либеральной партии.[3]

Верным ориентиром для каждого исследователя, занимающегося судьбами либерализма в Англии, являются теоретические труды и публицистические работы В. И. Ленина. В начале XX в. Ленин несколько раз посещал Англию; он внимательно следил за политической борьбой в этой стране. В 1908—1914 гг. В. И. Ленин написал ряд статей для пролетарских газет, в которых оценивал достижения и недостатки британского рабочего движения, действия правительства Асквита, а также колониальную и внешнюю политику Великобритании. В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин дал научную формулировку особенностей английского империализма, в статье «Империализм и раскол социализма» вскрыл главную тенденцию либеральной рабочей политики, назвав эту политику «ллойд-джорджизмом». В работах и выступлениях послеоктябрьского периода В. И. Ленин также не раз останавливался на вопросах политической тактики британских буржуазных партий. Следует учесть и очень глубокие и ценные высказывания и мысли В. И. Ленина, содержащиеся в его многочисленных трудах, посвященных преимущественно российскому либерализму (начиная с работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»).

Автор настоящей статьи, опираясь на ленинские положения, предпринимает попытку проследить эволюцию либеральной партии Англии в конце XIX — начале XX в.

* *
*

Расцвет либерализма в Англии и «великой либеральной партии» приходится на середину XIX в. Это был период торгово-промышленной монополии Великобритании, преуспевания ее буржуазии, период, когда, по выражению Гладстона, «рост богатств Англии был опьяняющим». Либеральная партия отражала тогда, как отмечал Ф. Энгельс, интересы крупных промышленников.[4] За ней шла также средняя и мелкая буржуазия.

В течение более чем пятидесяти лет — со времени парламентской реформы 1832 г. — либералы и их предшественники виги с короткими перерывами преобладали в политической жизни страны и в палате общин. Сам их приход к управлению Англией в 30-е годы был связан с мощным подъемом демократического

---

[3] См., например: J. Scott Rasmussen. The Liberal Party. A Study of Retrenchment and Revival. London, 1965; T. Wilson. The Downfall of the Liberal Party 1914—1935. London, 1966; P. Rowland. The Last Liberal Governments: the Promised Land 1905—1910. London, 1968.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 476, 477.

движения. Но Ч. Грей и другие лидеры вигов не только не стимулировали его, а стремились сдержать. Страх перед революцией, ненависть к подлинной демократии — характернейшие черты русского либерализма, подмеченные В. И. Лениным, [5] — в значительной мере определяли и политическую линию и тактику вигско-либеральной буржуазии. «Вечными» называл В. И. Ленин «стремления либералов к уступкам старому, к соглашениям с ним, к защите многих коренных устоев старины». [6] Реформа 1832 г. явилась не чем иным, как компромиссом буржуазии с помещиками-аристократами. Последние при попустительстве вигов сохранили серьезные экономические и политические привилегии.

Нередко подобно тори вигские и либеральные кабинеты 30—50-х годов XIX в. обрушивались с репрессиями на революционных рабочих (напомним о преследованиях чартистов). Однако наиболее дальновидные идеологи и практики либерализма уже в ту пору настаивали на более гибкой внутренней политике и отдельных уступках трудящимся. Постепенно либеральная партия вступила на предуказанный ими путь. Но не какая-то особенная приверженность пресловутым «свободам», а трезвый расчет вызвали эти перемены. Либералы стремились нейтрализовать агитацию социалистов, предотвратить образование революционной партии трудящихся. О русских кадетах В. И. Ленин в 1911 г. писал: «Либерал *хочет* расширения свободы, *но так*, чтобы демократия от этого не усилилась...»[7] Столь же ограниченными сторонниками свободы были и столпы британского либерализма. Если трудящиеся в XIX в. мало-помалу добивались расширения своих прав и демократизации политической жизни, то это в большинстве случаев происходило не благодаря либералам, а вопреки им. [8]

Написав на своих знаменах лозунг «Реформа», либералы за 50—60 лет осуществили только несколько политических реформ, сводившихся почти полностью к некоторому, и довольно медленному, расширению круга избирателей в парламент и местные органы самоуправления. В начале XX в. буржуазные деятели и пропагандисты утверждали, что политика реформ предоставила массам все возможности определять государственный курс. «Мы достигли пункта, когда контроль народа над палатой общин становится почти полным», — говорил профессор Г. Мэстерман. «Мы близки ко всеобщему избирательному праву для мужчин», — заявлял К. Илберт. [9] Русские литераторы кадетского толка тоже превозносили политические порядки, царившие в Англии. Ее изображали неким демократическим раем, где народ

---

[5] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 172, 175.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 472.
[7] Там же, стр. 101.
[8] См.: там же, стр. 424.
[9] H. Masterman. The House of Commons. London, 1908, p. 107; К. Илберт. Парламент. Пг., 1915, стр. 47.

с помощью «своего» органа власти — парламента — управляет страной.

Факты не подтверждают эти измышления. В 1901 г. избирательным правом пользовалось примерно лишь 60% мужчин Великобритании, а в рабочих районах крупных городов немногим больше 50%.[10] К тому же уже с конца XIX в. немаловажной чертой политической жизни страны стало усиление власти кабинета министров, бюрократии и партийных лидеров в ущерб праву на законодательную инициативу и праву на критику со стороны депутатов. Парламентские привилегии утратили прежнюю силу в тот самый момент, когда в нижней палате появились, наконец, первые представители рабочих... Процесс падения удельного веса палаты общин и отдельного депутата отмечали в это время С. Лоу и М. Острогорский.[11] Последний писал: «Смелость мнения стала для депутата недостатком, а подчинение — привычкой ума»; самых талантливых депутатов Острогорский сравнивал с гладиаторами, а остальных с автоматами для голосования.[12]

Помимо лозунга «Реформа», либералы оперировали и рядом других звучных призывов. «Прогресс», «свобода», «невмешательство», «экономия», «мир» — вот наиболее употребительные из них. Либеральные лидеры XIX в. доказывали, что именно в Англии все граждане полностью «свободны», а роль государства и его «вмешательства» в частные дела подданных королевы непрерывно сокращаются. На деле «свободное предпринимательство» и «свободная игра» экономических сил приносили выгоды одной буржуазии, а для неимущих слоев населения оборачивались изнурительным трудом на благо капиталистов. На некоторые отличия в использовании государства как «силы для подавления» в Англии (по сравнению со странами континентальной Европы) указывали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. В эпоху после спада чартистской волны британская бружуазия была спокойна за свои тылы и не считала целесообразным расходовать большие средства на содержание армии и полиции. Мероприятия в области «экономии», предпринятые Гладстоном в бытность его министром финансов, многократные заявления либеральных руководителей, направленные против «лишних» затрат и налогов, обеспечивали им дополнительные средства воздействия на избирателей.

Следует вместе с тем признать лицемерными выпады британских буржуазных деятелей против «государства» и военно-полицейских мер, к которым прибегают правительства «других»

---

[10] H. A. Clegg, A. Fox, A. F. Thomson. A History of British Trade-Unionism Since 1889, vol. I. Oxford, 1964, pp. 269—270; H. J. Hanham. The Reformed Electoral System in Great Britain 1832—1914. London, 1968, p. 35.

[11] См.: С. Лоу. Государственый строй Англии. СПб., 1908; М. Острогорский. Демократия и политические партии Англии. М., 1927.

[12] М. Острогорский, ук. соч., стр. 254—255.

стран, но которые будто бы исключены в Англии. Они отводили государству скромную роль «ночного сторожа». Но, как подчеркивал Дж. Ст. Милль, понятие «прогресс» предполагает поддержание основ «порядка» и «безопасности». И английский ночной сторож и при свете дня бдительно следил за тем, чтобы никакие опасности не грозили собственности и буржуазному правопорядку. В случае «нужды», как это было, например, в 80-е годы, насилие применялось в Англии без колебаний.

Либеральная партия провозгласила фритред важнейшим принципом экономической политики. Беспошлинный ввоз и вывоз сырья, продовольствия и фабричных изделий соответствовал интересам английской буржуазии, поскольку она тогда господствовала на мировых рынках и не опасалась иностранной конкуренции внутри страны. Экономическое преобладание Англии, ее превосходство на море помогают понять особенности внешней и колониальной политики либералов викторианского времени. Многие из них возражали против заключения союзов с европейскими державами, не видели смысла в ведении дорогостоящих войн и аннексиях тех или иных заморских территорий. Антиколониализм и миролюбие либеральных лидеров были, впрочем, весьма относительными.[13] Правительство Пальмерстона ведет войны с Россией и Китаем, Кобден и Брайт одобряют свирепые расправы с «мятежниками» в период подавления великого национального восстания в Индии в 1857—1859 гг. В 1882 г. Гладстон, грубо нарушив элементарные принципы международного права, осуществляет захват Египта. Брайт, прослывший наиболее решительным противником применения силы, выходит в отставку, но отказывается публично осудить эту агрессию.[14] Ближайший сподвижник Гладстона У. Харкурт, не раз выступавший против новых аннексий, в 1894 г. от имени кабинета провозгласил присоединение к владениям королевы еще одной африканской страны — Уганды. Многие другие захваты также производились при активнейшем участии либеральных министров и колониальных администраторов. И все же благодаря исключительному лицемерию и изобретательности Гладстона и фаланги буржуазных публицистов за либералами к концу XIX в. сохранилась репутация приверженцев умеренного курса во внешней политике и полюбовного разрешения международных конфликтов.

С середины 80-х годов XIX в. с прежним приоритетом либеральной партии на английской внутриполитической сцене было покончено. Влиятельная группировка, включавшая как бывших «вигов» (во главе с Хартингтоном), так и «радикалов» (руко-

---

[13] Самой значительной из ранних попыток «теоретического» обоснования необходимости и желательности перманентного расширения Британской империи можно считать книгу либерального политика и публициста Ч. Дилка «Greater Britain» (1868).

[14] H. Ausubel. John Bright. Victorian Reformer. New York, 1966, p. 218.

водимых Дж. Чемберленом), порывает с Гладстоном и переходит постепенно в лагерь консерваторов. В основе быстро углублявшегося кризиса британского либерализма лежали причины, связанные с утратой Англией прежней промышленной гегемонии. Длительный экономический спад стал тогда уделом нескольких ведущих отраслей английской индустрии. Серьезные трудности испытывали и многие торговые фирмы. Даже на внутреннем рынке страны появились изделия иностранного производства.

В этих условиях традиционные установки и практическая деятельность либеральной партии перестают удовлетворять заводчиков, банкиров и колониальную буржуазию. Враждебность протекционизму, пассивность в имперских делах, нежелание предпринять крупные ассигнования на военно-морской флот, билль Гладстона о гомруле для Ирландии, угрожающий развалом империи, — все эти действительные или мнимые «прегрешения» либералов оттолкнули от них влиятельные круги. Ф. Энгельс еще в 1874 г. отметил переход «крупных промышленных магнатов» в лагерь консерваторов, а в 1892 г. писал А. Бебелю, что «сила либералов сейчас в той мелкой и средней буржуазии, которая не принадлежит к государственной церкви».[15] Стремясь поправить свои дела, либеральные лидеры выдвинули широковещательную, так называемую Ньюкаслскую программу (1891 г.), в которой сулили народу новые реформы и преобразования. Однако правительство Гладстона—Розбери (1892—1895 гг.) фактически продолжало прежний курс. Несколько разрекламированных биллей, как, например, введение нового налога на наследство, нисколько не затронули позиций имущих классов.[16] Нерешительно велась кампания против палаты лордов. Когда же верхняя палата отвергла очередной проект гомруля, Гладстон не попытался апеллировать к стране и отказался от мысли скрутить английских пэров.

Ф. Энгельс указывал, что либералы по-прежнему препятствуют политической деятельности британских пролетариев и единству рабочих рядов.[17] Они всячески мешают выдвижению и избранию рабочих депутатов; «...либералы продолжают стоять на том, что рабочие должны выбирать *только* буржуа, а не рабочих, и уж во всяком случае не независимых рабочих». Упадок и вырождение либеральной партии, отмечал Ф. Энгельс, вынуждают ее руководителей предпринимать чрезвычайные меры по «улавливанию» голосов рабочих избирателей и идти на известные уступки. Но эти уступки главным образом «мнимые», а не «реальные», подчеркивал он.[18]

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 476; т. 38, стр. 330.
[16] Напомним, что вернувшиеся к власти консерваторы сохранили этот налог.
[17] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 206—207.
[18] Там же, стр. 207. См. также: т. 38, стр. 329—330.

На парламентских выборах 1895 г. либеральная партия, как и предвидел Энгельс, потерпела жестокое поражение. В период англо-бурской войны она по существу раскололась на три группировки. Официальный лидер партии — гладстонианец Г. Кэмпбелл-Баннерман не пользовался авторитетом и не смог предотвратить дальнейший разброд. Его влиятельные соперники — Г. Асквит, Э. Грей и Р. Холден — создали сепаратную организацию (так называемую «Имперскую лигу») и открыто поддерживали агрессию кабинета Солсбери—Чемберлена в Африке. Внимательный наблюдатель писал в 1902 г., что «либеральная оппозиция представляется совершенно жалкой», ее «должна сменить оппозиция рабочая».[19] Немало других публицистов и историков, ссылаясь на упадок либерализма в странах континентальной Европы, предрекали полный и окончательный крах либеральной партии и на Британских островах.

Однако события в Англии приняли иной, на первый взгляд неожиданный, оборот. В 1903—1904 гг. происходит быстрая консолидация разобщенных до той поры либералов, рост их политической активности, идейное и организационное «возрождение» либерализма. В конце 1905 г. либеральная партия вернулась к управлению страной и оставалась у власти до 1915 г. Наступил период «блестящего» правления либералов, вызвавший восторги буржуа и мещан далеко за пределами Англии.

Чтобы понять причины нового политического взлета британской либеральной партии, следует вспомнить, в каком положении находилась Англия в начале XX в. «Викторианская эра» отошла в прошлое. Призрачное благополучие и стабильность внутри страны сменились острыми классовыми конфликтами, испытанная двухпартийная система была нарушена возникновением лейбористской партии. Поколебалось господство английской буржуазии в империи, над которой «не заходило солнце»; даже вековечная власть Британии над морями оказалась под ударом.

В создавшейся сложной обстановке правящие классы Великобритании постарались решить несколько первоочередных задач. На внутреннем фронте они стремятся предотвратить или по крайней мере ослабить вероятный подъем рабочего движения, не допустить образования массовой боеспособной революционной партии, помешать единым действиям пролетариата, тружеников сельского хозяйства, служащих, разорявшейся мелкой буржуазии. В тот период еще трудно было предсказать, как сложится политическая судьба только что родившейся лейбористской партии. Может быть, ее возглавят революционные социалисты, ведь социализм, хотя и медленно,

---

[19] Ш. Сеньобос. Политическая история современной Европы, т. II. СПб., 1903, стр. 761.

завоевывал себе почву в Англии?[20] Английские правящие круги своевременно почувствовали ту тенденцию в британском рабочем движении, которую В. И. Ленин охарактеризовал как переход «к планомерной и самостоятельно-пролетарской политической борьбе».[21] Если продолжать расправляться с забастовочным движением и преследовать тред-юнионы, — а именно так действовало правительство Солсбери, — то эта тенденция может стать преобладающей. Выгоднее вернуться к тактике реформ, изменить на какое-то время рабочую политику.

Орудием этой новой тактики, конечно, не могли быть тори, окруженные ненавистью пролетариев. Только либералы, накопившие огромный опыт обмана масс, могли выполнить новый «социальный заказ».

В области колониальной политики английская буржуазия собиралась подновить здание империи, давшее, как обнаружила война с бурами, немало трещин. Главное же, с точки зрения колонизаторов, заключалось в том, чтобы во всеоружии встретить ожидавшийся бурный прилив антиимпериалистической борьбы порабощенных народов. И тут либералы как мастера политики «кнута и пряника» лучше отвечали требованиям момента. Наконец, важная задача, выдвинутая британским империализмом, состояла в заблаговременной военно-политической, дипломатической и идеологической подготовке к вооруженной борьбе за мировое господство. И для этой цели либеральная партия, похвалявшаяся своим пацифизмом, годилась лучше консерваторов.[22]

Таковы были главные причины, побудившие многие ведущие фракции буржуазии снова поддержать либералов.[23]

Со своей стороны либеральные лидеры попытались приспособить деятельность местных федераций и пропагандистского аппарата к изменившимся условиям. Пришлось пойти на пересмотр некоторых, казалось бы незыблемых, положений либерализма, отказаться от прямой и откровенной борьбы с социализмом. Вскрывая существо немаловажных перемен в тактике

---

[20] Дж. П. Макдональд и его политические единомышленники, с самого начала захватившие руководящие позиции в Комитете рабочего представительства и в лейбористской партии, тоже именовали себя социалистами, но отвергали учение о диктатуре пролетариата и тактику «прямых действий» для уничтожения старых порядков.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 181.

[22] Едва ли можно согласиться с Л. И. Итяевой, что «основой всей политики либерального правительства» была «империалистическая подготовка к войне» (Уч. зап. Мордовск. гос. ун-та, № 9, 1959, стр. 187). Однако бесспорно, что уже правительство Кэмпбелл-Баннермана уделяло этому много внимания.

[23] Мы не касаемся здесь ряда других серьезных обстоятельств, вызвавших определенные сдвиги в лагере буржуазии. Среди них особенное значение имела развернутая Чемберленом кампания за немедленное введение протекционизма. Немало фабрикантов, шахтовладельцев и коммерсантов выступило тогда за сохранение фритреда.

либеральной буржуазии, В. И. Ленин писал, что прошло то время, когда «верящая в свои силы буржуазия» смело и последовательно защищала «либерализм, как цельную систему экономических и политических воззрений». Теперь «вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции, — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции». [24]

В Англии еще в конце 90-х годов XIX в. некоторые либералы стали утверждать, что они приемлют многое из социалистического учения. Старый Харкурт даже говорил: «Мы теперь все социалисты». [25] В объемистом трактате «Либерализм» Г. Сэмюель писал: «Либерал разделяет с социалистом чувство глубокого негодования против зол существующего экономического строя»; подобно социалисту он считает необходимым, чтобы государство приняло «энергичные меры для уврачевания этих зол» и обеспечило всем гражданам «полнейшую возможность вести наилучшую жизнь». Специальную главу Сэмюель посвятил опровержению устаревших представлений о преимуществах «невмешательства», подчеркнув противоположный тезис: «Чем больше государство вмешивается, тем больше свободы». [26] Сочинение Г. Сэмюеля прозвучало как манифест «неолиберализма» или, как тогда часто называли, «социал-либерализма». Установки неолибералов одобрил и такой более чем умеренный лидер, как Асквит. Либеральная партия, заявлял он, — это партия перемен, плывущая «по течению народной жизни», готовая использовать государственный аппарат на пользу трудящихся. [27] Выступая в мае 1904 г., Холден также говорил о коренных отличиях либералов и консерваторов, о том, что «пропасть между ними становится все более и более очевидной». [28]

Либеральный кабинет Кэмпбелл-Баннермана был сформирован в период острых классовых боев во многих странах Европы. Особенное впечатление на передовых британских пролетариев произвела, конечно, героическая борьба рабочих России. Левая английская печать призывала внимательно знакомиться с «русским опытом». Рабочее движение, а также выступление безработных оставались важным фактором политической обстановки в Англии в 1906—1909 гг. Можно ли было игнорировать требо-

---

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 305, 306.

[25] A. Havighurst. Twentieth-Century Britain. Evanston, 1962, p. 19.

[26] Г. Сэмюель. Либерализм. Опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии. М., 1905, стр. 2, 13—43, 194.

[27] См. там же, стр. XXXV—XLI (предисловие Г. Асквита).

[28] The "Eight" Club. Constructive Liberalism. Report of Speaches Delivered by R. B. Halden... London, 1904, p. 23.

вания трудящихся? Не лучше ли успокоить их не слишком щедрыми подачками? Так рассуждали министры либерального правительства, хотя между ними не было единства в вопросе о масштабах этих вынужденных уступок. Если Асквит и «вигские джентльмены» вроде Грея хотели бы ограничиться минимумом, какими-либо жестами, то министры-радикалы, к которым нередко присоединялся и премьер, полагали необходимым предпринять целую серию маневров.

Уже в феврале—марте 1906 г. при обсуждении на заседаниях кабинета и в парламенте вопроса о пересмотре торийского антирабочего законодательства Асквит попытался сохранить в новом либеральном билле те положения, которые ограничивали права тред-юнионов на использование денежных фондов. Проект либералов не удовлетворил лейбористов — они внесли свой билль. Вопреки мнению Асквита Кэмпбелл-Баннерман принял ряд предложений лейбористской фракции.[29] Ставший законом билль «О трудовых конфликтах» в промышленности расширил политические права профсоюзов.

Ведущие деятели радикального крыла считали, что если уж существует лейбористская партия, то следует поладить с ней, «взять на буксир». Нельзя доводить дело до раскола созданного еще в 1903 г. либерально-лейбористского блока, а именно к этому, как обоснованно полагает английский историк У. Адамс, мог бы привести отказ правительства восстановить права тред-юнионов.[30] Нельзя ограничиваться «короткой прогулкой» в область социальных реформ, говорил Ллойд Джордж.[31] Лучше пойти навстречу «разумным» пожеланиям благонамеренных лейбористских и тред-юнионистских лидеров. Еще лучше прочно захватить инициативу в области реформ, держать страну в напряжении, изобретая все новые и новые меры!

В октябре 1906 г. в программной речи в Кардиффе Ллойд Джордж подчеркнул, что либерализм жив и полон сил. Его поддерживают «средние слои». Рабочие тоже превосходно вписываются в традиционную двухпартийную систему... Но правящим кругам страны и верхушке либералов в частности нельзя сидеть сложа руки. Нельзя ждать, пока «рабочая партия расколет древо либерализма и лишит его влаги». Пора всерьез «противодействовать социалистической пропаганде среди рабочих», предпринять ряд социальных реформ и продемонстрировать, что либералы намерены обуздать «землевладельцев, пивоваров и пэров». Оратор намекнул, что если с мнением радикалов не посчи-

---

[29] The Parliamentary Debates. Commons, S. 4, vol. 154, col. 524—525, 1295—1297; vol. 155, col. 82—83.

[30] W. S. Adams. Lloyd George and the Labour Movement. «Past and Present», № 3, February 1953, p. 58.

[31] J. H. Edwards. Life of David Lloyd George, vol. IV. London, 1916, p. 72.

таются, то многие из них и он сам покинут либеральную партию.[32]

Предложения Ллойд Джорджа были приняты другими лидерами либералов, хотя никакого точного плана реформ у кабинета никогда не было. Асквит — британский премьер-министр с весны 1908 г. — не любил Ллойд Джорджа, завидовал его популярности и опасался как соперника. Но он отдавал должное политическому чутью этого гроссмейстера компромиссов и обычно довольно лояльно поддерживал его.

Если за первые 10 месяцев пребывания либералов у власти важным завоеванием трудящихся можно было считать лишь упомянутый закон о трудовых конфликтах, то с конца 1906 г. социальное законодательство несколько расширилось. Прошел закон, позволявший рабочим требовать компенсации после несчастных случаев на производстве. Были приняты меры, ограничившие эксплуатацию детей на предприятиях. Серьезная борьба развернулась по вопросу о сокращении рабочего дня для шахтеров. Горняки требовали восьмичасового рабочего дня. Против выступили фабриканты и заводчики, опасавшиеся повышения цены на уголь. В конце концов правительство провело билль, ограничивший рабочий день шахтеров восьмью часами.[33]

В 1908 г. стал законом и билль о предоставлении государственных пенсий престарелым. Позднее, в 1911 г., Ллойд Джордж провел закон о социальном страховании работников наемного труда на случай болезни, инвалидности и безработицы. Наконец, в 1912 г. парламент принял закон, установивший минимум заработной платы для горняков. Следует еще учесть, что правительство с 1907 г. неоднократно вмешивалось в конфликты труда и капитала (особенно в канун назревавших крупных стачек). Кроме того, в 1909—1910 гг. были организованы специальные «биржи труда», призванные, как твердила либеральная пресса, обеспечить работой всех нуждающихся.

Таковы были основные мероприятия либерального кабинета на поприще реформ. Они вызвали хор похвал европейских либералов и многих социал-демократов. Высоко оценивали курс Ллойд Джорджа «Форвертс» и «Юманите», Э. Бернштейн и Ж. Лонгэ. В России в меньшевистских органах печати тоже замелькали статейки, авторы которых расписывали достижения британских либералов. Но, разумеется, главными апологетами английских либеральных реформаторов в России являлись кадеты. «Русское богатство» и «Речь», Дионео и М. М. Ковалевский, восхищаясь деяниями Асквита и Ллойд Джорджа, предрекали либеральной Англии длительное процветание и непрерывный прогресс. Искаженная версия истории и политики

---

[32] D. Lloyd George. Better Times. London, 1910, pp. 29—36.

[33] См.: Л. И. Итяева, ук. статья. Уч. зап. Мордовск. гос. ун-та, № 9, 1959, стр. 182—183.

либеральных партий в Англии и Европе использовалась русской буржуазией с целью сохранить влияние на массы и для борьбы с революционными силами. В 1907 г. В. И. Ленин отмечал, что «кадеты *начинают уже* вести *практическую* политику в *контрреволюционном* духе».[34] В последующее время эти мнимые демократы и «друзья народа» прилагали все усилия к тому, чтобы предотвратить новый революционный подъем в России, оправдать свой сговор с черносотенцами, доказать, что магистральным путем развития всех стран являются реформы, а не революция.

Большевистская партия вела последовательную борьбу с буржуазной идеологией, разоблачала политический смысл пропаганды либеральной печати. «Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые... должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами», — писал В. И. Ленин в 1911 г. Но «вопреки либеральной проповеди», вопреки стараниям реформистов русский пролетариат будет отстаивать дело «революции демократической и революции социалистической». В. И. Ленин выражал уверенность, что в России «на очередь выдвигается социалистическая революция».[35]

Показывая несостоятельность ссылок русских либералов и их подголосков на пример Англии, В. И. Ленин дал научный анализ политики Асквита—Ллойд Джорджа, вскрыл истинную суть предпринятых ими реформ и обрисовал перспективы британского либерализма. В необычайно глубокой по содержанию статье «Реформизм в русской социал-демократии», к которой мы уже не раз обращались, Ленин выявил главную цель курса либеральной буржуазии: «...реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти».[36]

Этот тезис В. И. Ленин развивал и в других своих работах. Касаясь непосредственно событий в Англии, он показывал, что рабочая политика британских капиталистов является разновидностью одного из главных методов управления, выработанного буржуазией во всех странах. Это «метод „либерализма", шагов в сторону... реформ, уступок и т. д.».[37] Ллойд Джордж способен «проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ...» Он понял, что в XX веке «без масс не обойтись», а массы «*нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и

---

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 191.
[35] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 310, 317, 318.
[36] Там же, стр. 305.
[37] Там же, стр. 67.

популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии».[38]

Внимательное изучение истории Англии эпохи империализма, доступное теперь по многим ценным первоисточникам, в полной мере подтверждает правильность заключений В. И. Ленина. Британские правящие круги шли на реформы не потому, что стремились облегчить участь трудового люда и превратить страну в государство «всеобщего благоденствия», а исходя из далекого политического расчета. Видный консервативный государственный деятель А. Бальфур еще в 1895 г. откровенно говорил: «Социальное законодательство... это не просто нечто отличное от социалистического законодательства, но его диаметральная противоположность и самое действенное противоядие против него».[39] Ллойд Джордж, которому довелось осуществлять это социальное, а на деле антисоциалистическое законодательство, также подчас признавался, что либералы принуждены идти на те или иные уступки под угрозой «урагана» народного негодования и ради того, чтобы укрепить пошатнувшиеся устои буржуазного общества.[40]

Истинные масштабы уступок капиталистов и буржуазного государства трудящимся Великобритании были в целом достаточно скромными. Но либеральные политики и пропагандисты окружили их широчайшей рекламой, сумели «пустить пыль в глаза» общественности. Разоблачая кадетов, которые пытались, хотя и с меньшим успехом, использовать те же приемы демагогии и обмана, В. И. Ленин призывал «искать в *борьбе разных классов* истинной подкладки и правительственных мероприятий и либеральных словоизвержений».[41] «Надо, — писал он в статье „Об обмане народа либералами", — отличать программы буржуазных партий, банкетные и парламентские речи либеральных карьеристов от их действительного участия в действительной народной борьбе. На словах все и всякие буржуазные политиканы, во всех парламентских странах, всегда распинались за демократию, в то же время предавая демократию».[42]

Английские либеральные министры продолжали придерживаться избранной тактики обмана даже в канун первой мировой войны, когда фактически они уже свернули политику реформ. Везде, указывал В. И. Ленин, либеральная буржуазия

---

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176.

[39] Р. Милибенд. Парламентский социализм. М., 1964, стр. 59.

[40] См., например, речи Ллойд Джорджа в январе 1906 г. (H. Du-Parcq. Life of David Lloyd George, vol. III. London, 1912, pp. 448—449), речь в Сити Темпл в октябре 1910 г. (ibid., vol. IV, pp. 766—775) и записку 7 марта 1911 г. (Edwardian England 1901—1914, ed. by S. Nowell-Smith. London, 1964, pp. 89—90).

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 62.

[42] Там же, стр. 463—464.

продолжает уверять, что она занята подготовкой основных демократических реформ. «...Во всех европейских странах» либералы «в официальных выступлениях кричат и божатся, что они — демократы, радикалы (немецкие „свободомыслящие“, Ллойд Джордж и К^0 в Англии)...» Но их истинная политическая физиономия совершенно иная, подчеркивал Ленин, давая убийственную характеристику мнимому радикализму самого известного либерального лидера: Ллойд Джордж, писал он, «изображает себя в речах перед народом прямо революционером и чуть-чуть не социалистом, а на деле сей министр идет в политике за своим вождем, Асквитом, который ни в чем не уступит консерватору».[43]

Важные выводы сформулировал В. И. Ленин в работе «Марксизм и реформизм». «Либеральная буржуазия, — писал он, — одной рукой давая реформы, другой рукой всегда отбирает их назад, сводит их на нет, использует их для закабаления рабочих, для разделения их на отдельные группы, для увековечения наемного рабства трудящихся».[44] В Англии это стало обнаруживаться уже в 1909—1910 гг. Специальные «примирительные палаты», организованные при участии правительственных органов в нескольких отраслях индустрии и на транспорте, и упомянутые биржи труда сковывали активность трудящихся, препятствовали единству их действий даже в пределах одной и той же отрасли промышленности. В декабре 1909 г. лорды-законники вынесли решение по «делу Осборна», означавшее новое наступление на права профсоюзов. Это была попытка помешать тред-юнионам использовать свои денежные фонды для «достижения любых политических целей», сходная с антирабочим законодательством начала XX в. Одновременно при покровительстве судебных властей отдельные рабочие, подстрекаемые закулисной организацией, близкой к бизнесменам, стали предъявлять и добиваться удовлетворения денежных исков к тред-юнионам.[45] Когда же в апреле 1910 г. один из рабочих депутатов нижней палаты внес резолюцию, призывающую пересмотреть решение по «делу Осборна», депутаты-либералы, включая и министров, провалили ее.

В 1910 г. верхушка либералов пошла на закулисные переговоры с торийскими руководителями. В то время содержание этих переговоров хранилось в строгом секрете. Теперь мы знаем, что лидеры двух «старых» партий пробовали сколотить единый антирабочий фронт, а главным инициатором сговора и автором предложения о создании коалиционного правительства с участием консервативных боссов и бизнесменов был не кто иной,

---

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 381, 382.
[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 1.
[45] H. A. Clegg, A. Fox, A. F. Thomson, op. cit., vol. I, pp. 418—419.

как Ллойд Джордж.[46] Оценка его деятельности, данная В. И. Лениным, нашла, таким образом, дополнительное подтверждение.

На протяжении ряда лет В. И. Ленин вел полемику с кадетскими публицистами, пытавшимися поставить знак равенства между либерализмом и демократией. Демократ, подчеркивал Ленин, «*верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы».[47] Асквит и Ллойд Джордж разыгрывали из себя демократов, преследуя те же цели, что и русские кадеты, ради «борьбы с демократией и подавления ее самостоятельности». Называя это нормальным способом «действия всякой либеральной буржуазии во всех капиталистических странах», В. И. Ленин объяснял и смысл подобной игры в демократию: «вывеской демократизма обмануть массы, чтобы *отвадить* их от действительно демократической теории и действительно демократической практики».[48] Английская действительность предвоенной поры иллюстрировала и другой вывод В. И. Ленина: «либеральная» и «прогрессивная» буржуазия «более боится демократии и движения масс, чем реакции».[49] Использование войск и полиции против забастовщиков и манифестантов, убийство рабочих в 1910—1911 гг. в Англии и в 1913 г. во время стачки в Дублине, ряд соглашений с откровенными реакционерами — таковы были некоторые события, ответственность за которые падала на либеральных и «радикальных» министров и британскую либеральную буржуазию в целом.

С 1906 г. английские либералы с большим пылом атаковали архаическую палату лордов. В апреле 1909 г. министр финансов Ллойд Джордж внес на рассмотрение парламента бюджет, предусматривавший незначительные перемены в налогообложении. Это отражало сохранившиеся трения между различными фракциями имущих классов. Началась «борьба» между палатами. Однако если английская демократическая общественность требовала упразднить палату лордов, то правительство вовсе не имело такого намерения. В то время как демократ, писал В. И. Ленин, «отстаивает уничтожение *всех* средневековых привилегий без всякого исключения», либерал «прямо *защищает* некоторые и весьма существенные привилегии...», «защищает политическую свободу и конституцию всегда с урезками (вроде двухпалатной системы и мн. др.)...»[50] Ллойд Джордж отказался от мысли ликвидировать палату лордов, хотя народная

[46] M. Thomson. David Lloyd George. The Official Biography. London, 1948, pp. 192—195; A. Chamberlain. Politics from Inside. New Haven, 1937, pp. 192—193.
[47] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 370.
[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 63.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 472; ср.: т. 22, стр. 48.
[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 48.

поддержка такой меры была обеспечена. Утвержденный в 1911 г. закон о праве «вето» верхней палаты сохранил за лордами возможность надолго задерживать любой прогрессивный законопроект; по мнению американского историка С. Хурвица, этот акт в какой-то мере даже усилил палату пэров.[51] Либеральные лидеры высказывались также за сохранение монархии; Ллойд Джордж, например, считал ее «полезным институтом» и сравнивал короля с «отцом семейства для всех детей империи».[52] Характерно, что эта позиция поддержания остатков средневековья позднее была воспринята правыми лейбористами.[53]

Либеральное правительство Асквита не предприняло никаких решительных шагов и в земельном вопросе. К началу XX в. подавляющая часть земель Великобритании принадлежала лендлордам, которые беспощадно эксплуатировали батраков и арендаторов. Уровень сельскохозяйственной продукции непрерывно падал, поскольку многие земли пустовали или использовались для охоты. Увеличение зависимости страны от завоза продовольствия из-за границы и рост недовольства сельскохозяйственных рабочих и мелких фермеров побуждали как либералов, так и тори выдвигать разного рода проекты аграрных реформ. Особый размах приобрела кампания либералов в 1912—1913 гг., когда в Англии было произнесено множество речей на тему о предстоящем отчуждении части помещичьих земель и грядущем переселении жителей «из смрадных городов» в деревню.

Аграрная кампания британских либералов нашла отклик в России. Ее приветствовала кадетская и меньшевистская печать. Для меньшевиков соответствующая трактовка событий в Англии являлась лишним доказательством желательности блокирования с буржуазией. Мартов утверждал, будто в России дело идет к решительному столкновению буржуазии с помещиками. Тезис большевиков звучал иначе: можно говорить лишь о «*мелких раздорах*» этих двух классов.[54] Опровергая доводы Мартова, В. И. Ленин писал, что «либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно. . .».[55] Поэтому буржуазия вовсе не стремится к коренному решению земельного вопроса в интересах крестьянства.

---

[51] S. Hurwitz. State Intervention in Great Britain. New York, 1949, p. 21.

[52] Earl Lloyd George. Lloyd George. London, 1960, p. 126.

[53] В конце 1968 г. в палате общин большинство депутатов правящей лейбористской партии вместе с консерваторами и либералами голосовало за сохранение палаты лордов. В последнее время правые лейбористы даже не заикаются об упразднении монархии или хотя бы сокращении огромных ассигнований, идущих на содержание «правящей династии».

[54] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 84, 85.

[55] Там же, стр. 87.

В Англии подобное же исторически сложившееся «переплетение» интересов являлось еще более важным фактором экономики и политики. Здесь нередко трудно было отличить лендлорда, владевшего домами в городах и акциями промышленных фирм, от буржуа, имевшего обширные земельные угодья. В силу этих обстоятельств, а также из страха перед демократическим движением либеральная буржуазия только инсценировала намерение ликвидировать «величайшую монополию»— собственность на землю. В статье «Либералы и земельный вопрос в Англии», опубликованной 12 октября 1913 г. в газете «За правду», Ленин вскрыл причины аграрной кампании Ллойд Джорджа и высказал уверенность, что дело ограничится одними обещаниями.[56] Этот научный прогноз полностью оправдался — никакой земельной реформы либеральное правительство не провело.

Большинство современных английских буржуазных историков идеализирует колониальную и внешнюю политику либерального кабинета 1905—1915 гг. Так, А. Баллок и М. Шок заявляют, что либералы добивались превращения империи в «содружество наций», защищали народы Армении, Македонии, Персии, стремились избежать вовлечения в соперничество империалистических блоков.[57] Однако факты никак не подкрепляют такую концепцию. Например, предоставление самоуправления Трансваалю и Оранжевой колонии в 1909 г. означало лишь изменение тактики колонизаторов. Во время обсуждения этого вопроса в английском парламенте поправка одного из левых депутатов о предоставлении полноты прав коренному африканскому населению была отклонена, причем Асквит, выразив сожаление по поводу намеченного дискриминационного законодательства в Южной Африке, сказал, что он не намерен из-за этого срывать достигнутое соглашение с бурами. Действительно, главным содержанием сговора 1906—1910 гг. стала организация единого фронта «белых» против «цветных». Благославляемый либеральными «гуманистами» Южно-Африканский Союз еще в канун 1914 г. становится расистским заповедником.

В большинстве других колоний реформы или разговоры о реформах только прикрывали продолжавшиеся репрессии. Как указывал В. И. Ленин, английская либеральная буржуазия была особенно перепугана «подъемом революционной борьбы в Индии».[58] В 1906—1908 гг. в «Британской Индии» одна расправа следовала за другой. «Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией»,[59] — писал В. И. Ленин. Осуществлялся этот кровавый курс под руководством министра по делам Индии, крупного

---

[56] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 69—72.

[57] The Liberal Tradition from Fox to Keynes. Ed. by A. Bullock and M. Shock. New York, 1957, p. 51.

[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 174.

[59] Там же, стр. 178.

государственного деятеля и публициста Дж. Морли.[60] В большой речи в палате лордов 17 декабря 1908 г. и в других своих выступлениях и статьях Морли всячески оправдывал военно-полицейский террор в Индии («Мы должны защищать жизнь наших офицеров» и т. п.), одновременно фарисейски клянясь: «Не наша вина, что мы должны прибегать к определенным мерам...» В. И. Ленин заклеймил политику колонизаторов, подчеркнув, что «самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии... превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов...».[61]

Отметим в этой связи еще один момент. Если радикал Морли, наследник «великих» традиций либерализма, говорил: «Не могу себе представить, что Индия когда-либо станет свободной и будет управлять собой»,[62] то вождь русской революции уже в 1908 г. высказал твердое убеждение в предстоящем освобождении Индии: ибо «пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы...»[63]

Внешняя политика Англии во многом определялась интересами колониальной буржуазии. Неразрывную связь британского курса на расширение заморских владений и ее агрессивной дипломатии В. И. Ленин подчеркнул в своей известной характеристике соглашений Англии с Францией и Россией. По поводу русско-английского «сближения» 1907 года, вызвавшего умиление кадетов, Ленин писал: «...делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)».[64] Ленин и большевистская печать в предвоенные годы последовательно разоблачали политику удушения иранской революции, проводившуюся царской Россией и капиталистической Англией, губительные результаты вмешательства «великих» держав (включая и Великобританию) в дела народов юго-восточной Европы и Ближнего Востока. В статье «Вооружения и капитализм» В. И. Ленин показал подоплеку горячки вооружений, охватившей английское «общество», заинтересованность в этой гонке не только пушечных королей, но и «знаменитейших государственных деятелей Англии из обеих партий...»[65] Наконец, в ряде замечательных трудов времен империалистической войны В. И. Ленин убедительно показал, что ответственность за возникновение этой войны ложится на финансовую олигархию, заводчиков и милитаристов всех крупных держав Европы.

В свое время пацифистские декларации либеральных министров и хитроумная дипломатия Грея, ловко использовавшего

[60] Морли считался одним из лидеров радикального крыла либеральной партии. По словам Ленина, Морли был авторитетом «для русских и нерусских кадетов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17. стр. 178).
[61] Там же.
[62] "Indian Quarterly", 1956, No 3, p. 217.
[63] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 179.
[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669.
[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 175.

грубые промахи германских руководителей, сыграли значительную роль в дезориентации английской мировой общественности. Но за минувшие десятилетия исследователи выявили множество документов и свидетельств, подтвердивших марксистскую оценку внешней политики Великобритании эпохи первой мировой войны. Можно только пожалеть тех британских читателей, которых все еще вводят в заблуждение буржуазные историки, внушая, будто Англия была «втянута в войну» наперекор усилиям ее правящих кругов.[66]

В целом с позиций господствующих классов деятельность либерального правительства в колониальной и внешнеполитической сфере была довольно успешной. Однако уже в 1914—1918 гг. вновь усиливаются центробежные силы в империи и национально-освободительная борьба угнетенных народов. Трудящиеся самой Англии, избавившись от шовинистического угара, стали понимать, что либеральные лидеры летом 1914 г. бесчестно обманули их. Вовлечение страны в мировую бойню, стоившую жизни одному миллиону британцев, стало позднее одной из главных причин падения популярности либеральной партии. Другие причины быстрой дискредитации либералов следует искать во внутриполитических факторах и обострении классовой борьбы, а также в дальнейших изменениях тактики английской буржуазии.

В 1911 г. В. И. Ленин указывал, что английские либералы стремятся к тому, чтобы «*не позволять рабочим* отвоевывать себе гегемонию в общенародном движении».[67] Это им удалось: в 1914 г. и позднее пролетариат все еще был изолирован от других слоев трудового населения. На длительное время английские либералы сумели подчинить своему влиянию лейбористскую фракцию в палате общин и парламентский комитет тред-юнионов. Но лишь на короткий срок либеральное правительство при всей его изобретательности смогло приостановить новый большой подъем рабочего движения. С конца 1910 г. и до лета 1914 г. в Англии происходило очень много стачек, в том числе и национальных забастовок по отдельным отраслям хозяйства. Непрерывно крепли решимость пролетариата и его солидарность, все чаще тред-юнионы действовали единым фронтом и добивались успеха. Предприниматели вынуждены были увеличивать фонды заработной платы;[68] легко понять, что многие из них окончательно разочаровались в деятельности либералов и возложили надежды на консерваторов.

---

[66] Так, Т. Уилсон пишет, что Англия была вовлечена в войну из-за событий, не имевших к ней отношения; «Британия и либеральная партия были невинными свидетелями» (T. Wilson, op. cit., p. 18).

[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 367.

[68] По подсчетам Ф. А. Ротштейна, за 1910—1913 гг. заработки трудящихся выросли на 362 млн. ф. ст. (в том числе только за 1913 г. — на 175 млн.).

Таким образом, социальная база либеральной партии быстро сужалась еще накануне первой мировой войны. Лихорадочные попытки либеральных лидеров восстановить свои пошатнувшиеся позиции и доверие народа не имели шансов на успех. В Англии, писал Ленин осенью 1913 г., «рабочее движение растет неудержимо... Не краснобаям, не либеральным шарлатанам остановить это движение».[69] Весной и в начале лета 1914 г. внутренняя политика кабинета Асквита зашла в тупик, конституционный кризис перерастал в общеполитический.[70] В то время как русские кадеты еще прославляли рекорды британского либерализма, сами руководители этой английской партии уже не имели иллюзий. 4 августа 1914 г. Дж. Саймон говорил Х. Аддисону о предстоящей смерти либерализма, а его собеседник мрачно изрек: «Либерализм уже в могиле».[71]

В период мировой войны партия либералов еще быстрее покатилась под уклон. По мнению воротил индустрии, банковского дела и милитаристов, либеральные лидеры слишком часто оглядывались назад, плохо реализовали возросшие аппетиты сильных мира сего. В 1916 г. оформляется Федерация британской промышленности, объединившая королей металла, угля и текстиля. Руководство «войной до победного конца» и поддержание гражданского мира внутри страны монополии доверили консерваторам, занявшим ключевые посты в новом кабинете Ллойд Джорджа. Сам Ллойд Джордж фактически пошел на раскол либеральной партии и бросил своих бывших коллег на произвол судьбы.

Ллойд-джорджизм 1905—1915 гг. очень помог английской буржуазии. Либералам удалось «выиграть темп», необходимый для «приручения» лидеров лейбористской партии и тред-юнионистов. Но для либеральной партии это обернулось дополнительными невыгодами, так как в буржуазных кругах возобладало мнение заменить либерализм лейборизмом или, как пишет Р. Милибенд, «сделать лейборизм частью политической системы при самых безопасных условиях».[72] Уже вскоре после первой мировой войны лейбористская партия, пользовавшаяся тогда доверием большинства трудящихся, становится на место либеральной в рамках буржуазной двухпартийной системы.

* *
*

В настоящее время либеральная партия играет незначительную роль в политической и общественной жизни Англии.

---

[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 72.

[70] Мы не затрагиваем здесь таких существенных причин дискредитации правительства, как капитуляция перед тори в ирландском вопросе, расправы с суфражистками и др.

[71] T. Wilson, op. cit., p. 23.

[72] Р. Милибенд, ук. соч., стр. 59.

Правда, на выборах 1964 г. либералы собрали свыше 3 млн. голосов. Руководитель партии Гримонд пробовал использовать сложившийся в палате общин «баланс сил» (лейбористы имели здесь ничтожное большинство). Немногочисленная ныне либеральная пресса начала трубить о том, что лейбористам не обойтись без блока с либералами. [73]

Выборы 1966 г. лишний раз подтвердили, что либералам, как серьезной политической силе, нет места в современной Англии, даже в качестве «тормоза» социалистических эксцессов (как определял значение либеральной фракции в парламенте Гримонд). Ибо, иронизировал читатель в письме редактору «Гардиан», едва ли лейбористы совершат «эксцессы, достойные торможения». [74]

Нынешняя либеральная верхушка все же пытается оживить деятельность партии. Ей еще предстоят «выдающиеся достижения», уверяет лидер либералов Дж. Торп. [75] Либералы стремятся усилить свое влияние на молодежь, они без устали жонглируют словами «свобода», «либеральный социализм» и т. п. Однако никакой подлинно конструктивной программы либеральная партия не может и не хочет предложить. На съезде либералов 1968 г. дело ограничилось принятием резолюции о желательности «соучастия» рабочих и служащих в решениях дирекций фирм и предприятий. [76] Разумеется, в резолюции и в речи Торпа, призывавшего предоставить народу большие права и власть, ничего не говорилось о способах осуществления этих благих пожеланий.

Установки и практика современной британской либеральной партии убеждают в том, что «ветер перемен» почти не затронул ее, что она по-прежнему далека от трудящихся и служит интересам буржуазии. Глубокая характеристика целей и методов английских либералов, содержащихся в трудах В. И. Ленина, сохраняет все свое значение для оценки деятельности либеральной партии наших дней. Необратимым следует считать и процесс заката либерализма, начавшийся на рубеже XIX и XX веков.

---

[73] См., например: "The Guardian", 1965, 6, 7, 8, 13 September.
[74] "The Guardian", 1966, 3 April.
[75] "News of the World", 1967, 22 January.
[76] "The Gardian", 1968, 23 September.

С. А. Могилевский

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ПРОТИВ ПРАВОГО И «ЛЕВОГО» ОППОРТУНИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1917—1923 гг.

Советскими учеными проделана большая работа по изучению новейшей истории международного рабочего движения. Среди работ, появившихся за последние годы, значительное место занимают труды, посвященные периоду революционного подъема. В них наряду с анализом революционного движения в отдельных странах в 1917—1923 гг., исследованием роли и места коммунистических партий и Коммунистического Интернационала в развитии и совершенствовании классовой борьбы пролетариата довольно подробно освещены вопросы, касающиеся тактики социал-демократических партий, Социалистического Интернационала и связанных с ними реформистских профсоюзных организаций. [1]

В каждой из работ советских авторов, освещающих проблемы международного рабочего движения, отмечается огромная роль В. И. Ленина в сплочении интернационалистических сил международного пролетариата, в создании и укреплении революционных партий рабочего класса, в определении социальных корней оппортунизма и его пагубного влияния на рабочий класс, в определении сути и направленности основных течений в международном рабочем движении. И тем не менее нельзя не согласиться с мнением авторов статьи, опубликованной в журнале «Коммунист», о том, что мы до сих пор уделяем еще недостаточно внимания изучению борьбы В. И. Ленина против оппортунизма. [2]

---

[1] Подробно об этом см.: С. А. Могилевский. Советская историография о социал-реформизме в международном рабочем движении (1917—1923 гг.). В сб.: Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. Л., 1967, стр. 130—148.

[2] В. Голиков, С. Мурашов, И. Чхиквишвили, М. Шатагин, С. Шаумян. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС. «Коммунист», 1969, № 3, стр. 72.

Настоящая статья не ставит своей целью дать исчерпывающий анализ всех направлений многогранной деятельности В. И. Ленина по разоблачению социал-реформизма. Автор ограничивает свою задачу исследованием лишь некоторых, наиболее важных ее аспектов.

К ним относятся: борьба В. И. Ленина против попыток российских меньшевиков и правых лидеров социал-демократических партий нейтральных стран созвать в 1917 г. международную социалистическую конференцию для восстановления Интернационала на реформистской платформе; борьба В. И. Ленина против антисоветизма правых социал-демократов в годы иностранной вооруженной интервенции, роль В. И. Ленина в обучении молодых компартий формам и методам борьбы против оппортунизма, против шаблонизации тактики компартий в этом вопросе; борьба В. И. Ленина против архиреволюционности, против элементов «левизны» в коммунистическом движении; разоблачение В. И. Лениным природы и тактики центризма и, наконец, вопрос о внимании, которое уделял В. И. Ленин международному единству революционных сил для борьбы со всеми проявлениями социал-реформизма в национальном и международном рабочем движении.

Вполне естественно, что ограниченные рамки статьи не дают возможности подробно останавливаться на каждом из этих важных вопросов.

* *
*

В годы первой мировой войны и особенно после победы Великой Октябрьской социалистической революции разоблачение тактики правых и центристских лидеров социал-демократических партий приобретало особую значимость, ибо всей своей политикой они ослабляли фронт мирового рабочего класса. Решение этой важной и сложной задачи выпало на долю В. И. Ленина, руководимых им большевиков и революционных социал-демократов Запада.

Внимательно следя за ходом революционной классовой борьбы пролетариата, В. И. Ленин всегда проявлял непримиримое отношение к ревизионизму и другим разновидностям оппортунизма. Достаточно вспомнить его последовательную борьбу против меньшевизма, эсеровского мелко-буржуазного социализма и так называемого революционаризма в российском рабочем движении, о его последовательной и принципиальной защите революционных принципов марксизма в рядах II Интернационала, благодаря которой Международное социалистическое бюро, Штутгартский, Копенгагенский и Базельский его конгрессы приняли ряд важных решений, направленных на

сплочение сил международного пролетариата для успешной борьбы против империализма.[3]

Когда же правые социал-демократы открыто предали интересы рабочего класса, поддержали империалистическую войну, более того, вошли в состав коалиционных военных кабинетов буржуазных государств, призывая рабочих к взаимному истреблению друг друга, В. И. Ленин обратился к революционным социал-демократам всех стран с призывом о немедленном и решительном размежевании с оппортунизмом.

Результатом проведенной им работы явилось создание Циммервальдского объединения, а затем и Циммервальдской левой, сыгравшей столь видную роль в восстановлении марксистских интернационалистских принципов в рядах международного рабочего движения, попранных правыми лидерами социал-демократических партий.[4]

Еще в 1915 г. В. И. Ленин предвидел возможность сближения социал-демократов двух воевавших между собой военных группировок (Антанты и Четверного союза). «...Когда кончится война, — писал он, — назначьте комиссию из Каутского и Плеханова, Вандервельде и Адлера, и мигом будет составлена „единогласная" резолюция в духе взаимной амнистии. Спор будет благополучно затушеван. Вместо того, чтобы помочь рабочим разобраться в происшедшем, их обманут показным бумажным „единством"».[5]

Предвидение Ленина сбылось. Не успела окончиться война, как правые лидеры социал-демократических партий разных стран заговорили о созыве конференции для восстановления единства в их рядах. Ее непосредственная подготовка началась весной 1917 г.

В. И. Ленин решительно выступил против какого бы то ни было участия революционных социал-демократов в конференциях, готовившихся правыми социал-демократами.

Известно, что инициатива так называемого Голландско-Скандинавского комитета по созыву международной конференции в Стокгольме была поддержана российскими меньшевиками. Подлинные цели организаторов этой конференции были разоблачены В. И. Лениным, что нашло свое отражение в резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (24—29 апреля 1917 г.).

Касаясь вопроса о предстоящей международной конференции социал-демократических партий, В. И. Ленин заявил, что «за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется

---

[3] См.: История Второго Интернационала, т. II, главы 16, 18—21, 25. М., 1966.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 187—191, 383—385; т. 27, стр. 84—92, 228, 229—230; Циммервальдская и Кинтальская конференции. Официальные документы. Л.—М., 1924.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 336.

самый реальный политический шаг германского империализма. Германские капиталисты через посредство германских социал-шовинистов предлагают социал-шовинистам всех стран съехаться на конференцию... Почему это они делают через социалистов? Потому что они хотят надувать рабочую массу».[6] «Все эти съезды, — говорит далее Ленин, — не что иное, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс. Надо раз навсегда сказать правду так, чтобы ее услышали на фронте солдаты и рабочие всех стран».[7]

В полном соответствии с предложением В. И. Ленина Апрельская конференция РСДРП(б) единодушно отметила, что участие революционных социал-демократов во встрече с правыми типа Шейдемана, Боргбьерга и др. является совершенно недопустимым, ибо надо бороться за объединение не прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств, а рабочих всех стран, «революционно борющихся уже во время войны со своими империалистическими правительствами».[8]

Раскрывая действительные планы тех, кто стоял за спиной Голландско-Скандинавского комитета, форсировавшего созыв международной социал-демократической конференции, В. И. Ленин подчеркивал тем самым тот факт, что единством действий социал-шовинистов хотят подменить единство действий революционных сил международного пролетариата. Шумиха, развернутая российскими меньшевиками вокруг Стокгольмской конференции, имела и другую цель. Ее представляли как конференцию, призванную положить конец войне и обеспечить народам желанный мир, хотя на самом деле она была рассчитана на обеспечение сторонникам продолжения войны «до победы» необходимой поддержки со стороны рабочего класса, поддержки его политических партий и организаций. Нужна была поистине титаническая разъяснительная работа для того, чтобы сорвать с реформистов маску борцов за мир, вскрыть перед лицом мировой общественности их действительные замыслы. Вместо желанного народами мира им по существу предлагали «войну до победы». В связи с этим в резолюции Апрельской конференции, принятой по предложению В. И. Ленина, говорилось: «Пусть знают русские солдаты, что теперь под лозунгом „война до победы“ скрываются стремления Англии укрепить свое господство в Багдаде и в немецких колониях Африки, стремления русских капиталистов грабить и душить Армению и Персию...»[9]

6 августа 1917 г. на заседании ЦИК с речью по поводу Стокгольмской конференции выступил Л. Каменев. Вопреки решениям, принятым большевистской партией, он заявил, что над

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 364.

[7] Там же, стр. 367.

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. I. М., 1954, стр. 342.

[9] Там же, стр. 343—344.

Стокгольмом будет развиваться широкое революционное знамя, которое мобилизует силы всемирного пролетариата. Эта речь возмутила В. И. Ленина. «Не революционное знамя, — заявил Ленин, — а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий, — вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом. Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов... компрометировала себя кокетничаньем с проделками социал-империалистов... и... министров буржуазного империалистического правительства...» [10]

Конференция правых социал-демократов в Стокгольме была сорвана. Ни одна из революционных организаций рабочего класса не дала своего согласия на участие в ее работе. В этом была первая крупная победа интернационалистов в борьбе против оппортунистов.

* *
*

Разоблачая тайные замыслы правых лидеров социал-демократических партий, Ленин всегда подчеркивал факт сотрудничества правых лидеров социал-демократических партий со своими буржуазными правительствами. Эти факты были ранее мало известны широким кругам рабочего класса. Последние почти не знали о том, что руководящие деятели большинства социал-демократических партий на Западе фактически выступали против революции, угрожавшей устоям капитализма, с которым сросся реформизм. Но если до Октября 1917 г. это было мало известным, то после Октябрьской революции это стало очевидным.

Забыв свои разногласия, правые и центристские лидеры социал-демократических партий обеих военных группировок выступили в 1917 г. в едином антисоветском хоре, доказывая незаконность русской революции, ее якобы антимарксистский характер, ее пригодность только для русских национальных условий и полную непригодность принципов Октября для развитых стран Запада и т. д.

В сближении правых и центристов на антиреволюционной платформе Ленин видел очень серьезную опасность. Она заключалась в том, что международные конференции социалистов в Лугано, Копенгагене, как и интернациональные конференции женщин и молодежи, проходившие во время войны, не наметили боевой линии интернационалистов в борьбе против возможного объединения сил международного оппортунизма. Опасность заключалась и в том, что на Западе не было еще организационно оформленных революционных партий. Революционные элементы были еще слабы. Значительные массы рабочего класса находи-

---

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 71—72.

лись под влиянием реформистской идеологии. Многочисленные течения в рабочем движении дезориентировали ряды рабочего класса, вносили путаницу в его воззрения.

При этом следует учитывать, что если природа оппортунизма в принципе оставалась той же, что и до Октябрьской революции, его проявления после Октября стали несколько иными, что дает известные основания говорить о новом качестве оппортунизма. Война, говорил В. И. Ленин, не изменила ни социально-экономической природы, ни существа оппортунизма. Она до крайности обнажила его, выявила его оттенки, снабдила его доводы новыми софизмами. Если говорить в общеевропейском масштабе, то оппортунизм до войны был, так сказать, в юношеском состоянии. С войной он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным.[11] Это нашло свое выражение в том, что оппортунисты выступили под флагом борьбы за международное единство, обвинив большевиков в разъединении и ослаблении сил рабочего класса. Многие из оппортунистов (Бауэр и К^0) ратовали за революцию, но без кровопролития, они призывали к демократии и решительно осуждали террор. Бауэр и Вандервельде действовали тоньше, чем Каутский, но цель у них была одна: оклеветать большевизм.

Используя многочисленные каналы идеологического воздействия на массы, правые и центристские лидеры социал-демократических партий, хотя нередко и спорили между собой, развернули с конца 1917 г. неслыханную кампанию против большевиков, против Октябрьской революции и диктатуры пролетариата в России. Главное внимание ими было уделено четырем наиболее важным вопросам теории, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата: пути перехода от капитализма к социализму, роли марксистской партии в создании и утверждении диктатуры пролетариата, формам и методам осуществления власти рабочего класса и проблеме демократического централизма. Выступления по каждому из них не были обособленными. Указанные вопросы были тесно связаны между собой. О них, как правило, говорили в комплексе. Естественно, что борьба против оппортунистических извращений марксизма по этим кардинальным проблемам велась в целом, хотя правильной постановке каждой из них Ленин уделял огромное внимание.

В чрезвычайно сложной обстановке, когда нужно было бросать все силы на борьбу против внутренней и международной контрреволюции, укреплять завоевания Великой Октябрьской революции, В. И. Ленин находил время для систематической, непримиримой и беспощадной борьбы против извратителей марксизма независимо от той тоги, в которую они рядились. Об этом свидетельствует богатейшее теоретическое наследие

---

[11] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 255.

Ленина, в котором почти нет ни одной работы, где бы в той или иной степени не говорилось о борьбе против оппортунизма.

Это было вполне естественно, ибо борьба Ленина против правого и «левого» оппортунизма была неотъемлемой частью его борьбы за чистоту революционного марксизма, за создание подлинно революционных партий, за торжество дела рабочего класса во всемирном масштабе. Она была тем более необходимой в период после Октября, поскольку под влиянием революционных событий в России начался мощный подъем революционного и освободительного движения, охватившего почти все страны земного шара. Наиболее полно эти вопросы освещены Лениным в таких работах, как «Резолюция о войне и мире»,[12] «Письмо к американским рабочим», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «О „демократии" и диктатуре», «Письмо к рабочим Европы и Америки»,[13] «I конгресс Коммунистического Интернационала»,[14] «Третий Интернационал и его место в истории», «Герои бернского Интернационала»,[15] «О задачах III Интернационала», «Как буржуазия использует ренегатов», «Американским рабочим», «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам»,[16] «Детская болезнь „левизны" в коммунизме», «Условия приема в Коммунистический Интернационал», «II конгресс Коммунистического Интернационала»,[17] «III конгресс Коммунистического Интернационала»[18] и многих других.

Все эти работы, а также многочисленные письма, с которыми В. И. Ленин обращался к представителям пролетарских организаций, свидетельствуют о его глубокой осведомленности в вопросах внутреннего положения в каждой из зарубежных пролетарских партий и организаций, о ходе борьбы революционного крыла международного рабочего движения против правых и центристских лидеров европейского социал-демократического движения. В них Ленин дал глубокий анализ не только причин, обусловивших появление оппортунизма в рабочем движении, но и обстоятельств, способствующих его невиданной ранее активизации и борьбе против российского большевизма. Главным из обстоятельств Ленин называет победоносную социалистическую революцию в одной, отдельно взятой стране, осуществленную под руководством революционной партии российского рабочего класса.

Претворение в жизнь ленинской теории социалистической революции, являвшейся образцом творческого и последователь-

---

[12] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 35.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37.
[14] Там же.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44.

ного применения марксизма, нанесло серьезный удар социал-реформизму, теоретики и проводники которого отстаивали идею перехода к социализму *только* в рамках буржуазного строя, путем постепенной его демократизации, восхваления и отстаивания демократии вообще. Разоблачая суть реформистской пропаганды по важнейшим вопросам, затрагивавшим проблему демократии и диктатуры, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что оппортунисты на словах признавали классовую борьбу и даже ведущую роль пролетариата, но при этом умышленно не доводили этот вопрос до конца, до признания диктатуры пролетариата, ибо такой вывод был страшен для буржуазии и абсолютно для них неприемлем. Что касается оппортунистического понимания демократии, Ленин писал, что это ложь и лицемерие, ибо на деле пропаганда «чистой» демократии есть пропаганда буржуазной демократии, свободы для богачей покупать и подкупать прессу, спаивать народ сивухой буржуазной газетной лжи и держать в своей собственности гигантские богатства. [19]

* *
*

Касаясь пути перехода от капитализма к социализму и умышленного извращения оппортунистами хода и итогов русской революции, Ленин предостерегал от возможности слепого копирования опыта российских большевиков и всегда признавал возможность многообразия форм при обязательном соблюдении общих принципов марксизма. И в этих целях Ленин советовал, подсказывал, помогал революционным партиям рабочего класса разных стран, учил их правильному пониманию общих принципов марксизма и их применению к конкретной национальной действительности каждой страны. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к руководящим деятелям молодых коммунистических партий стран Запада. В одном из них Ленин писал: «Товарищи итальянские рабочие! Не забывайте урока истории всех революций, уроков России и Венгрии в 1917—1920 годах... От исхода этих битв, от сплоченности, дисциплинированности, беззаветности рабочих масс зависит победа над буржуазией, переход власти к пролетариату...» [20]

Ленин указывал на необходимость выдержки, осмотрительности, хладнокровия, правильной оценки условий и подходящего момента, решимости, сплоченности как непременного условия — расстаться с реформистами, саботирующими революцию, сеющими панику, нерешительность, колебания и шатания. [21] «Как же можно готовиться к революции, — писал В. И. Ленин, —

---

[19] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 391.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 423.
[21] См. там же.

идти навстречу решающим битвам, имея в партии людей, саботирующих революцию? Это не только ошибка, это — преступление».[22]

В специальном письме на имя Серрати от 28 октября 1919 г. В. И. Ленин предупреждал итальянских товарищей, что реакция может спровоцировать восстание с тем, чтобы задавить его.[23]

В письмах к представителям левого крыла английского рабочего движения Ленин разъяснял суть буржуазной и пролетарской демократии, смысл и направление красного террора, умышленно извращавшегося реформистами, роль правых лидеров реформистских организаций в поддержке иностранной вооруженной интервенции. Он предупреждал о хитрости, коварстве и уме английской буржуазии. В письме к товарищу Томасу Беллу В. И. Ленин советует создать подлинно пролетарскую революционную партию, «которая могла бы выступить действительно руководящей силой во всем рабочем движении», приступить к изданию ежедневной рабочей газеты. При этом Ленин подчеркивает, что создание газеты не коммерческое предприятие, а «*экономическое* и *политическое о р у д и е* масс в их борьбе». Пусть, говорит Ленин, газета вначале будет очень мала и стоит полпенса в неделю. Это несущественно. Более того, учитывая, что правительство несомненно пустит в ход самые хитроумные средства для того, чтобы задушить всякое начинание, Ленин пишет: «Газета не должна быть вначале *слишком революционной*».[24]

Еще до революции, обращаясь к товарищам из французской социалистической партии, Ленин подверг резкой критике Мергейма и Бурдерона за то, что они не желали рвать с правыми, за их утверждения о неспособности французов вести нелегальную работу. Он писал: «Неправда! Французы быстро научились прятаться в траншеях. Быстро научатся они и *новым* условиям нелегальной работы и систематической подготовке *революционного* движения *масс.* Я верю в французский революционный пролетариат. Он подтолкнет и французскую оппозицию».[25]

После Великой Октябрьской социалистической революции в России и окончания первой мировой войны, когда различные течения в рядах социалистической партии Франции дезориентировали массы, Ленин обратил особое внимание французских друзей на опасность лонгетизма, наиболее утонченной формы оппортунизма. Касаясь тактики лонгетистов, Ленин предупреждал, что с ними еще долго придется бороться, что они будут прибегать к все новым приемам, уловкам и уверткам в целях

---

[22] Там же, стр. 414.
[23] См.: В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 257.
[24] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 86.
[25] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 238—239.

обмана масс.[26] В беседе с М. Кашеном Ленин, развернув один из номеров газеты «Юманите», сказал: «Одни, вот как вы, встают на защиту революции, другие открыто борются против нее и призывают империалистов своих стран уничтожить ее. Одни проповедуют грубейший оппортунизм; другие пытаются бороться против этой гибельной политики. Как же вы хотите, чтобы трудящиеся разобрались во всех этих противоречиях?»[27]

В порядке совета Ленин указал товарищу Кашену, что долг французского революционера сводится прежде всего к тому, чтобы дать рабочим ясную программу, а устную и печатную пропаганду поручить проверенным людям, авангарду пролетариата, овладевшему марксистской революционной теорией. На реплику М. Кашена, что у них не хватает таких людей, Ленин дал четкий и ясный ответ: «У нас тоже не хватает людей. Но мы идем вперед, и люди появляются. Надо прежде всего обладать неограниченной верой в неисчерпаемые силы пролетариата. Не сваливайте на массы вину за недостатки, неумелость или трусость оппортунистических руководителей, которые отступают перед борьбой».[28]

О необходимости систематической, длительной и самоотверженной борьбы против оппортунистических деятелей в рабочем движении Ленин пишет австрийским, голландским, германским, швейцарским товарищам. Он просит их регулярно сообщать о политических течениях в рабочем движении их стран, советует им проводить четкую грань между марксистами, с одной стороны, и оппортунистами — с другой. В каждом своем обращении Ленин рассматривает борьбу против оппортунизма как задачу международной значимости.

Вскоре после образования так называемого «бернского» Интернационала,[29] когда во всех социал-демократических партиях развернулось движение за выход из этого объединения, В. И. Ленин приветствовал те партии, которые приняли решение о выходе из II Интернационала. В специальной работе «Герои бернского Интернационала»[30] В. И. Ленин показал, что «новый» Интернационал не имеет ничего общего с довоенным II Интернационалом, в рядах которого действовали значительные революционные силы. II и II$^1/_2$ Интернационалы, как и Амстердамский Интернационал профессиональных союзов, В. И. Ленин неизменно называл «желтыми» Интернационалами.

---

[26] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 251—252.

[27] Цит. по кн.: Ж. Фревиль. Рождение Французской компартии. М., 1951, стр. 83.

[28] Там же, стр. 84.

[29] Так В. И. Ленин называл Интернационал, образовавшийся в результате работы Бернской и Люцернской конференций социал-демократических партий 1919 г. Во всей советской исторической литературе 20-х и 30-х годов бернский, а затем Социалистический и Социалистический рабочий Интернационал, возникший в 1923 г., именовались Вторым (II) Интернацоналом.

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38.

Он подверг всестороннему анализу и критике решения, принятые так называемым бернским Интернационалом. Анализируя документы бернской, люцернской и других конференций социал-демократических партий, В. И. Ленин доказал, что они направлены не на объединение, а на разъединение сил рабочего класса, на защиту грабительской Лиги Наций, буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, против Советской власти в России. Политику и тактику социалистического (II) Интернационала Ленин называл лицемерной политикой агентов буржуазии в рабочем движении (Labour Lieutenant of the capitalist class), а партии, которые проводили такую политику, — партиями негодяев и предателей.[31] Все они прихорашивали и подкрашивали буржуазные порядки «размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути».[32]

В капитальных исследованиях, посвященных международному рабочему движению, как и в письмах и посланиях представителям революционного крыла социал-демократических партий, В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость тесного контакта с массами, слить вместе все движения всех организаций рабочего класса.[33]

Обращаясь с письмами к руководящим деятелям молодых коммунистических партий, а также к представителям левого крыла социал-демократических партий, В. И. Ленин приводил конкретные факты, свидетельствовавшие о тесной связи оппортунизма с империализмом. Им доказано, что если международный империализм двинул армии, чтобы силой оружия ликвидировать Советскую власть в России, то международный оппортунизм идейно подготовлял реставрацию капитализма в России, подводил идеологическую базу под интервенцию, оспаривая основные принципы Октября. Наличие колоссальных материальных средств у буржуазии высокоразвитых стран давало ей возможность подкреплять контрреволюционную идеологию оппортунизма, идя на известные уступки рабочему классу, которые не затрагивали основ капиталистического строя.

* *
*

В. И. Ленин дал подробное и всестороннее освещение деятельности большинства политических партий рабочего класса, всех течений в международном рабочем движении — как марксистского, революционного, так и социал-шовинистского, анархо-синдикалистского, мелкобуржуазного и других, поскольку каждое из них было связано с массой рабочего класса и оказывало определенное влияние на характер его развития. Не остались

---

[31] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 102.
[32] Там же, стр. 105.
[33] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 98.

без внимания в молодых коммунистических партиях и «левые», ошибки которых могли привести к пагубным последствиям. «Левый» оппортунизм В. И. Ленин называл скрытой вылазкой против коммунизма. Анархистскую псевдореволюционность «левых», их словесный, бессмысленный революционаризм Ленин считал выражением неспособности к систематической, упорной, выдержанной и дружной массовой борьбе.

Отмечая, что большевизм воспринял еще при своем возникновении традиции беспощадной борьбы с мелкобуржуазной революционностью, В. И. Ленин доказывал, что одно только повторение истин «чистого» коммунизма ничего не даст. В специальной работе «Детская болезнь „левизны" в коммунизме», опубликованной в 1920 г., В. И. Ленин дал обстоятельный анализ сущности и пагубных последствий «левой» опасности в рядах коммунистического движения.

Отказ «левых» от работы в профессиональных союзах, руководимых реформистскими лидерами, от участия в парламентской борьбе лишь потому, что парламентаризм носил чисто буржуазный характер, отрицание ими каких бы то ни было компромиссов с другими политическими партиями и организациями, связанными с буржуазией, Ленин называл проявлением мелкобуржуазной революционности, революционаризмом, влекущим отрыв революционных партий от масс и превращение их в касты. Интересы революционной борьбы, учил В. И. Ленин, требуют постоянного общения с массами, быть там, где есть массы, преодоления величайших препятствий, упорной, настойчивой и терпеливой работы даже в самых реакционных организациях, где есть пролетарские или полупролетарские массы. В противном случае трудящиеся массы будут постоянно оставаться под непосредственным влиянием буржуазной и реформистской идеологии. «Партии, — говорил В. И. Ленин, — которые на словах стоят за революцию, а на деле не ведут неуклонной работы за влияние именно революционной, только революционной партии во всех и всякого рода массовых рабочих организациях, суть партии предателей». [34]

Об интересе В. И. Ленина к деятельности «левых» свидетельствует и письмо, направленное им М. М. Литвинову. В нем говорилось: «Нам крайне важны все документы, резолюции, брошюры, газетные статьи и речи, касающиеся идейных течений в левом социализме и коммунизме, особенно анархо-синдикалистские извращения коммунизма или вылазки против коммунизма. Собирайте все это тщательно на всех языках, делайте вырезки, присылайте, привозите в 3—4 экземплярах, особенно немецких „независимцев"...» [35]

---

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 102.
[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 106.

Работа, проведенная В. И. Лениным по разоблачению архиреволюционности «левых», сыграла большую роль в идейном и организационном укреплении революционных партий пролетариата.

Одной из существенных особенностей ленинского анализа является описание исторических событий с одновременной характеристикой людей, возглавлявших политические партии. В. И. Ленин дал четкую и ясную характеристику наиболее видных представителей международного оппортунизма. Со страниц его произведений предстает целая галерея социал-предателей рабочего класса: Шейдемана, Эберта, Носке в Германии, Ренаделя, Тома́ во Франции, Макдональда и Гендерсона в Англии, Вандервельде и де Бруккера в Бельгии, Трульстра в Голландии, Брантинга в Швеции, Турати в Италии и др.

В качестве примера приведем характеристику лидера английских лейбористов Р. Макдональда, данную В. И. Лениным в 1920 г.: «...Макдональд остается насквозь буржуазным пацифистом и соглашателем, мелким буржуа, мечтающим о внеклассовом правительстве. Макдональд признает классовую борьбу только как „описательный факт", подобно всем лгунам, софистам и педантам буржуазии... Макдональд усыпляет свою партию и тех рабочих, которые имеют несчастье принимать этого буржуа за социалиста и этого филистера за вождя...»[36]

Особое место В. И. Ленин уделил «центровикам» — Каутскому, Криспину и Дитману в Германии, Адлеру, Бауэру и Реннеру в Австрии, Лонге во Франции и многим другим, чья деятельность наносила особенно большой вред национальному и международному рабочему движению.

Центризм В. И. Ленин рассматривал как наиболее опасное течение в рабочем движении той поры. Проводников центристской идеологии он называл колеблющимися, бесхарактерными людьми, людьми без чести и совести.[37] На словах центристы стояли за революцию, а на деле не могли и не желали понять ее. Почти всюду они называли себя независимыми от правых, хотя фактически были тесно связаны с ними.

Если в годы, предшествовавшие первой мировой войне, а также и в период войны, левое крыло центризма поддерживало контакт с революционной социал-демократией, то после Великой Октябрьской социалистической революции подлинно левые элементы центристских партий и организаций перешли на сторону Коминтерна, а центризм, как течение в международном социал-демократическом движении, стал идеологией врагов пролетарской революции. Наиболее ярким его выражением было каутскианство.

---

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 229.
[37] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 459.

Каутскианство, указывал В. И. Ленин, не представляло никакого самостоятельного течения. Оно не имело корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Опасность каутскианства заключалась в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, стремилось объективно примирить пролетариат с буржуазией, дезориентировать и разоружить его. Признавая каутскианство наиболее опасной разновидностью оппортунизма, Ленин считал его разоблачение безотлагательной задачей. В письме к Я. А. Берзину, В. В. Воровскому и А. А. Иоффе Ленин просил их обстоятельно поговорить с германскими левыми и побудить выступить их в печати с принципиальным, теоретически обоснованным заявлением против извращений Каутского.[38] Ленин просит Воровского собирать и присылать ему все творения Каутского.

Разоблачая предательство Каутского, прикрывавшего диктатуру буржуазии фиговым листком «чистой» или «надклассовой демократии», В. И. Ленин подчеркивал, что рабочий класс прямо и открыто заявляет о своей диктатуре, не боясь отпугнуть этим массы трудящихся. Ленин неоднократно указывал, что пока существуют различные классы, речь может идти только о классовой демократии, которая в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии.

Подчеркивая опасность каутскианства, как и центризма в целом, Ленин вместе с тем уже в 1919 г. предсказал неизбежность его банкротства. «Каутскианская (или „независимая") партия гибнет и неминуемо, вскоре, погибнет и разложится от разногласий между революционными в массе ее членами и контрреволюционными „вождями"».[39]

Гениальное предвидение Ленина сбылось. Центризм как течение перестал существовать. Это было результатом той борьбы, которую провели марксисты против центризма. В. И. Ленин, выступая против центристов (Каутского, Гаазе, Ледебура, Лонге, Сноудена, Макдональда, Гримма, Адлера и др.), в резкой форме бичевал их, употребляя по их адресу в высшей степени меткие эпитеты, которые логически вытекали из глубокого анализа их деятельности.[40]

* *
*

Борясь против оппортунизма в 1917—1923 гг., раскрывая его новое качество, В. И. Ленин постоянно подчеркивал тот факт, что в новых условиях всеобщего революционного подъема оппортунисты будут маскироваться тщательнее, чем прежде, в тогу

[38] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 182—184.
[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 217.
[40] См. там же, стр. 90—109; т. 49, стр. 380—382, 387—389 и др.

революционеров и защитников интересов трудового народа. В. И. Ленин показал это особенно наглядно на «русском вопросе». Судя по многочисленным трудам В. И. Ленина, а также по документам и материалам социалистического (II) Интернационала, этот вопрос занимал в истории международного рабочего движения не меньшее место, чем в истории международных отношений. Можно с полным основанием сказать, что с 1917 по 1923 г. не было ни одной международной конференции или совещания представителей пролетарских организаций, где в той или иной степени не затрагивался бы «русский вопрос». Специальная литература посвящена «русскому вопросу» на Парижской мирной конференции и «русскому вопросу» в 1920—1921 гг.[41] Известно, что в повестке дня международных конференций этого вопроса не было, тогда как фактически он являлся центральным на Бернской конференции социал-демократических партий, а затем на Люцернской, Женевской, Венской конференциях, Гамбургском, Марсельском и других конгрессах Социалистического Рабочего Интернационала. В. И. Ленин детально проследил отношение различных групп и течений в международном рабочем движении к «русскому вопросу», который в конечном итоге сводился к отношению этих групп и течений к Советской власти в России.

И правые социал-демократы, и центристы выступали вместе с наиболее реакционными кругами империалистической буржуазии против так называемого «красного террора», против революционного насилия, взяв тем самым под защиту врагов пролетарской революции. Отстаивая право пролетарской революционной партии на революционное насилие в целях решительного и полного подавления контрреволюции, В. И. Ленин писал: «Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет „третьего“ нет и быть не может».[42] Революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться от внутренней контрреволюции и от международного империализма, при этом защищаться политически, экономически, идеологически и собственно военным, вооруженным путем. Во внутренней контрреволюции Ленин всегда видел злейшего врага трудящихся, врага искусного, опытного, терпеливо выжидающего удобного момента для заговора. «С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, — учил Ленин, — надо быть беспощадным».[43]

---

[41] См.: Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949; Его же. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1956.

[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 235.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 155.

В. И. Ленин высоко поднял знамя интернационализма, воспитывая коммунистов и всех трудящихся в духе международной солидарности. «Мы, — говорил Ленин, — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты».[44]

Учитывая наличие огромного фронта империалистических держав, В. И. Ленин боролся против оппортунистической практики разъединения сил рабочего класса, за его интернациональное сплочение; при этом Ленин с особой силой подчеркивал необходимость тесного *военного сплочения* революционных, социалистических сил. Всякие попытки нарушить это сплочение Ленин рассматривал как «совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма».[45]

Ведя беспощадную борьбу против оппортунистического извращения интернационализма, В. И. Ленин всегда рассматривал интернационализм как неотъемлемую черту мировоззрения рабочего класса, идеологии международного пролетариата. «Не с точки зрения „своей“ страны, — указывал Владимир Ильич, — я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции. Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста».[46]

Подобный подход к интернациональному сплочению трудящихся исключал национализм, воспевание национально-особенного, что было присуще оппортунизму всех направлений. Ленин требовал решительной и беспощадной борьбы против пропаганды национального обособления, против лакеев буржуазной морали, которые в угоду узконационалистическим интересам предают интересы всемирной социалистической революции.

* *
*

Поистине трудно переоценить ту многогранную и разностороннюю работу, которую провел В. И. Ленин против оппортунизма в годы революционного подъема. В условиях гражданской войны и вооруженной иностранной интервенции, в обстановке общей экономической отсталости тогдашней России он смог сосредоточить огонь идеологической борьбы не только

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.
[45] В. И. Ленин. Там же, стр. 98—99.
[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 298.

против интервентов, но и их оруженосцев — оппортунистов. Прямым результатом проведенной Лениным работы по разоблачению оппортунизма явилось организационное и идейное сплочение революционных сил международного пролетариата, выразителем интересов которого был III Коммунистический Интернационал.

Оценки, данные В. И. Лениным различным проявлениям оппортунизма, характер и формы разоблачения их тактики сохраняют свою актуальность и в наши дни — дни острейшей борьбы двух идеологий, отражающей непримиримость классовых позиций пролетариата и буржуазии, социализма и капитализма.[47] Теоретическое наследство В. И. Ленина служит научной основой решения сложнейших теоретических и практических вопросов революционной борьбы рабочего класса на современном этапе. Оно вооружает революционные партии пролетариата идейным оружием в борьбе против правого и «левого» оппортунизма, против ревизионизма и национализма и озаряет путь к великой цели — коммунизму.

В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» указывается, что «препятствием на пути восстановления единства пролетарских рядов были и остаются ультра-„левые", экстремистские течения, которые, как отмечал Ленин, являются „своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения" (т. 41, стр. 15). Ныне „левый" ревизионизм нередко выступает наряду с правым оппортунизмом в качестве прямого орудия монополистической буржуазии. Борьба за единство рабочего класса предполагает преодоление не только правого, но и „левого" оппортунизма».[48]

---

[47] О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, стр. 19.

[48] «Правда», 1969, 23 декабря.

М. Н. Кузьмин

В. И. ЛЕНИН И ФРАНЦУЗСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (1920—1923 гг.)

Там, на Западе далеком,
Пролетарий бой ведет,
Крепнет он в бою жестоком,
Крепнет, множится, растет.

Ф. В. Волховской (1872). Сб. Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968, стр. 80.

Столетие со дня рождения учителя международного пролетариата В. И. Ленина совпадает со знаменательной датой в жизни рабочего класса Франции — пятидесятилетием образования коммунистической партии.

В. И. Ленин на протяжении ряда лет был тесно связан с французским рабочим и социалистическим движением. Годы пребывания В. И. Ленина во Франции были использованы им для всестороннего и глубокого изучения рабочего движения этой страны, что дало ему возможность с непреклонной убежденностью заявить во время первой мировой войны: «Я верю в французский революционный пролетариат». [1]

Победа Великой Октябрьской социалистической революции активизировала борьбу трудящихся во всех капиталистических странах, расширила фронт деятельности антимилитаристов. Во Франции 2 ноября 1917 г. по инициативе Анри Барбюса, Поля Вайяна-Кутюрье и Раймона Лефевра основывается Республиканское объединение бывших участников войны (АРАК), сыгравшее в дальнейшем немаловажную роль в жизни левых организаций. Антивоенные забастовки первой половины 1918 г. охватили многие промышленные центры страны; конгресс социалистической молодежи (июнь 1918 г.) с огромным единодушием осудил продолжавшуюся империалистическую войну, усилились позиции революционного меньшинства в рядах ВКТ. Поражением социал-шовинистов закончился чрезвычайный съезд

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 239.

Социалистической партии, работавший в Париже 7—8 октября 1918 г. Бурную деятельность в защиту Советской республики в палате депутатов и на страницах «Юманите» развернул Марсель Кашен. В 1919 г. Кашен четырежды выступал с парламентской трибуны против антисоветских действий правительства. Отвечая социалистическому депутату, Клемансо заявил 22 декабря 1919 г.: «Мы не пойдем ни на мир, ни на переговоры с правительством Советов. Они предлагают новый образ правления, диктатуру комитетов, как они называют их. Мы этого никогда не одобрим. Англия и Франция затратили огромные средства, чтобы действовать против большевистского движения. Мы окружили Россию колючей проволокой (вот он «железный занавес». — *М. К.*), чтобы помешать им разрушить цивилизацию в Европе. Мы израсходовали в России миллиарды». [2]

Ни политика репрессий, ни уступки, на которые было вынуждено пойти правительство Клемансо, не могли помешать росту классового самосознания французского пролетариата. Увеличивается численность ВКТ и Социалистической партии. К началу 1920 г. они насчитывали соответственно 2 500 тыс. и 134 тыс. человек. Накануне войны в их рядах состояло 600 тыс. и 93 тыс. человек. [3] Следует при этом учесть значительное сокращение рядов рабочих организаций в годы войны. С другой стороны, ВКТ и Социалистическая партия пополнялись в большей степени за счет вчерашних участников войны, людей, прошедших жизненную школу в окопах и траншеях и требовавших от вождей активных действий, разрыва с оппортунизмом, перевода ВКТ и Социалистической партии на пути классовой борьбы.

Руководство Социалистической партии, переместившееся от социал-шовинистов типа Ренoделя влево, оказалось под сильным влиянием центристов во главе с Лонге, намеревавшихся подвергнуть II Интернационал некоторой «реконструкции», сохранив его в качестве руководящей силы в международном рабочем движении.

В. И. Ленин превосходно видел всю опасность обмана трудящихся масс, проводимого французскими каутскианцами во главе с Лонге. 28 октября 1919 г. В. И. Ленин направил письмо французским товарищам, поддерживающим Коммунистический Интернационал, в котором отмечал: «С французским оппортунизмом, особенно утонченным в духе Лонге, вам придется, конечно, еще долго бороться. Много и много еще будет попыток со стороны „опытных“ парламентариев и политиканов отделываться словесным признанием революционной тактики и диктатуры пролетариата, а на деле путем новых уловок и уверток обманывать пролетариат. . .» [4]

---

[2] Marcel C a c h i n. Ecrits et portraits. Paris, 1964, p. 86.
[3] Histoire du Parti communiste français (Manuel). Paris, 1964, p. 77.
[4] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 251.

14 февраля 1920 г., накануне открытия Страсбургского съезда Социалистической партии, В. И. Ленин пишет «Заметки публициста», где вновь подчеркивает, что «зло состоит в том, что старые вожди, видя неудержимое влечение масс к большевизму и к Советской власти, ищут (*и часто находят!*) выход в *словесном* признании диктатуры пролетариата и Советской власти, на деле оставаясь либо врагами диктатуры пролетариата, либо людьми не способными или не желающими понять ее значение и проводить ее в жизнь».[5]

Анализируя полученные проекты резолюции съезда в Страсбурге, В. И. Ленин подчеркивает: «Признать диктатуру пролетариата, это не значит: во что бы то ни стало в *любой* момент идти на штурм, на восстание. Это вздор. Для успешного восстания нужна длительная, умелая, упорная, великих жертв сто́ящая подготовка».[6] Разрыв с оппортунизмом и работа в массах — вот два важнейших условия для обеспечения делового, а не словесного признания диктатуры пролетариата.

Таким образом, мы видим, как внимательно и осторожно подходил В. И. Ленин к высвобождению французских социалистов из-под влияния традиционных норм II Интернационала. В «Заметках публициста» содержатся многие мысли, развитые им в дальнейшем в «Детской болезни „левизны" в коммунизме», в докладах и выступлениях на II и III конгрессах Коммунистического Интернационала.

Следует отметить, что некоторые французские социалисты, подвергнутые справедливой ленинской критике, как Гурдо и Рену, в дальнейшем до последних дней своей жизни активно участвовали в деятельности Французской коммунистической партии.

Страсбургский съезд (25—29 февраля 1920 г.) сделал определенный шаг вперед по пути разрыва с оппортунистами. Он высказался за выход партии из II Интернационала. Отклонив вместе с тем предложение о вступлении в Коминтерн, съезд поручил Административной комиссии установить связи с III Интернационалом для изучения вопросов, касающихся международной ориентации французского социалистического движения. 9 марта Административная комиссия решила направить в Советскую Россию делегацию в составе М. Кашена и Ж. Лонге для переговоров с руководителями III Интернационала; несколько позднее Ж. Лонге был заменен Л.-О. Фроссаром. 31 мая французские делегаты выехали из Франции. В Советской России они посетили Петроград, ряд волжских городов — от Нижнего Новгорода до Саратова, Тамбов, Тулу, Иваново-Вознесенск, Москву. Кашен вспоминал о воинской части, гостем

---

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 131.
[6] Там же, стр. 135.

которой он был в Самаре: «Это были действительно сыны и братья II года, Вальми и Марсельезы».[7]

В Москве состоялась их встреча с В. И. Лениным, о которой Кашен рассказывал так. Ленин свободно говорил по-французски. Он подчеркнул важность прибытия французских представителей. Главное, подчеркивал Ленин, это покончить со старыми методами работы. Он взял «Юманите» и показал, что на ее страницах в одном номере публикуются противоречащие друг другу статьи. Газета должна воспитывать своих членов, а не просто информировать; надо дать трудящимся ясную программу. В партии должны быть строгая дисциплина, единая доктрина марксизма. Дело не в том, чтобы изгнать нескольких лиц, надо изменить методы работы. В отношении Лонге и его друзей Ленин заявил: «Если они хотят вступить в Интернационал, почему не принять? В отношении Реноделя он был непримирим».[8] Выступая на заседании ИККИ 19 июня 1920 г., В. И. Ленин подчеркнул, что «между III Интернационалом и всей политикой французской партии лежит целая *пропасть*».[9]

Переговоры в Коминтерне по французскому вопросу продолжались в середине июля. Кроме Кашена и Фроссара в работах II конгресса Коминтерна принимал участие и ряд молодых французских товарищей, в том числе Раймон Лефевр и Жак Садуль.

Возвратившись на родину, Кашен развернул широкую кампанию по присоединению Социалистической партии к Коминтерну. Осенью 1920 г. в «Юманите» было опубликовано 30 статей Кашена о поездке в Советскую Россию.[10] Кашен выступает на многолюдных митингах и собраниях в Париже, Лионе, Марселе, Руане, Гавре, Бордо, Тулузе.

В. И. Ленин, продолжая внимательно следить за происходящим процессом размежевания сил в международном рабочем движении, усиливающемся после II конгресса Комитерна, публикует 25 сентября 1920 г. в «Правде» «Письмо к немецким и французским рабочим», в котором вновь подчеркивает: «Пора всем революционным рабочим очистить свои партии от них

---

[7] Marcel Cachin. Ecrits et portraits, p. 90.

[8] Там же, стр. 91.

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 152.

[10] О позиции Фроссара исчерпывающую характеристику дал старейший деятель английского коммунистического движения тов. Палм Датт. Он рассказывает, что в беседе с ним летом 1920 г. Фроссар заявил, что «лучшее решение вопроса в тех условиях — это плыть по течению и не препятствовать партиям в присоединении к Коммунистическому Интернационалу, которое удовлетворит стремления рядовых членов этой партии. Москва, рассуждали эти лидеры (типа Фроссара.— *М. К.*), контролировать партии на таком расстоянии не сможет и практически в партиях все останется по-прежнему» (см.: Р. Палм Датт. Интернационал. М., 1966, стр. 165—166). Подобное двурушничество, политическая нечестность Фроссара естественно привели его к уходу из рядов ФКП в самом начале 1923 г.

(оппортунистов, соглашателей. — *М. К.*) и образовать действительно единые коммунистические партии...»[11]

25 декабря 1920 г. в Тур на Чрезвычайный съезд Социалистической партии прибыло 250 делегатов, имеющих 4575 мандатов и представляющих 180 тыс. членов. Большинство делегатов в ходе бурных прений высказалось за поддержку резолюции о вступлении Социалистической партии в Коминтерн. Большое впечатление на делегатов произвели выступления 30-летнего революционера Нгуэна Ай Куока, ныне покойного президента Демократической Республики Вьетнам тов. Хо Ши-Мина и прибывшей нелегально во Францию Клары Цеткин, которая от имени ИККИ заявила, что необходимо «вытащить французский пролетариат с задворков исторической жизни и поставить его во главе нации».[12]

Правые и «реконструкторы» — Марсель Самба, Леон Блюм, Поль Фор, Жан Лонге — старались в своих выступлениях предостеречь партию от опасного, на их взгляд, пути бланкизма, заговорщичества, карбонаризма. Они взывали к традициям и практике западноевропейского социалистического движения. Противники классовой борьбы, защитники капитализма, вчерашние и завтрашние министры в буржуазных правительствах видели в реформизме английских лейбористов путь, по которому следовало идти французскому рабочему движению. Передовая Англия, а не отсталая Россия, по их мысли, должна была служить примером для Франции.

27 декабря с яркой речью выступил Марсель Кашен. Он рассказал о трудностях, которые приходится преодолевать народам Советской России, о действиях международного капитала, пытающегося поставить трудящихся родины Октября на колени. Но «Русская республика победила окончательно и бесповоротно; социалистическая республика родилась, и она призывает нас вместе с ней бороться в рядах нового Интернационала, который он создал».[13]

Правые осуждают методы русских, продолжал Кашен, но не следует забывать, что эти же методы использовали французские революционеры в конце XVIII в. Они хорошо изучили опыт Франции и используют его в своих, русских условиях. Раздаются голоса, осуждающие большевиков за их решение крестьянского вопроса, за предоставление сельскому населению земли, видя в этом отказ от коммунистических идеалов. Однако жизнь подтвердила правильность этого решения, а выступления представителей сельскохозяйственных департаментов на съезде говорят о том, что французские крестьяне в этом главном для них вопросе согласны с большевиками.

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 297.

[12] См.: Жорж Коньо. Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба трудящихся Франции за социальный прогресс. М., 1967, стр. 101.

[13] Marcel Cachin. Vous parle. Paris, 1959, p. 83.

В области внешней политики большевики проводят политику мира, политику гласности, политику уважения народов. В Эстонии, продолжал Кашен, видные политические деятели нам заявляли: «Мы абсолютно враждебны большевизму, но мы должны признать, что только нынешнее русское правительство согласилось на нашу независимость. Мы с ужасом думаем о возможности восстановления власти консерваторов, власти кадетов или вообще о какой-либо замене нынешнего правительства в Москве».[14]

Большое внимание Кашен уделил вопросу организационной перестройки партии, используя опыт РКП(б), ее строгую дисциплинированность. Кашен напомнил делегатам о лучших традициях французского социалистического движения, о борьбе гедистов с реформизмом.

Следует отметить, что в выступлениях многих делегатов идеи большевизма связывались с лучшими традициями революционного гедизма. Это свидетельствовало о силе, жизненности, преемственности того лучшего, что было во французском рабочем движении, несмотря на измену вождей в годы войны. Вечером 29 декабря 3252 мандатами против 1082 делегаты Турского съезда высказались за присоединение к Коминтерну. Меньшинство после оглашения результатов голосования покинуло помещение съезда и конституировалось под знаменами Социалистической партии. «Большинство прежней Социалистической партии... направило революционный французский пролетариат по ленинскому пути».[15]

Вопрос об образовании Французской коммунистической партии по настоящее время привлекает внимание историков. Противники коммунизма, враги марксизма-ленинизма, упорно отрицают закономерность и неизбежность раскола, происшедшего в Туре. Еще несколько десятилетий тому назад Поль Фор — тогдашний генеральный секретарь Социалистической партии — заявил: «По приказу из Москвы безрассудное большинство, состоящее главным образом из новых членов, вступивших в партию в войну или после войны, разрушило единство социалистов, созданное в 1905 году».[16] Поднятая на щит правосоциалистической и буржуазной печатью двухтомная книга Анни Крижель «О происхождении французского коммунизма. 1914—1920 гг.»[17] рекламируется как «величайшее событие послевоенной социологической мысли». Фактически же Крижель повторяет старые постулаты вождей социалистической партии и тщится доказать, что лишь стечение обстоятельств, непредвиденные неожиданности

---

[14] Там же, стр. 104.

[15] Histoire du Parti communiste français, p. 104.

[16] XXVII Congress National (8—11 juin 1930). Bordeau Rapport. Paris, 1930, p. 3.

[17] A. Kriegel. Aux origines du Communisme français. 1914—1920. Paris, 1964.

привели к установлению связей Социалистической партии с большевиками, а вслед за этим последовала цепь событий, приведших к событиям в Туре.[18] «Турский Конгресс для своего времени, — пишет Крижель, — не имел того радикального характера, который он приобрел впоследствии».[19] И это заявляется о съезде, положившем начало существования политической партии французского рабочего класса, насчитывавшей в своих рядах более 100 тыс. членов, приобретшей влияние в пролетарских центрах, удержавшей в своих руках центральный орган, созданный Жаном Жоресом, газету «Юманите», сохранившей боевые гедистские традиции, носителем которых был в первую очередь Марсель Кашен.

Незадолго до опубликования книги Анни Крижель, в 1962 г., в Париже была издана монография бывшего активного деятеля Социалистической партии Даниэля Лигу́, вышедшего из ее рядов в дни крушения IV республики. В оценке Турского съезда он не расходится с официальной версией Социалистической партии, также сообщая о «злокозненной деятельности Коминтерна», «о его стремлении к созданию в западноевропейских странах заговорщических организаций». Касаясь последующей деятельности ФКП, Лигу́ заявляет, что партия была очень далека от того, чтобы иметь, особенно в провинции, «достаточно твердые позиции. До 1934 года она оставалась разобщенной, и ее съезды часто сводились к сведению счетов между различными течениями».[20]

Подобные заявления по меньшей мере недобросовестны. Лигу́ зачеркивает мужественную борьбу французских коммунистов против рурской авантюры Пуанкаре, колониальных войн в Сирии и Марокко, деятельность ФКП в защиту СССР, совместную с УВКТ работу в массовых пролетарских организациях. Разве можно забывать, что, несмотря на действительную острую борьбу с различными враждебными течениями в 20-е годы, ФКП при поддержке Коминтерна выпестовала плеяду замечательных руководителей и во всеоружии, во главе широких народных масс встретила и разгромила фашистских заговорщиков, попытавшихся повторить на берегах Сены то, что незадолго удалось осуществить по ту сторону Рейна.

Наконец, следует отметить, что в 20-х годах ФКП, несмотря на определенное уменьшение ее численности, расширила и укре-

---

[18] Там же, стр. 613.

[19] Там же, стр. 863.— Известный французский историк, видный член Социалистической партии Александр Зеваэс в книге «Histoire du Socialisme et Communisme en France. 1871—1947» (Paris, 1947) излагает события, связанные с образованием ФКП в главе «Раскол в Туре», состоящей всего из 9 страниц. Последующий более чем десятилетний период истории ФКП Зеваэс вообще обходит молчанием, сразу перейдя к рассказу о Народном фронте. Очень любопытен подобный образ исторического повествования!

[20] Daniel Ligou. Histoire du Socialisme en France (1871—1961). Paris, 1962, p. 334.

пила свое влияние в пролетарских массах. Показателем этого служат выборы в палату депутатов в 1924 и 1928 гг., когда коммунистические кандидаты получили соответственно 875 812 и 1 060 тыс. голосов.[21]

Конечно, были отрицательные моменты, на которые указывал Морис Торез. В рядах молодой коммунистической партии остались связанные с буржуазией политиканы, парламентарии и журналисты, не подчинявшиеся партийной дисциплине, слабы были связи местных организаций с центральными руководящими органами, сохранялись фракционные группировки.[22]

Необходимо иметь в виду, что раскол в Туре произошел в период спада революционной борьбы во Франции, высшей точкой которой была майская стачка 1920 г.[23] И тем не менее в Туре была одержана победа международного значения. Менее чем через месяц после образования Коммунистической партии Франции, В. И. Ленин, выступая 23 января 1921 г. на II Всероссийском съезде горнорабочих, говорил: «Недавно съезд социалистов во Франции показал, что мы в этой стране, полной самого большого шовинизма, завоевали большинство, партию раскололи, гнилых вождей выкинули вон...»[24]

Как справедливо отмечает Жак Дюкло, создание ФКП было «не странностью, не случайностью в истории, а выражением движения масс против политики, которой нельзя было больше следовать».[25]

* *
*

Образование Французской коммунистической партии совпало с началом нового периода в международном коммунистическом движении. Возникнув в ходе ожесточенной и успешной борьбы против реформистов и центристов, ФКП должна была на ходу перестраивать свои ряды, учиться большевистским формам и методам работы, очищаться от людей случайных, а подчас и скрыто враждебных принципам марксизма-ленинизма.

«...Турский съезд, — указывал Жак Дюкло, — заложил основы коммунистической партии, которой предстояло преодолеть большие трудности и выдержать много сражений, чтобы превратиться в партию, верную марксистско-ленинскому учению».[26]

Ленинские указания о воспитании передовой части пролетариата — членов молодых коммунистических партий явились основой деятельности ФКП в годы ее «политического ученичества»,

---

[21] Histoire du Parti Communiste français, pp. 150, 203.

[22] См.: Морис Торез. Избр. статьи и речи. М., 1966, стр. 473—474.

[23] Коммунистический интернационал в документах 1919—1932 гг. М., 1933, стр. 166.

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 253—254.

[25] "Humanité", 12 septembre, 1968.

[26] Ж. Дюкло. Октябрь 1917 года и Франция. М., 1967, стр. 369.

в годы борьбы за превращение ФКП в партию нового типа. В. И. Ленин в августе 1921 г. советовал зарубежным коммунистам «систематически исправлять ошибки прошлого; — неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; — терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий. . .» [27]

Доклады, речи, статьи, многочисленные беседы В. И. Ленина с участниками международного коммунистического движения в эти годы полны доброжелательных советов о терпеливой, вдумчивой, целеустремленной работе, направленной на завоевание масс, на изыскание путей и средств убеждения пролетариата в необходимости строительства новых, коммунистических партий.

О. В. Куусинен вспоминал, что, беседуя с иностранными делегатами, В. И. Ленин говорил: «Теперь вы все вернетесь домой и скажете рабочим, что мы стали благоразумнее, чем были перед III Конгрессом. Вы не должны смущаться, вы скажете, что мы допустили ошибки и хотим теперь действовать осторожнее; тем самым мы привлечем на свою сторону массы... массы, которые объективно всем ходом вещей подталкиваются к нам, но которые боятся нас». [28]

Враги коммунистического движения по-прежнему пытаются утверждать, что Коминтерн вел линию на отрыв от рабочего класса, на противопоставление пролетарским массам замкнутых, сектантских организаций. Так, упоминавшаяся выше Анни Крижель в статье «Французская коммунистическая партия и вопрос о власти (1920—1939)», опубликованной в конце 1966 г., пишет, что В. И. Ленин «заставил европейских коммунистов оторваться от своей массовой базы и образовать небольшие заговорщицкие группы». [29]

Естественно, что В. И. Ленин, будучи гениальным теоретиком революционной мысли и практиком революционного дела, в 1921 г., в обстановке отлива революционной волны, со всей остротой поставил новые тактические задачи перед международным коммунистическим движением. В решениях III Конгресса Коминтерна подчеркивалось, что коммунистические партии должны самым решительным образом убеждать трудящихся, что капитализм не в состоянии улучшить их положение, и в то же время отказаться от мысли, что успех революционных действий может быть обеспечен одним авангардом, без наличия серьезного внутриполитического кризиса, без выступлений широчайших народных масс. «В массы! Создать единый фронт пролетариата!» — таков был главный итог работы III конгресса Коминтерна.

---

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 89—90.
[28] «Правда», 1963, 6 ноября.
[29] «Вопросы истории КПСС», 1968, № 11, стр. 82.

В. И. Ленин, выступая 11 июля 1921 г. на совещании членов ряда европейских делегаций конгресса Коминтерна, говорил: «Наша единственная стратегия теперь — это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, „оппортунистичнее“, и это мы должны сказать массам. Но после того, как мы завоюем массы благодаря нашему благоразумию, мы затем применим тактику наступления и именно в самом строгом смысле слова».[30]

Пальмиро Тольятти в докладе на конференции по изучению теоретического наследия Антонио Грамши в феврале 1958 г. привел замечание Грамши, сделанное им в «Заметках о политике Макиавелли», чрезвычайно правильно оценившее смысл решений III конгресса Коминтерна: «Мне кажется, — писал Грамши, — что Ильич (Ленин) понял необходимость превратить маневренную войну, победоносно примененную на Востоке в 1917 году, в войну позиционную, которая была единственно возможной на Западе. По-моему, это и означало бы осуществление формулы „единого фронта“».[31]

В молодой Французской коммунистической партии вопрос о применении решений III конгресса Коминтерна, тактики единого фронта встретил резкое противодействие. Ряд публицистов на страницах «Журнал дю пепль», «Вагю» заявлял о необходимости сближения коммунистов с левобуржуазными партиями и организациями, высказывали сожаление по поводу разрыва, происшедшего в Туре, пропагандировали неограниченную свободу мнений в партии. Одним из главных аргументов представителей правого крыла в рядах ФКП (Анри Фабр, Бризон) был переход Советской России к новой экономической политике. Естественной была реакция рабочих-коммунистов на правооппортунистические выступления подобных публицистов. Член ЦК ФКП рабочий Картье заявлял: «Я верил в Геда, как в бога. Теперь я никому не верю. Вы, слышите, никому».[32] Но подобные заклинания мало могли помочь делу строительства массовой, идейно закаленной коммунистической партии. К тому же дело осложнялось и тем, что революционные синдикалисты, пользующиеся значительным влиянием в пролетарских массах, по-прежнему, как и в довоенные годы, чрезвычайно настороженно относились к деятельности политических организаций рабочего класса. Они сохраняли на своих знаменах старый лозунг «Синдикализм достаточен для всего» (Le Syndicalisme suffit à tout). Газета «Ви увриер» писала: «Авангард пролетариата находится в профсоюзах, а не в коммунистической партии. Мы никогда не согласимся с тем, что люди, стоящие вне профсоюзов, журналисты, адвокаты и литераторы, только потому, что они находятся в партии,

---

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 59.
[31] П. Тольятти. Избр. произведения, т. 2. М., 1965, стр. 168.
[32] А. Лозовский. Рабочая Франция. М.—Пг., 1923, стр. 37.

могут быть авангардом пролетариата. Мы сами свой собственный авангард».[33]

В. И. Ленин пристально следил за развитием внутриполитической борьбы во Французской коммунистической партии. 11 августа 1921 г. он просит работников Коминтерна: «Нельзя ли прислать мне подбор самого краткого количества важнейших документов и статей, касающихся последних событий во французской партии, связанных с отношением партии к революционным синдикалистам».[34]

Как вспоминает А. Лозовский, В. И. Ленин решительно осуждал ультралевые заявления французских коммунистов. На III конгрессе Коминтерна «приехали несколько человек, чрезвычайно лево настроенных, особенно из Франции. Среди них был делегат от молодежи по фамилии Ляпорт, который доказывал, что тактика Коминтерна оппортунистическая, что темпы, которые мы развиваем, приносят ущерб международному рабочему движению. Можно себе представить, как Ильич воспринял такого рода идейки... В своей речи Ильич был беспощаден по отношению к «теории наступления» и по отношению к Ляпорту».[35]

В декабре 1921 г. В. И. Ленин написал статью «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии», которые он оценил как вполне правильные. Вместе с тем он высказал и ряд ценных советов, рекомендуя французским товарищам усилить разоблачение пацифистских иллюзий, воспитывать в рабочих и крестьянах готовность к законной, справедливой, революционной войне против капиталистов. В. И. Ленин подчеркивал важность разъяснения крестьянам сущности капиталистической эксплуатации, показа того, «какое громадное большинство сельского населения во Франции выиграло бы тотчас, немедленно и очень значительно от пролетарской революции».[36]

Вопрос о применении тактики единого фронта был поставлен на обсуждение съезда ФКП, состоявшегося в Марселе 26—30 декабря 1921 г.

Накануне съезда в «Правде» были опубликованы тезисы «О едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим во II, II½ и Амстердамский Интернационал, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Делегаты Марсельского съезда выступили против каких-либо контактов с руководителями реформистских организаций. Резкой критике была подвергнута та часть тезисов, в которых говорилось: «Как ни предает на каждом шагу реформистская

---

[33] Там же, стр. 42.
[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 112.
[35] «Вопросы истории КПСС», 1966, № 7, стр. 109.
[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 279—280.

конфедерация труда, руководимая Жуо, Мергеймом и К°, интересы рабочего класса, французским коммунистам и революционным элементам французского рабочего класса вообще все же необходимо перед началом каждой массовой стачки или революционной демонстрации, или какого-либо другого непосредственного выступления масс делать предложения реформистам о поддержке этого выступления рабочих и систематически разоблачать реформистов при их отказах поддерживать революционную борьбу рабочих».[37]

Съезд отверг тезисы Коминтерна, заявив, что не считает возможным вступать в какие-либо контакты с вождями Социалистической партии и ВКТ, сотрудничающими с буржуазией и отказавшимися от классовой борьбы. Эта же позиция ФКП была подтверждена и после февральского (1922) пленума ИККИ на заседании Национального совета партии в апреле.[38]

Разнородность течений, представленных в партии и в ее руководящих органах, сложность обстановки в ФКП являлись отражением тех условий, в которых возникла партия, и в определенной степени повторяли те группировки, которые существовали в рабочем движении страны еще в довоенные годы. Отсутствовало главное: идейное единство, усвоение революционной теории и умение применить ее в сложной, противоречивой, изменчивой ситуации. Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство, которое, возможно, не было в должной степени учтено при написании тезисов Коминтерна,— происходящие как раз в это время процессы в профсоюзном движении, приведшие в июне 1922 г. к образованию на съезде в Сент-Этьене Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ).

Коминтерн в течение нескольких месяцев 1922 г. стремился консолидировать здоровые элементы ФКП, не допустить нового раскола, освободить партию от открытых оппортунистических элементов.[39] Национальный совет ФКП заявил, что лишь новый съезд партии вправе пересмотреть решение предыдущего, Марсельского съезда.

---

37 «Правда», 1921, 18 декабря.

38 См.: Histoire du Parti communiste français, стр. 126.

39 В ФКП открыто говорили о необходимости «французского Ливорно», о разрыве с людьми типа Фабра писавшего, «что, собственно хотят от меня? Я вообще не занимаюсь политикой и большими вопросами. Мои желания очень ограничены: после трудового рабочего дня я мечтаю только о том, чтобы отдохнуть на груди любимой женщины» (см.: А. Лозовский, ук. соч., стр. 112). Ж. Эмбер-Дро в воспоминаниях, опубликованных в Париже в 1964 г., заявляет, что перед ФКП в начале 20-х годов стала дилемма: или принимать участие в жизни страны, бороться за единство рабочего класса, или замкнуться в себе и осуществлять большевизацию своих рядов. (см.: J. Humbert-Dros. L'Oeil de Moscou á Paris. Paris, 1964, p. 19). Причем бывший деятель Коминтерна и швейцарского коммунистического движения Эмбер-Дро, которого В. И. Ленин еще в 1916 г. в письме Инессе Арманд называл «пошляком толстовства» (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 341), пытается убедить читателей своих мемуаров, что завоевание ком-

В. И. Ленин, продолжавший внимательно следить за развитием событий во французском коммунистическом движении, в конце февраля 1922 г. писал в «Заметках публициста»: «Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый *тип* партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию, это — вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее».[40]

Второй съезд ФКП состоялся в Париже с 15 по 19 октября 1922 г. Численность партии сократилась до 78 828 человек. Внутрипартийная борьба не могла не сказаться на авторитете партии. Особенно чувствительным было уменьшение рядов партии в промышленных районах севера страны.

Д. З. Мануильский, присутствовавший на съезде в качестве представителя Коминтерна, пытался добиться сближения между представителями центра и левых. Это казалось возможным, так как крайнеправые типа Фавра к этому времени были исключены из партии решением ИККИ, который они (правые) называли «Интернационалом ташкентцев, башкир и жителей Филиппинских островов».[41]

Фроссар, выступая на съезде, был вынужден признать, что он занимал колеблющуюся позицию по всем основным вопросам, и в частности по вопросу о применении тактики единого фронта: «Я находился, — говорил он, — между молотом и наковальней, будучи поставлен перед дилеммой: либо идти с Интернационалом, но пожертвовать интересами партии, либо идти с партией, но разорвать с Интернационалом».[42] Это заявление Фроссара было чрезвычайно показательным для него: сам факт противопоставления партии Интернационалу свидетельствовал о том, что он не хотел и не мог до конца избавиться от социал-демократических взглядов и тяготился так называемой «диктатурой Москвы». Хотя и наметилось некоторое сближение точек зрения по важнейшим вопросам политической жизни партии, но до дружной совместной работы было еще чрезвычайно далеко. Д. З. Мануильский с горечью отмечал: «Большая политическая партия не может жить в течение двух лет, заполняя все идейное содержание жизни партии дискуссией о приемлемости двадцати одного условия или вопросами урегулирования

мунистами большинства рабочего класса на путях марксизма-ленинизма в западноевропейских странах невозможно. Деятельность ФКП в 30-х годах и последующих десятилетиях наглядно опровергает эти утверждения. Следует отметить, что в подготовке к изданию книги Эмбер-Дро принимала участие упомянутая выше Анни Крижель.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 420.

[41] Д. З. Мануильский. Кризис Французской коммунистической партии. Харьков, 1923, стр. 6.

[42] Там же, стр. 11—12.

взаимоотношений партии с Москвой... Со времени Тура партия не сделала шага вперед».[43]

При решении организационных вопросов, связанных с выборами руководящих партийных органов и редакции «Юманите», соглашения между центром и левыми достигнуто не было, и партия оказалась на грани раскола. Решение спорных вопросов было перенесено на рассмотрение IV конгресса Коминтерна.

IV конгресс Коминтерна состоялся в Москве с 5 ноября по 5 декабря 1922 г. Он создал комиссию по французскому вопросу, в работах которой принимал участие В. И. Ленин. Делегацию ФКП на конгрессе возглавлял Марсель Кашен. В ряде решений — «Политическая резолюция по французскому вопросу», «Организационная резолюция по французскому вопросу», «Рабочая и боевая программа Французской коммунистической партии» — была намечена программа, на основе которой ФКП должна была выйти из кризиса.[44]

Установление правильных взаимоотношений с профсоюзами, наиболее массовой организацией пролетариата, и руководство экономическими боями рабочего класса; организационная перестройка партийных рядов с переносом центра тяжести повседневной работы на предприятия; прекращение межфракционной борьбы и сплочение партии на принципиальной основе, выработанной совместными усилиями всех истинно революционных борцов; активизация интернациональных действий партий; решительное изгнание оппортунистических элементов, лелеющих надежду на превращение ФКП в левое крыло Социалистической партии,— таковы были основные положения, выработанные в ходе дискуссии в Москве, во время работы IV конгресса Коминтерна при непосредственном участии В. И. Ленина.

Параллельно с IV конгрессом Коминтерна работал Второй конгресс Профинтерна (19 ноября — 12 декабря 1922 г.), на котором присутствовала делегация только что созданной французской Унитарной всеобщей конфедерации труда. В. И. Ленин принял французских профсоюзных деятелей и в беседе с ними особенно подчеркнул значение активной работы пролетариев в рядах молодой коммунистической партии.[45] Руководители УВКТ Пьер Семер и Гастон Монмуссо, вступившие в ряды ФКП, в дальнейшем сыграли заметную роль в большевизации коммунистической партии.

Подавляющее большинство членов ФКП одобрило рекомендации, выработанные в Москве. Однако Фроссар и его единомышленники продолжали сопротивляться их осуществлению на

---

[43] Там же, стр. 19.

[44] См.: Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг., стр. 343—356.

[45] См.: Гастон Монмуссо. Ленин и французское профдвижение. В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2. М., 1957, стр. 666—670.

практике. В новогоднем номере «Юманите», 1 января 1923 г., Фроссар заявил о своем выходе из партии. Для него партия, перестающая быть «большим содружеством „верхушек“, покрывающих друг друга»,[46] утратила свою привлекательность.

21 января 1923 г. Национальный совет ФКП, созванный на правах съезда, утвердил решение IV конгресса Коминтерна. Национальный совет собрался в обстановке полицейских репрессий, обрушившихся на партию в связи с начавшейся оккупацией Рура французскими войсками. Многие видные деятели партии были арестованы. Кашен лишен парламентской неприкосновенности. Атаки правительства против коммунистов заставили членов ФКП отложить в сторону все разделявшие их разногласия и сплотить свои ряды. Расчеты Фроссара на усиление внутрипартийной борьбы в связи с его неожиданной отставкой оказались несостоятельными.

Так при поддержке Коммунистического Интернационала, руководимого В. И. Лениным, был преодолен серьезнейший кризис во Французской коммунистической партии. Уходили из партии еще оставшиеся в ее рядах попутчики, обновлялись партийные ряды за счет вступления молодых борцов за дело пролетариата, но процесс превращения ФКП в партию нового типа еще продолжался.

* *
*

1970 год — год столетия со дня рождения В. И. Ленина, это и дата полувекового существования и постоянной боевой деятельности Французской коммунистической партии. Свое пятидесятилетие ФКП встречает как испытанный руководитель рабочего класса и всех демократических сил страны, борющихся за мир, демократию и социальный прогресс, как один из ведущих отрядов международного коммунистического движения, тесно связанный братскими узами с ленинской Коммунистической партией Советского Союза.

---

[46] Д. З. Мануильский, ук. соч., стр. 35.

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Ленин и историческая наука

Редакторы *Н. А. Захарова, В. В. Макарова*
Художник *Б. Н. Осенчаков*
Художественный редактор *А. К. Тимошевский*
Техн. редактор *В. С. Кузина*
Корректоры *С. И. Сорина, Г. В. Краснухина*

М-67207. Сдано в набор 17/IX 1969 г. Подписано к печати 30/XII 1969 г. Формат бум. 60×90[1]/16. Бумага тип. № 1. Печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 15,3. Бум. л. 7,12. Тираж 3690 экз. + 10 отд. отт. Заказ № 670. Цена 1 р. 20 к.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова

Ленинградская типография № 8 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград. Прачечный пер., д. 6.

1р. 20 к.

В. И. ЛЕНИН И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА